НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Only Fantasy.ru

НЕРЕАЛИЯ

СЕРГЕЙ МАТВЕЕВ

БИТВА ЗА СМОЛЕНСК

ЛИТРПГ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В Нереалии царят двойные стандарты. Государство-жандарм подмяло под себя игровой мир. Кровь и страдания стали платой за геополитические выгоды. Однако Алексу, ветерану он-лайн сражений, не к лицу прогибаться перед ложью и несправедливостью - новичок без оружия, денег и титулов, он обладает главным - бесценным опытом прежних сражений и неистребимым желанием установить законы чести и справедливости.

-
- Пролог
- Глава первая. Регистрация в игре
- Глава вторая. Неприятный сюрприз
- Глава третья. Всемогущий Синекрион
- Я вздохнул и тоже вышел из игры.
- Глава пятая. Военный совет
- Глава шестая. Лесной бой
- Глава седьмая. Загадочная Чарген
- Глава восьмая. Вероломное нападение
- Глава девятая. Пылающая застава
- Глава десятая. Партизанская война

Сергей Матвеев

Нереалия

Книга первая

Битва за Смоленск

Пролог

Вообще-то в интернете игр хватает. На любой вкус. Можешь быть остроухим эльфом, жить в сказочных лесах какого-нибудь Линдуэля. А можешь стать лётчиком-истребителем времён Великой Отечественной, командиром эскадрильи. Лично я долгое время играл в «Рыцарей Средневековья», дошёл там до уровня паладина и даже был правой рукой Великого магистра Де Жюссо, главы клана «Белый Орден». Заведовал всей дипломатией. Это был второй по численности и совокупной мощи клан в игре, между прочим. Мы были в ней главной силой, которая отстаивала принципы добра и справедливости. Под наши флаги стекались все обиженные, униженные и оскорблённые. Наши паладины всегда появлялись там, где нужно было защитить слабых.

Мы прекрасно проработали внутреннее устройство клана, деление на отряды разного назначения, академию для обучения новобранцев, взаимодействие и цепочки исполнения приказов командования. Наш Белый Орден работал, как отлаженный часовой механизм. Всё шло прекрасно, но всё хорошее когда-нибудь заканчивается.

Долгая изнурительная борьба с главным противником, тёмным кланом «Санёбиус», хотя и закалила нас в боях, но имела свою, чрезмерно дорогую, цену. Для того, чтобы поддерживать лидирующие позиции в рейтинге кланов — а мы традиционно занимали вторую строчку, иногда поднимаясь на первую — требовалось тратить слишком много душевных и физических сил. Противники объединялись в альянсы против нас, устраивали бесконечные интриги, преследовали наших ведущих игроков, оказывали жёсткий психологический прессинг. Мы справлялись со всем этим, но постоянно чувствовали себя в осаждённой крепости, под стенами которой волновалось море объединившихся в слепой ненависти к нашим убеждениям тёмных кланов. Лордам — руководителям Белого Ордена приходилось проводить онлайн столько времени, что на всё остальное в нашей жизни места уже просто не оставалось. Требовалось полностью посвятить себя игре, отдавая ей всю свою энергию без остатка.

В какой-то момент Высший Совет лордов постановил, что дальше так продолжаться не может. Мы не сдали Крепость Белого Ордена — просто в один прекрасный день мы всем кланом шагнули в легенду, синхронно покинув игру. Реакция на наш поступок была ошеломляющей — нас забрасывали письмами, в которых упрашивали вернуться. Светлые потеряли в нас

защитников, а тёмные — достойного противника. Когда мы ушли — мы забрали вместе с собой привычный смысл и цель их существования в игре. Но дважды в одну реку войти невозможно — и мы не вернулись. Каждый из лордов занялся накопившимися делами в реале, все мы жили в разных городах и даже странах, поэтому общались всё реже. К тому же, слишком сильна была в душе боль за прекративший своё существование клан. Ведь в нашей памяти он остался таким, каким был в зените своего могущества — гордым, благородным, непобедимым защитником света. У меня долго не появлялось желания поиграть во что-то ещё — не хотелось пережить ещё раз боль подобной утраты.

Но прошло больше года, и в один прекрасный день я снова зашёл на официальный форум многопользовательской онлайн игры «Рыцари Средневековья», чтобы испытать ещё раз те чувства, которые бурлили во мне тогда. Признаюсь, у меня слегка увлажнились глаза, когда в разделе «Зал Славы» на видном месте я увидел «Легенду Белого Ордена». Память о нас сохранилась в игре навсегда. Нет, у меня не возникло желания всё повторить вновь. Не хотелось больше нести на своих плечах груз ответственности за судьбы сотен людей. Но я снова почувствовал желание поиграть. Просто поиграть — обычным воином, без забот и обязательств. В своё удовольствие. И это положило начало новой страницы в моей истории игрока в виртуальных мирах.

Вообще-то в интернете игр хватает. На любой вкус. Можешь быть остроухим эльфом, жить в сказочных лесах какого-нибудь Линдуэля. А можешь стать лётчиком-истребителем времён Великой Отечественной, командиром эскадрильи. Лично я долгое время играл в «Рыцарей Средневековья», дошёл там до уровня паладина и даже был правой рукой Великого магистра Де Жюссо, главы клана «Белый Орден». Заведовал всей дипломатией. Это был второй по численности и совокупной мощи клан в игре, между прочим. Мы были в ней главной силой, которая отстаивала принципы добра и справедливости. Под наши флаги стекались все обиженные, униженные и оскорблённые. Наши паладины всегда появлялись там, где нужно было защитить слабых.

Мы прекрасно проработали внутреннее устройство клана, деление на отряды разного назначения, академию для обучения новобранцев, взаимодействие и цепочки исполнения приказов командования. Наш Белый Орден работал, как отлаженный часовой механизм. Всё шло прекрасно, но всё хорошее когда-нибудь заканчивается.

Долгая изнурительная борьба с главным противником, тёмным кланом «Санёбиус», хотя и закалила нас в боях, но имела свою, чрезмерно дорогую, цену. Для того, чтобы поддерживать

лидирующие позиции в рейтинге кланов — а мы традиционно занимали вторую строчку, иногда поднимаясь на первую — требовалось тратить слишком много душевных и физических сил. Противники объединялись в альянсы против нас, устраивали бесконечные интриги, преследовали наших ведущих игроков, оказывали жёсткий психологический прессинг. Мы справлялись со всем этим, но постоянно чувствовали себя в осаждённой крепости, под стенами которой волновалось море объединившихся в слепой ненависти к нашим убеждениям тёмных кланов. Лордам — руководителям Белого Ордена приходилось проводить онлайн столько времени, что на всё остальное в нашей жизни места уже просто не оставалось. Требовалось полностью посвятить себя игре, отдавая ей всю свою энергию без остатка.

В какой-то момент Высший Совет лордов постановил, что дальше так продолжаться не может. Мы не сдали Крепость Белого Ордена — просто в один прекрасный день мы всем кланом шагнули в легенду, синхронно покинув игру. Реакция на наш поступок была ошеломляющей — нас забрасывали письмами, в которых упрашивали вернуться. Светлые потеряли в нас защитников, а тёмные — достойного противника. Когда мы ушли — мы забрали вместе с собой привычный смысл и цель их существования в игре. Но дважды в одну реку войти невозможно — и мы не вернулись. Каждый из лордов занялся накопившимися делами в реале, все мы жили в разных городах и даже странах, поэтому общались всё реже. К тому же, слишком сильна была в душе боль за прекративший своё существование клан. Ведь в нашей памяти он остался таким, каким был в зените своего могущества — гордым, благородным, непобедимым защитником света. У меня долго не появлялось желания поиграть во что-то ещё — не хотелось пережить ещё раз боль подобной утраты.

Но прошло больше года, и в один прекрасный день я снова зашёл на официальный форум многопользовательской онлайн игры «Рыцари Средневековья», чтобы испытать ещё раз те чувства, которые бурлили во мне тогда. Признаюсь, у меня слегка увлажнились глаза, когда в разделе «Зал Славы» на видном месте я увидел «Легенду Белого Ордена». Память о нас сохранилась в игре навсегда. Нет, у меня не возникло желания всё повторить вновь. Не хотелось больше нести на своих плечах груз ответственности за судьбы сотен людей. Но я снова почувствовал желание поиграть. Просто поиграть — обычным воином, без забот и обязательств. В своё удовольствие. И это положило начало новой страницы в моей истории игрока в виртуальных мирах.

Глава первая. Регистрация в игре

В последнее время на глаза мне стала часто попадаться реклама игры «unrealland.com», она же в русскоязычном интернете — «нереалия. рф». Яркая, красивая у них реклама, ничего не скажешь, и текст заманчивый: «сражайся за своё королевство, добейся его процветания». Мне всегда нравилась идея королевств. Есть в этом что-то романтическое. К тому же, это возможность не только повоевать, но и попутешествовать, ощутить средневековую атмосферу, пусть и ненастоящую. Меня вполне устроит игровое средневековье, вобравшее в себя всё самое интересное, но лишённое чрезмерного натурализма средневековья настоящего. Без сточных канав прямо на центральных улицах я как-нибудь обойдусь. В общем, я решил зайти на сайт игры и узнать о ней побольше.

Ого! Зарегистрированных игроков — двадцать с чем-то миллионов. Неплохо! Игроков онлайн — сто девяносто пять тысяч. Впечатляет! У нас в «Рыцарях» столько не набиралось. Так, и чем же все эти игроки занимаются? Идём в правила. Пункт первый: «Главной целью Военно-Экономической Стратегии «Нереалия» является создание собственного королевства и обеспечение условий для его динамического развития и процветания». Эка они завернули! Так, а почему «военно-экономической»? Как они это объединяют? Пункт второй: «Регистрация в игре — бесплатная. Однако создание королевства требует внесения в игровой банк определённой суммы (зависит от выбранных параметров королевства). Необходимую сумму игрок (или группа игроков — далее «клан») может внести как обычными денежными средствами, так и заработанной (персонально или сообща членами клана) игровой валютой». Ясно. Очередная обдираловка. Выкачивают из народа деньги. С другой стороны, даже в наших «Рыцарях» всякие там улучшенные доспехи или специальные умения оплачивались реальными деньгами, и никого это, по большому счёту, не останавливало. Я и сам, помнится, прикупил себе однажды «кольцо удачи» за триста рублей, в боях оно увеличивало шанс нанесения критического удара мечом на сорок процентов. А у того же де Жюссо всяких платных вещичек на целое состояние накуплено было. Так зато он — великий рыцарь, на нём весь Белый Орден держался.

В общем, дело не в самих деньгах, а в том, насколько естественно всё выглядит. Присутствие платных услуг в игре не должно раздражать и быть слишком уж навязчивым. А ещё — обычный игрок, даже без вкладывания единой копейки

«реальных» денег — тоже должен иметь достаточные шансы на успех в игре. То есть должна быть альтернатива. Другими словами, справедливость. В общем, читаем дальше.

Пункт третий: «При регистрации игрок выбирает себе королевство, подданным которого станет на всё время игры, пока не создаст (один или в составе клана) своё собственное. Список доступных для начального уровня королевств будет показан во время регистрации». Что значит «на всё время игры»? Я что, в рабство должен продаться? Почему не объясняют? Может, в разделе «часто задаваемые вопросы» найдётся ответ? Кажется, нашёл, раздел «как правильно выбрать королевство?» Читаем: «при регистрации вам будет показан актуальный список королевств, к которым вы можете присоединиться. Они будут подсвечены зелёным. Те королевства, которые подсвечены красным — вам на начальном этапе недоступны. Это значит, что присоединение к этим королевствам требует выполнения каких-то условий — например, достижения определённого игрового уровня, или владение определённой профессией, или денежного взноса. В процессе игры вы можете эмигрировать в другие королевства (через городские ратуши), в случае, если будете выполнять необходимые условия». Так. С этим разобрались. Непросто тут у них! Но, похоже, всё продумано, и на каждый вопрос при желании можно будет найти аргументированный ответ. Любопытство толкало меня дальше, и я решил оставить остальные пункты правил до лучших времён. По ходу можно будет во всём разобраться, если надо — вернуться и почитать. Пойду-ка я лучше в рубрику регистрации.

Я снова открыл главную страницу, нажал на красочную кнопку «регистрация» и принялся вводить необходимые данные. Имя, фамилия, дата рождения. Это для того, чтобы соблюсти требования закона — в виртуальность лицам младше шестнадцати вход запрещён. Дальше. Электронный адрес, пароль, ник в игре. В «Рыцарях» я был Найтом (Knight), и довольно много людей слышали этот ник и связывают его с «Белым Орденом». Не хотелось бы, чтобы меня узнали. «Рыцари Средневековья» остались в прошлом, хочется начать игровую жизнь с чистого листа.

Я задумался ненадолго, а потом пальцы сами набрали на клавиатуре имя «Alex». Почему бы и нет? Зачем выдумывать, когда имя у меня уже есть. Форма регистрации покраснела. Занято. Ну да, наивно было ожидать, что такое распространённое имя окажется свободным. Попробуем «Aleks». Тот же результат. Alexandr и Aleksandr тоже уже кому-то принадлежали. Так, а если прибегнуть к моей давней уловке? Написать вместо маленькой

латинской «л» большую латинскую «И»? Внешне они будут выглядеть одинаково — Alex и AIex. Никто ничего не заметит — если только мне не встретится эксперт по шрифтам. А для компьютера — это два абсолютно разных символа и два разных ника. Надо же! Имя подсветилось зелёным — можно занимать. Немного непривычный вариант, но вполне даже приемлемый! А, главное, это ведь моё имя, и оно оказалось свободно, при таком количестве зарегистрированных. Приятно, когда новая игра начинается с везения.

Теперь нужно ещё указать характеристики желаемого персонажа. Пол (интересно, какой процент здесь указывает пол противоположный, а, главное, зачем), желаемый возраст персонажа. Я так понимаю, от этого будет зависеть мой внешний вид в игре. Рост, вес, цвет волос, кожи и глаз. Телосложение. Ого, серьёзный подход. Может, стать рыжим великаном? Или кареглазым коротышкой-гномом? Ладно, буду спортивного телосложения мужчиной тридцати лет, обычной, «европейской», внешности.

Так, какие ещё пункты остались? «Игровое устройство: выбрать из списка». Что у нас тут? «Игровая приставка, браузер, виртkостюм, нейрошунт, кибер-остео». Я с гордостью взглянул на лежащий на столе аппаратик. В своё время он стоил просто заоблачно дорого. Но я всё равно его купил, так как проводил в игре очень много времени и придавал удобству и реалистичности огромное значение. Он и сегодня по-прежнему котировался в рейтингах довольно высоко, хотя с тех пор вышло две новых модели того же производителя. Возможно, скоро придёт время его обновить — а пока он меня более, чем устроит.

Это вам не какой-то там древний вирт-костюм, пропахший потом и пронизанный металлическим каркасом имитаторов движения. Во время игры он скрипит и трясётся, как старая телега на деревенской дороге. Ну что ж, когда-то он был последним словом техники, надо отдать ему должное. С его помощью игрок «перемещается» в виртуальную реальность игры, начинает воспринимать её, как настоящую. Костюм «движется» вместе с тобой, заставляя мышцы и нервную систему поверить, будто движения настоящие. Именно вирт-костюм послужил стимулом к гигантскому рывку в игровой индустрии. Но теперь им пользовались только очень отсталые игроки, или просто те, кто не мог позволить себе ничего лучшего.

После вирт-костюмов появились нейрошунты, вещь хорошая, но требующая небольшой операции. Вроде как абсолютно безопасно, делается быстро и безболезненно. После этого мозг игрока взаимодействует с игрой напрямую, либо через кабель,

либо через WI-FI, что значительно расширило область применения виртуальности, так как сделало возможным вход в неё в любой точке, от школы до транспорта. Тем не менее, многим не нравилась мысль об операции, да и теоретическая вероятность осложнений оставалась, так что учёные работали над альтернативами, пока не появились кибер-остео.

Крепится на тыльной стороне шеи, основание черепа как-бы удобно ложится в этакий воротник, типа мягкой подушки. Затем аппарат настраивается на индивидуальные характеристики владельца, «подсоединяясь» к его нервным путям и каким-то там центрам в мозгу. После этого он может транслировать туда, что угодно. Человек погружается в некое подобие сна, причём мозг его в это время полностью задействован, воспринимая виртуальность как единственно реальную. Ну, конечно, с оговорками, человек мог услышать, скажем, громкий крик в ухо или почувствовать резкий толчок в плечо, но, по большому счёту, пока не закончится «сеанс» — он будет жить в виртуальной реальности.

«Сеанс» завершался либо по желанию погружённого в виртуальность человека, либо по истечению заранее установленного срока пребывания — так называемого таймера. Это, вообще-то, тоже пережитки прошлого, ещё со времени вирт-костюмов, когда люди порой «зависали» в виртуальности и никак не могли вернуться в себя. Некоторые даже погибали от жажды и истощения. С тех пор таймер — обязательная по закону часть любого интерфейса взаимодействия с виртуальностью, максимальная его длительность составляла восемь часов. Обычно, конечно, ты возвращаешься сам, причём намного раньше. Но иногда приходилось возвращаться вот таким вот экстренным способом, как правило, в самый неподходящий игровой момент. Но зато можно было даже после такого долгого «сеанса» гарантированно отдохнуть, сходить в туалет, сделать себе пару-тройку бутербродов, ну а потом — если силы и желание всё ещё оставались — снова зайти в игру.

В общем, для регистрации оставалось лишь выбрать языковой кластер, королевство и профессию. С языковым кластером всё понятно — если ты китаец и хочешь говорить с игроками по-китайски — то тебе в китайский. Если хочешь по-французски — то во французский. Не знаю, как там с географией вопрос решается, но сам термин «кластер» подразумевает более-менее компактное размещение королевств с игроками, говорящих на одном языке, на карте общей игры. Это удобно, практично и отвечает любой логике экспансии не только в виртуальном, но и в реальном мире тоже. Я без раздумий выбрал в списке «русский» и

перешёл к следующему пункту.

Задача с выбором королевства казалась довольно простой — какая мне разница, если я ни с одним из них не знаком, а в игре разрешена эмиграция. Достаточно выбрать любое. Однако, присмотревшись к списку внимательней, я задумался. В списке значилась пара сотен названий, большая часть из них была подсвечена красным. Однако и среди «зелёных» королевств выбор был немалым. Справа от названий стояли значки, означавшие разные показатели, как военные, так и экономические. Например, были указаны площадь королевства, его возраст, население, военная мощь (интересно, как она вычислялась), размер золото-валютных резервов, индекс технологического развития, объём торговли, количество граничащих с ним королевств и даже протяжённость морских и сухопутных границ. В самом конце указывался общий рейтинг. По всем этим критериям можно было сделать сортировку, в общем, я в очередной раз имел возможность убедиться в том, насколько детально игра продумана.

Из чего складывался общий рейтинг, я ещё не знал. Наверняка работает какая-то формула, складывающая все указанные критерии и ещё множество других, мне пока неизвестных. Можно было бы снова открыть раздел «часто задаваемых вопросов», но было лень. В конце концов, надо оставить какие-то загадки и на потом, чтобы узнать в процессе игры. Поэтому я просто включил логику. Мне хотелось присоединиться к такому королевству, где меня смогут научить всему необходимому, а не к тому, где собрались одни зелёные новички, подобные мне. Поэтому рейтинг должен быть максимально высоким из доступных. Пятёрка королевств из числа «зелёных» с самым высоким рейтингом выглядела следующим образом: Гандария, Мерокль, Вандак, Шуга и Смоленск. У Гандарии была среди них самая большая военная мощь; Шуга, Вандак и Мерокль имели приличный торговый оборот, а Смоленск был самым древним. Существовал аж два с половиной года! Серьёзный срок для игры. Кроме того, настоящий Смоленск был мне чисто географически близок — сам я из Беларуси, а она граничит со Смоленской областью.

В общем, я отметил его, и пошёл на выбор профессии. Там тоже пришлось поразмышлять. Вообще-то, я по складу характера — воин. Притягивает меня это занятие. Есть в ней что-то романтическое. Да и во всех играх это, как правило, самая почётная профессия. И самая сложная. Я и в «Рыцарях» был воином, хотя там были и другие интересные варианты. Но здесь создатели игры решили перечислить, похоже, весь справочник

профессий. Чего тут только не было! Лекари, цирюльники, кузнецы, портные, сапожники, алхимики, виноделы, пивовары, гончары, чеканщики, кожевенники, мельники, пастухи, аптекари, художники, менестрели, оружейники, стражники, моряки, ростовщики и даже шуты! Я усмехнулся при мысли сделать себе карьеру при местном дворце в качестве шута. Кроме типично средневековых профессий были и такие, которые звучали вполне современно: инженер, водитель, артиллерист, актёр, преподаватель, следователь, адвокат, судья, журналист. Интересная у них мешанина! И как всё это одновременно уживается? Или не одновременно? Некоторые профессии подсвечены красным. Это что, сначала нужно денежный взнос внести? Ладно. Разберёмся со временем. Профессии «рыцарь» в этом длинном списке не было (наверное, это звание требовалось заслужить), поэтому я выбрал простую и понятную: «воин». А там будет видно. Королевство поменять можно, авось, и профессию при необходимости можно будет выбрать другую. Хотя не думаю, что мне этого захочется.

После выбора профессии была ещё одна страничка детальных настроек, например, «желаете ли Вы видеть в игре меню настроек перед глазами», «желаете ли получать прямо в игре всплывающие сообщения», «желаете ли видеть всплывающие подсказки при взгляде на предметы и персонажей» и так далее, в том же духе. Я не стал заморачиваться, не хочу чувствовать себя киборгом. Пусть все эти настройки и информация останутся доступным в интерфейсе игры при просмотре из реала. А в виртуальности я хочу чувствовать себя человеком, с обычными органами чувств и незамутнёнными эмоциями. Не хочу навязчивой информации. А то при взгляде на пробегающую мимо кошку начнёт звенеть звоночек и перед глазами поплывёт что-то вроде «млекопитающее, семейство кошачьих. Кошка дворовая обыкновенная, полосатая. Вес пять килограммов семьсот граммов. Максимальная скорость — двадцать шесть километров в час. Вооружение — острые когти».

Нет уж. Пусть в жизни будет некая тайна. Оставьте развлечения с развешиванием ярлыков себе. Ну или тем, кто действительно любит чувствовать себя погружённым в бесконечное цифровое поле, окутывающее мир. Я решительно выбрал внизу страницы пункт «без эффектов и дополнительной информации, максимально приближённо к реальности» и подтвердил выбор нажатием на кнопку «принять».

Оставалось заполнить лишь одну графу. Вопрос звучал так: «Желаете ли Вы перечислить на свой игровой счёт какую-либо денежную сумму по текущему курсу обмена валют?» Перебьются,

подумал я, и выбрал ответ «Нет». После этого я, не читая, поставил галочку в пункте «С правилами ознакомлен и согласен» и нажал на кнопку «зарегистрироваться». Появилась надпись «Поздравляем, AIex! Регистрация прошла успешно». Я аккуратно прикрепил к тыльной стороне шеи кибер-остео, устроился в кресле поудобнее, мысленно пожелал себе удачи и нажал на кнопку «Войти в игру».

После нескольких приятных моментов чувства лёгкости во всём теле и проваливания в пустоту (примерно то же самое вы чувствуете на «американских горках», когда вагончик начинает резко скользить вниз — некоторые не любят, а мне лично нравится) краски перед глазами на мгновение выцвели. Сначала приобрели сумрачный, черно-белый оттенок — а потом вдруг снова стали цветными. Но не совсем привычными — более яркими, более резкими. Надо будет покопаться в настройках кибер-остео, уменьшить контрастность изображения. Ну да ладно, зато не спутаешь виртуальный мир с реальным. Виртуальный мир красивее. Это, конечно, моё личное мнение, кто-то может со мной поспорить. Хотя это будет нелегко — особенно, если ты живёшь в небольшом провинциальном городке, и на дворе стоит унылая долгая зима. А в виртуальности — ты можешь выбрать что угодно — весну или лето, джунгли или наш, русский лес. И он будет даже ярче и привлекательнее настоящего. В принципе, это и есть одна из проблем виртуалки, которыми нас так пугают психологи — реальный мир после неё кажется всё менее и менее привлекательным. Как этот процесс остановить — никто не понимает.

Хотя, с другой стороны, подавляющее число игроков — это школьники и студенты. Процесс обычно приостанавливается, когда человек взрослеет и идёт на работу. Потом создаёт семью. У него банально перестаёт хватать времени на виртуалку. Конечно, из любых правил всегда бывают исключения — порой люди специально подыскивают себе работу, оставляющую достаточно времени на виртуал. Некоторые работают непосредственно в виртуале. Только не всегда это на пользу. Иногда из-за этого рушатся семьи. Трудно совмещать жизнь реальную и виртуальную, и при этом находить время на друзей, на жену, на детей. Ладно, философствования оставим на потом, а сейчас — пора знакомиться с новым миром.

Прямо перед глазами у меня оказалась стена из прекрасно прорисованного крупного тёмно-серого камня. В помещении было полутемно, дневной свет пробивался откуда-то сзади, скорее всего, из окна. Я повернулся, и оказался лицом к лицу с дородным стариком в длинном бордовом халате. Или такой

длинной рубахе. Кто его разберёт. За спиной у старика, действительно, было высокое узкое окно, похожее больше на бойницу. Вот почему в комнате полумрак.

— Ну, здравствуй, — хмуро приветствовал меня старик.

— Здравствуйте! — дружелюбно ответил я.

— Новенький? — ещё более хмуро осведомился старик, пробежавшись по мне взглядом.

— Ага, — подтвердил я. — А что, так заметно?

— Ещё бы!.. — вздохнул он. — Иди, в зеркало на себя взгляни.

— Куда идти?

— Со мной иди…

Мы прошли в соседнюю комнату, где стоял внушительных размеров канцелярский стол, а стены были заставлены шкафами с какими-то толстыми книгами. Фолиантами — так, наверное, будет правильно. Из комнаты наружу вела ещё одна дверь, возле которой висело старинное зеркало с мутной поверхностью. Впрочем, тут всё сделано «под старину», так что не буду повторяться. В зеркале я увидел себя — точнее, того персонажа, которым я теперь стал. Ничего интересного. Среднего роста, нормального телосложения, волосы русые, глаза… Цвет глаз из-за общей замутнённости изображения разобрать невозможно. Голубые я заказывал. Как в жизни. Ладно, это не самое важное. Одеты на мне были свободные холщовые штаны и такая же рубаха. Обуви не было никакой, я как-то сразу почувствовал подошвами тянущий холод каменного пола. Это всё кибер-остео. Стоит лишь представить — и на тебе, пожалуйста. Лучше бы я не думал о поле. Или представил теплый морской песочек. Но теперь уже поздно.

— Ну что, соколик, будем регистрироваться? — осведомился старик ехидно.

— Чего регистрироваться, я же только что.

— Это мне неведомо, это ты тама, на центральном сервере зарегился. А теперь ты подданный Смоленского княжества, изволь представиться.

Я повернулся к нему — старик склонился над толстой раскрытой книгой на столе, в руках у него было настоящее гусиное перо. Или не настоящее. Какая разница.

— Чьих будешь-то, касатик? — продолжал дурачиться старик.

— Скажите, это обязательно? — невольно спросил я.

— Что — обязательно? Конечно, все записываются, — не понял старик.

— Я про тон.

— А чем тебе тон мой не нравится? Новичок ты ещё, не

втянулся в игру. А надо получать от неё удовольствие, — наставительно сказал старик. А может, и не старик он вовсе. Может, ровесник мой. Кто здесь разберёт.

— Ладно, получайте своё удовольствие, — сдался я. — Алекс меня зовут. Пишется «а», потом латинская большая «и», потом «е» и в конце «икс». А вас как зовут?

— Ишь, затейник какой, — покачал головой старик, аккуратно выводя буквы. — Дедом Тимофеем меня кличут. Роду ты какого будешь, звания? Чем промышлять в игре собираешься?

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом. Как на хлеб зарабатывать будешь? Торговля, ремёсла, охота, рудники, собирательство или, может, государева служба? Или в разбойники подашься? А может, ты с реальными деньгами пришёл? У меня тут терминал покупки игровых денег имеется, все виды оплаты принимаются.

— В разбойники не подамся, — заверил я. — На рудники всегда успею, собирать тоже ничего не хочется. И вообще, я военную профессию выбрал. Если у государя нормально платят — пойду к государю. А ещё варианты есть? Если честно, ничего толком не знаю про вашу игру, может, вы расскажете?

— Может, расскажу, — уклончиво ответил старик. — Хотя не моя это функция.

— А какая у вас функция?

— Писарь я. Веду учёт прибывших и убывших.

— А кого больше?

— Не скажу. Князь не велел. Государственная тайна.

— Какая же это тайна, если мне при регистрации все данные о вашем княжестве выдали? Включая население.

— Настырный ты парень, как я погляжу, — недовольно заключил старик. — Будешь на службу наниматься? Крыша над головой, паёк и зарплата обеспечены. Ты что, хочешь каждый день за постоялый двор платить и за ужин? На это ведь ещё заработать надо! Или у тебя деньги есть, чтобы дом в Смоленске купить? Соглашайся! Осмотришься, с людьми познакомишься, вопросы глупые больше не будешь задавать.

— И где подписываться надо? — решился я.

— Сейчас оформлю, — обрадовался писарь. — А потом к воеводе зайдёшь, на распределение. Ты мне лучше скажи, одежда нормальная нужна? Недорого продам.

— Как продашь? — удивился я. — Точнее, как я куплю? У меня же денег нет ни копейки.

Писарь посмотрел на меня долгим угрюмым взглядом и полез куда-то под стол. Щёлкнула откидываемая крышка, должно быть, сундука. Затем раздался тихий бумажный шелест. Вскоре старик

снова показался над столом и неохотно положил передо мной тонкую стопку цветных бумажек.

— Давай, расписывайся вот тут, — велел он, подсунув мне свою книгу. — Эти деньги вывести в реал нельзя, тратить можно только в игре.

Я глянул в книгу — там рядом с моим именем значилось «гос. служба. Аванс десять тысяч СР».

— Ого! — удивился я. — Щедро! Это мне за что?

— Это тебе подъёмные, — проворчал Тимофей. — Аванс новому служивому. На обустройство.

— А я и не знал, что аванс положен, — добродушно улыбнулся я. — Вот спасибо, что сказали! А то бы так и ушёл!

— Расписывайся давай! — грубовато сказал старик, с досадой кусая губы.

Я расписался, взял бумажки, пересчитал под пристальным взглядом писаря. Десять бумажек, на каждой написано «тысяча смоленских рублей».

— А почему смоленских? — удивился я. — Что, тамбовские тоже есть?

— Не твоего ума дело!

— Да вы сами, небось, не знаете!

— Не знаю. Наверное, так надо. Что я, казначей?

— А у вас и казначей есть?

— У нас всё есть, — проворчал старик. — Ты одежду брать будешь?

— А что у вас есть? — спросил я.

— Пойдём, посмотришь.

Мы вышли из кабинета писаря в коридор со многими дверями.

— Ого! Столько кабинетов! — поразился я. Дед Тимофей промолчал.

Наконец он отпер одну из дверей, и втолкнул меня в небольшую комнату. Вдоль стен стояли узкие столы, сами стены были усеяны вбитыми гвоздями, на которых висела разнообразная одежда. Запах стоял очень тяжёлый, а о том, сколько здесь было пыли, я вообще предпочитал не думать. Однако было уже поздно — кибер-остео заставил меня громко и со вкусом чихнуть.

— Не чихай на меня, охламон! — накинулся на меня старик и я сразу понял, что он в реале не может быть мне ровесником. Словечко-то старинное.

— Вот тебе подходящая обувка, а вот кольчужка, — Тимофей выдёргивал из кучи хлама нужные предметы по только ему одному известному принципу. — Кольчужка, конечно,

дешёвенькая, ну да тебе пока лучше и не надо. На хорошую деньжат не хватит.

— Это как не хватит? А десять тысяч СЭЭР? — возмутился я, примеряя довольно надёжные на вид ботинки из грубоватой кожи. Такие для солдата в самый раз.

— Не СЭЭР, а ЭСЭР, — поправил меня писарь. — Это только название одно, что десять тысяч. А как начнёшь тратить, сразу поймёшь — ерунда это.

— И сколько же вы, к примеру, хотите за ботинки и кольчужку? — спросил я, осматривая не очень серьёзное на вид изделие из тонких металлических колечек. Потом снова глянул на ботинки. Чего-то явно не хватает. — У вас носки, кстати, есть?

— Носки в углу, в большой куче. Выбирай сколько хочешь, денег за них отдельно не возьму. А за остальное… Ну, ежели по-братски, — пожевал губу старик. — Получится тысяча рублей за обувку и за кольчужку три тысячи целковых.

— Сколько? — я даже поперхнулся от неожиданности, а потом снова чихнул, выдёргивая себе носки из указанной мне кучи. Хорошие носки, толстые. Одну пару я сразу надел, и ещё две рассовал по карманам про запас.

— Четыре тысячи ЭСЭРов, короче говоря, — неприязненно уточнил Тимофей.

— Да вы что? За какое-то старьё половину подъёмных? Не надо мне от вас ничего.

— Ладно, — сдался он. — Скину полтысячи. Так и быть.

— Две тысячи рублей! Ни копейкой больше, — торговаться меня учить было не надо, родители с детства посылали на рынок за овощами. Я точно знал, что красная цена товара редко превышает половину от первоначально заявленной стоимости.

— Три тысячи. Ботинки будут в подарок, — упрямился старик.

— Две двести.

— Это грабёж! — заверещал дед Тимофей. — Нет, ну вы поглядите на этого новенького! Полчаса ещё в княжестве не провёл, а старого писаря уже раздевает. Две пятьсот. Последнее слово.

— Ладно, заверните, — улыбнулся я.

— Я тебе сейчас так заверну!

— Пошутил я! Прошу прощения. С вас полтысячи сдачи.

Я отсчитал три бумажки и протянул старику. И ботинки, и кольчужка сидели на мне, как влитые, так что покупкой я был чрезвычайно доволен. Теперь надо было раздобыть оружие.

— А где у вас тут оружейная?

— Зачем тебе? — дед Тимофей долго копался в карманах, но

под моим пристальным взглядом сдался и достал маленький кожаный мешочек. Из него он выудил совсем уж ветхую скомканную бумажку, нехотя протянул мне. — Держи сдачу.

— Мне меч нужен, — сказал я и, нисколько не смущаясь, спрятал бумажку в карман.

— Меч, конечно, нужен, — согласился писарь. — Только тебе он по рангу не положен. Ты же у нас воин нулевого уровня, надо подрасти.

— Чем же мне тогда драться? — возмутился я.

— Кинжал. Или палица, — миролюбиво посоветовал дед Тимофей. — Только выбери что-нибудь хорошее. В кузницу зайди, это недалеко. Или на рынок, там оружейная лавка есть.

— А где дешевле?

— Ишь ты, соображаешь! В кузнице дешевле.

— Ну, значит, в кузницу и пойду, — решил я. — Спасибо вам за помощь, дед Тимофей!

— Да не за что, сынок. Обращайся, если что. Раз в месяц заходи за зарплатой. Если, конечно, на службе у князя останешься.

— А что, есть и другие варианты? — улыбнулся я.

— Шустрый ты больно. Такой варианты всегда найдёт. Тебе сейчас до конца коридора и налево. Там выход из ратуши. И это, удачи тебе!

— Благодарю! — улыбнулся я и крепко пожал протянутую мне руку.

В последнее время на глаза мне стала часто попадаться реклама игры «unrealland.com», она же в русскоязычном интернете — «нереалия. рф». Яркая, красивая у них реклама, ничего не скажешь, и текст заманчивый: «сражайся за своё королевство, добейся его процветания». Мне всегда нравилась идея королевств. Есть в этом что-то романтическое. К тому же, это возможность не только повоевать, но и попутешествовать, ощутить средневековую атмосферу, пусть и ненастоящую. Меня вполне устроит игровое средневековье, вобравшее в себя всё самое интересное, но лишённое чрезмерного натурализма средневековья настоящего. Без сточных канав прямо на центральных улицах я как-нибудь обойдусь. В общем, я решил зайти на сайт игры и узнать о ней побольше.

Ого! Зарегистрированных игроков — двадцать с чем-то миллионов. Неплохо! Игроков онлайн — сто девяносто пять тысяч. Впечатляет! У нас в «Рыцарях» столько не набиралось. Так, и чем же все эти игроки занимаются? Идём в правила. Пункт первый: «Главной целью Военно-Экономической Стратегии «Нереалия» является создание собственного королевства и

обеспечение условий для его динамического развития и процветания». Эка они завернули! Так, а почему «военно-экономической»? Как они это объединяют? Пункт второй: «Регистрация в игре — бесплатная. Однако создание королевства требует внесения в игровой банк определённой суммы (зависит от выбранных параметров королевства). Необходимую сумму игрок (или группа игроков — далее «клан») может внести как обычными денежными средствами, так и заработанной (персонально или сообща членами клана) игровой валютой». Ясно. Очередная обдираловка. Выкачивают из народа деньги. С другой стороны, даже в наших «Рыцарях» всякие там улучшенные доспехи или специальные умения оплачивались реальными деньгами, и никого это, по большому счёту, не останавливало. Я и сам, помнится, прикупил себе однажды «кольцо удачи» за триста рублей, в боях оно увеличивало шанс нанесения критического удара мечом на сорок процентов. А у того же де Жюссо всяких платных вещичек на целое состояние накуплено было. Так зато он — великий рыцарь, на нём весь Белый Орден держался.

В общем, дело не в самих деньгах, а в том, насколько естественно всё выглядит. Присутствие платных услуг в игре не должно раздражать и быть слишком уж навязчивым. А ещё — обычный игрок, даже без вкладывания единой копейки «реальных» денег — тоже должен иметь достаточные шансы на успех в игре. То есть должна быть альтернатива. Другими словами, справедливость. В общем, читаем дальше.

Пункт третий: «При регистрации игрок выбирает себе королевство, подданным которого станет на всё время игры, пока не создаст (один или в составе клана) своё собственное. Список доступных для начального уровня королевств будет показан во время регистрации». Что значит «на всё время игры»? Я что, в рабство должен продаться? Почему не объясняют? Может, в разделе «часто задаваемые вопросы» найдётся ответ? Кажется, нашёл, раздел «как правильно выбрать королевство?» Читаем: «при регистрации вам будет показан актуальный список королевств, к которым вы можете присоединиться. Они будут подсвечены зелёным. Те королевства, которые подсвечены красным — вам на начальном этапе недоступны. Это значит, что присоединение к этим королевствам требует выполнения каких-то условий — например, достижения определённого игрового уровня, или владение определённой профессией, или денежного взноса. В процессе игры вы можете эмигрировать в другие королевства (через городские ратуши), в случае, если будете выполнять необходимые условия». Так. С этим разобрались. Непросто тут у них! Но, похоже, всё продумано, и на каждый

вопрос при желании можно будет найти аргументированный ответ. Любопытство толкало меня дальше, и я решил оставить остальные пункты правил до лучших времён. По ходу можно будет во всём разобраться, если надо — вернуться и почитать. Пойду-ка я лучше в рубрику регистрации.

Я снова открыл главную страницу, нажал на красочную кнопку «регистрация» и принялся вводить необходимые данные. Имя, фамилия, дата рождения. Это для того, чтобы соблюсти требования закона — в виртуальность лицам младше шестнадцати вход запрещён. Дальше. Электронный адрес, пароль, ник в игре. В «Рыцарях» я был Найтом (Knight), и довольно много людей слышали этот ник и связывают его с «Белым Орденом». Не хотелось бы, чтобы меня узнали. «Рыцари Средневековья» остались в прошлом, хочется начать игровую жизнь с чистого листа.

Я задумался ненадолго, а потом пальцы сами набрали на клавиатуре имя «Alex». Почему бы и нет? Зачем выдумывать, когда имя у меня уже есть. Форма регистрации покраснела. Занято. Ну да, наивно было ожидать, что такое распространённое имя окажется свободным. Попробуем «Aleks». Тот же результат. Alexandr и Aleksandr тоже уже кому-то принадлежали. Так, а если прибегнуть к моей давней уловке? Написать вместо маленькой латинской «л» большую латинскую «И»? Внешне они будут выглядеть одинаково — Alex и AIex. Никто ничего не заметит — если только мне не встретится эксперт по шрифтам. А для компьютера — это два абсолютно разных символа и два разных ника. Надо же! Имя подсветилось зелёным — можно занимать. Немного непривычный вариант, но вполне даже приемлемый! А, главное, это ведь моё имя, и оно оказалось свободно, при таком количестве зарегистрированных. Приятно, когда новая игра начинается с везения.

Теперь нужно ещё указать характеристики желаемого персонажа. Пол (интересно, какой процент здесь указывает пол противоположный, а, главное, зачем), желаемый возраст персонажа. Я так понимаю, от этого будет зависеть мой внешний вид в игре. Рост, вес, цвет волос, кожи и глаз. Телосложение. Ого, серьёзный подход. Может, стать рыжим великаном? Или кареглазым коротышкой-гномом? Ладно, буду спортивного телосложения мужчиной тридцати лет, обычной, «европейской», внешности.

Так, какие ещё пункты остались? «Игровое устройство: выбрать из списка». Что у нас тут? «Игровая приставка, браузер, виртkостюм, нейрошунт, кибер-остео». Я с гордостью взглянул на лежащий на столе аппаратик. В своё время он стоил просто

заоблачно дорого. Но я всё равно его купил, так как проводил в игре очень много времени и придавал удобству и реалистичности огромное значение. Он и сегодня по-прежнему котировался в рейтингах довольно высоко, хотя с тех пор вышло две новых модели того же производителя. Возможно, скоро придёт время его обновить — а пока он меня более, чем устроит.

Это вам не какой-то там древний вирт-костюм, пропахший потом и пронизанный металлическим каркасом имитаторов движения. Во время игры он скрипит и трясётся, как старая телега на деревенской дороге. Ну что ж, когда-то он был последним словом техники, надо отдать ему должное. С его помощью игрок «перемещается» в виртуальную реальность игры, начинает воспринимать её, как настоящую. Костюм «движется» вместе с тобой, заставляя мышцы и нервную систему поверить, будто движения настоящие. Именно вирт-костюм послужил стимулом к гигантскому рывку в игровой индустрии. Но теперь им пользовались только очень отсталые игроки, или просто те, кто не мог позволить себе ничего лучшего.

После вирт-костюмов появились нейрошунты, вещь хорошая, но требующая небольшой операции. Вроде как абсолютно безопасно, делается быстро и безболезненно. После этого мозг игрока взаимодействует с игрой напрямую, либо через кабель, либо через WI-FI, что значительно расширило область применения виртуальности, так как сделало возможным вход в неё в любой точке, от школы до транспорта. Тем не менее, многим не нравилась мысль об операции, да и теоретическая вероятность осложнений оставалась, так что учёные работали над альтернативами, пока не появились кибер-остео.

Крепится на тыльной стороне шеи, основание черепа как-бы удобно ложится в этакий воротник, типа мягкой подушки. Затем аппарат настраивается на индивидуальные характеристики владельца, «подсоединяясь» к его нервным путям и каким-то там центрам в мозгу. После этого он может транслировать туда, что угодно. Человек погружается в некое подобие сна, причём мозг его в это время полностью задействован, воспринимая виртуальность как единственно реальную. Ну, конечно, с оговорками, человек мог услышать, скажем, громкий крик в ухо или почувствовать резкий толчок в плечо, но, по большому счёту, пока не закончится «сеанс» — он будет жить в виртуальной реальности.

«Сеанс» завершался либо по желанию погружённого в виртуальность человека, либо по истечению заранее установленного срока пребывания — так называемого таймера. Это, вообще-то, тоже пережитки прошлого, ещё со времени вирт-

костюмов, когда люди порой «зависали» в виртуальности и никак не могли вернуться в себя. Некоторые даже погибали от жажды и истощения. С тех пор таймер — обязательная по закону часть любого интерфейса взаимодействия с виртуальностью, максимальная его длительность составляла восемь часов. Обычно, конечно, ты возвращаешься сам, причём намного раньше. Но иногда приходилось возвращаться вот таким вот экстренным способом, как правило, в самый неподходящий игровой момент. Но зато можно было даже после такого долгого «сеанса» гарантированно отдохнуть, сходить в туалет, сделать себе пару-тройку бутербродов, ну а потом — если силы и желание всё ещё оставались — снова зайти в игру.

В общем, для регистрации оставалось лишь выбрать языковой кластер, королевство и профессию. С языковым кластером всё понятно — если ты китаец и хочешь говорить с игроками по-китайски — то тебе в китайский. Если хочешь по-французски — то во французский. Не знаю, как там с географией вопрос решается, но сам термин «кластер» подразумевает более-менее компактное размещение королевств с игроками, говорящих на одном языке, на карте общей игры. Это удобно, практично и отвечает любой логике экспансии не только в виртуальном, но и в реальном мире тоже. Я без раздумий выбрал в списке «русский» и перешёл к следующему пункту.

Задача с выбором королевства казалась довольно простой — какая мне разница, если я ни с одним из них не знаком, а в игре разрешена эмиграция. Достаточно выбрать любое. Однако, присмотревшись к списку внимательней, я задумался. В списке значилась пара сотен названий, большая часть из них была подсвечена красным. Однако и среди «зелёных» королевств выбор был немалым. Справа от названий стояли значки, означавшие разные показатели, как военные, так и экономические. Например, были указаны площадь королевства, его возраст, население, военная мощь (интересно, как она вычислялась), размер золото-валютных резервов, индекс технологического развития, объём торговли, количество граничащих с ним королевств и даже протяжённость морских и сухопутных границ. В самом конце указывался общий рейтинг. По всем этим критериям можно было сделать сортировку, в общем, я в очередной раз имел возможность убедиться в том, насколько детально игра продумана.

Из чего складывался общий рейтинг, я ещё не знал. Наверняка работает какая-то формула, складывающая все указанные критерии и ещё множество других, мне пока неизвестных. Можно было бы снова открыть раздел «часто

задаваемых вопросов», но было лень. В конце концов, надо оставить какие-то загадки и на потом, чтобы узнать в процессе игры. Поэтому я просто включил логику. Мне хотелось присоединиться к такому королевству, где меня смогут научить всему необходимому, а не к тому, где собрались одни зелёные новички, подобные мне. Поэтому рейтинг должен быть максимально высоким из доступных. Пятёрка королевств из числа «зелёных» с самым высоким рейтингом выглядела следующим образом: Гандария, Мерокль, Вандак, Шуга и Смоленск. У Гандарии была среди них самая большая военная мощь; Шуга, Вандак и Мерокль имели приличный торговый оборот, а Смоленск был самым древним. Существовал аж два с половиной года! Серьёзный срок для игры. Кроме того, настоящий Смоленск был мне чисто географически близок — сам я из Беларуси, а она граничит со Смоленской областью.

В общем, я отметил его, и пошёл на выбор профессии. Там тоже пришлось поразмышлять. Вообще-то, я по складу характера — воин. Притягивает меня это занятие. Есть в ней что-то романтическое. Да и во всех играх это, как правило, самая почётная профессия. И самая сложная. Я и в «Рыцарях» был воином, хотя там были и другие интересные варианты. Но здесь создатели игры решили перечислить, похоже, весь справочник профессий. Чего тут только не было! Лекари, цирюльники, кузнецы, портные, сапожники, алхимики, виноделы, пивовары, гончары, чеканщики, кожевенники, мельники, пастухи, аптекари, художники, менестрели, оружейники, стражники, моряки, ростовщики и даже шуты! Я усмехнулся при мысли сделать себе карьеру при местном дворце в качестве шута. Кроме типично средневековых профессий были и такие, которые звучали вполне современно: инженер, водитель, артиллерист, актёр, преподаватель, следователь, адвокат, судья, журналист. Интересная у них мешанина! И как всё это одновременно уживается? Или не одновременно? Некоторые профессии подсвечены красным. Это что, сначала нужно денежный взнос внести? Ладно. Разберёмся со временем. Профессии «рыцарь» в этом длинном списке не было (наверное, это звание требовалось заслужить), поэтому я выбрал простую и понятную: «воин». А там будет видно. Королевство поменять можно, авось, и профессию при необходимости можно будет выбрать другую. Хотя не думаю, что мне этого захочется.

После выбора профессии была ещё одна страничка детальных настроек, например, «желаете ли Вы видеть в игре меню настроек перед глазами», «желаете ли получать прямо в игре всплывающие сообщения», «желаете ли видеть всплывающие подсказки при

взгляде на предметы и персонажей» и так далее, в том же духе. Я не стал заморачиваться, не хочу чувствовать себя киборгом. Пусть все эти настройки и информация останутся доступным в интерфейсе игры при просмотре из реала. А в виртуальности я хочу чувствовать себя человеком, с обычными органами чувств и незамутнёнными эмоциями. Не хочу навязчивой информации. А то при взгляде на пробегающую мимо кошку начнёт звенеть звоночек и перед глазами поплывёт что-то вроде «млекопитающее, семейство кошачьих. Кошка дворовая обыкновенная, полосатая. Вес пять килограммов семьсот граммов. Максимальная скорость — двадцать шесть километров в час. Вооружение — острые когти».

Нет уж. Пусть в жизни будет некая тайна. Оставьте развлечения с развешиванием ярлыков себе. Ну или тем, кто действительно любит чувствовать себя погружённым в бесконечное цифровое поле, окутывающее мир. Я решительно выбрал внизу страницы пункт «без эффектов и дополнительной информации, максимально приближённо к реальности» и подтвердил выбор нажатием на кнопку «принять».

Оставалось заполнить лишь одну графу. Вопрос звучал так: «Желаете ли Вы перечислить на свой игровой счёт какую-либо денежную сумму по текущему курсу обмена валют?» Перебьются, подумал я, и выбрал ответ «Нет». После этого я, не читая, поставил галочку в пункте «С правилами ознакомлен и согласен» и нажал на кнопку «зарегистрироваться». Появилась надпись «Поздравляем, AIex! Регистрация прошла успешно». Я аккуратно прикрепил к тыльной стороне шеи кибер-остео, устроился в кресле поудобнее, мысленно пожелал себе удачи и нажал на кнопку «Войти в игру».

После нескольких приятных моментов чувства лёгкости во всём теле и проваливания в пустоту (примерно то же самое вы чувствуете на «американских горках», когда вагончик начинает резко скользить вниз — некоторые не любят, а мне лично нравится) краски перед глазами на мгновение выцвели. Сначала приобрели сумрачный, черно-белый оттенок — а потом вдруг снова стали цветными. Но не совсем привычными — более яркими, более резкими. Надо будет покопаться в настройках кибер-остео, уменьшить контрастность изображения. Ну да ладно, зато не спутаешь виртуальный мир с реальным. Виртуальный мир красивее. Это, конечно, моё личное мнение, кто-то может со мной поспорить. Хотя это будет нелегко — особенно, если ты живёшь в небольшом провинциальном городке, и на дворе стоит унылая долгая зима. А в виртуальности — ты можешь выбрать что угодно — весну или лето, джунгли или наш, русский лес. И он будет

даже ярче и привлекательнее настоящего. В принципе, это и есть одна из проблем виртуалки, которыми нас так пугают психологи — реальный мир после неё кажется всё менее и менее привлекательным. Как этот процесс остановить — никто не понимает.

Хотя, с другой стороны, подавляющее число игроков — это школьники и студенты. Процесс обычно приостанавливается, когда человек взрослеет и идёт на работу. Потом создаёт семью. У него банально перестаёт хватать времени на виртуалку. Конечно, из любых правил всегда бывают исключения — порой люди специально подыскивают себе работу, оставляющую достаточно времени на виртуал. Некоторые работают непосредственно в виртуале. Только не всегда это на пользу. Иногда из-за этого рушатся семьи. Трудно совмещать жизнь реальную и виртуальную, и при этом находить время на друзей, на жену, на детей. Ладно, философствования оставим на потом, а сейчас — пора знакомиться с новым миром.

Прямо перед глазами у меня оказалась стена из прекрасно прорисованного крупного тёмно-серого камня. В помещении было полутемно, дневной свет пробивался откуда-то сзади, скорее всего, из окна. Я повернулся, и оказался лицом к лицу с дородным стариком в длинном бордовом халате. Или такой длинной рубахе. Кто его разберёт. За спиной у старика, действительно, было высокое узкое окно, похожее больше на бойницу. Вот почему в комнате полумрак.

— Ну, здравствуй, — хмуро приветствовал меня старик.

— Здравствуйте! — дружелюбно ответил я.

— Новенький? — ещё более хмуро осведомился старик, пробежавшись по мне взглядом.

— Ага, — подтвердил я. — А что, так заметно?

— Ещё бы!.. — вздохнул он. — Иди, в зеркало на себя взгляни.

— Куда идти?

— Со мной иди…

Мы прошли в соседнюю комнату, где стоял внушительных размеров канцелярский стол, а стены были заставлены шкафами с какими-то толстыми книгами. Фолиантами — так, наверное, будет правильно. Из комнаты наружу вела ещё одна дверь, возле которой висело старинное зеркало с мутной поверхностью. Впрочем, тут всё сделано «под старину», так что не буду повторяться. В зеркале я увидел себя — точнее, того персонажа, которым я теперь стал. Ничего интересного. Среднего роста, нормального телосложения, волосы русые, глаза… Цвет глаз из-за общей замутнённости изображения разобрать невозможно.

Голубые я заказывал. Как в жизни. Ладно, это не самое важное. Одеты на мне были свободные холщовые штаны и такая же рубаха. Обуви не было никакой, я как-то сразу почувствовал подошвами тянущий холод каменного пола. Это всё кибер-остео. Стоит лишь представить — и на тебе, пожалуйста. Лучше бы я не думал о поле. Или представил теплый морской песочек. Но теперь уже поздно.

— Ну что, соколик, будем регистрироваться? — осведомился старик ехидно.

— Чего регистрироваться, я же только что.

— Это мне неведомо, это ты тама, на центральном сервере зарегился. А теперь ты подданный Смоленского княжества, изволь представиться.

Я повернулся к нему — старик склонился над толстой раскрытой книгой на столе, в руках у него было настоящее гусиное перо. Или не настоящее. Какая разница.

— Чьих будешь-то, касатик? — продолжал дурачиться старик.

— Скажите, это обязательно? — невольно спросил я.

— Что — обязательно? Конечно, все записываются, — не понял старик.

— Я про тон.

— А чем тебе тон мой не нравится? Новичок ты ещё, не втянулся в игру. А надо получать от неё удовольствие, — наставительно сказал старик. А может, и не старик он вовсе. Может, ровесник мой. Кто здесь разберёт.

— Ладно, получайте своё удовольствие, — сдался я. — Алекс меня зовут. Пишется «а», потом латинская большая «и», потом «е» и в конце «икс». А вас как зовут?

— Ишь, затейник какой, — покачал головой старик, аккуратно выводя буквы. — Дедом Тимофеем меня кличут. Роду ты какого будешь, звания? Чем промышлять в игре собираешься?

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом. Как на хлеб зарабатывать будешь? Торговля, ремёсла, охота, рудники, собирательство или, может, государева служба? Или в разбойники подашься? А может, ты с реальными деньгами пришёл? У меня тут терминал покупки игровых денег имеется, все виды оплаты принимаются.

— В разбойники не подамся, — заверил я. — На рудники всегда успею, собирать тоже ничего не хочется. И вообще, я военную профессию выбрал. Если у государя нормально платят — пойду к государю. А ещё варианты есть? Если честно, ничего толком не знаю про вашу игру, может, вы расскажете?

— Может, расскажу, — уклончиво ответил старик. — Хотя не моя это функция.

— А какая у вас функция?

— Писарь я. Веду учёт прибывших и убывших.

— А кого больше?

— Не скажу. Князь не велел. Государственная тайна.

— Какая же это тайна, если мне при регистрации все данные о вашем княжестве выдали? Включая население.

— Настырный ты парень, как я погляжу, — недовольно заключил старик. — Будешь на службу наниматься? Крыша над головой, паёк и зарплата обеспечены. Ты что, хочешь каждый день за постоялый двор платить и за ужин? На это ведь ещё заработать надо! Или у тебя деньги есть, чтобы дом в Смоленске купить? Соглашайся! Осмотришься, с людьми познакомишься, вопросы глупые больше не будешь задавать.

— И где подписываться надо? — решился я.

— Сейчас оформлю, — обрадовался писарь. — А потом к воеводе зайдёшь, на распределение. Ты мне лучше скажи, одежда нормальная нужна? Недорого продам.

— Как продашь? — удивился я. — Точнее, как я куплю? У меня же денег нет ни копейки.

Писарь посмотрел на меня долгим угрюмым взглядом и полез куда-то под стол. Щёлкнула откидываемая крышка, должно быть, сундука. Затем раздался тихий бумажный шелест. Вскоре старик снова показался над столом и неохотно положил передо мной тонкую стопку цветных бумажек.

— Давай, расписывайся вот тут, — велел он, подсунув мне свою книгу. — Эти деньги вывести в реал нельзя, тратить можно только в игре.

Я глянул в книгу — там рядом с моим именем значилось «гос. служба. Аванс десять тысяч СР».

— Ого! — удивился я. — Щедро! Это мне за что?

— Это тебе подъёмные, — проворчал Тимофей. — Аванс новому служивому. На обустройство.

— А я и не знал, что аванс положен, — добродушно улыбнулся я. — Вот спасибо, что сказали! А то бы так и ушёл!

— Расписывайся давай! — грубовато сказал старик, с досадой кусая губы.

Я расписался, взял бумажки, пересчитал под пристальным взглядом писаря. Десять бумажек, на каждой написано «тысяча смоленских рублей».

— А почему смоленских? — удивился я. — Что, тамбовские тоже есть?

— Не твоего ума дело!

— Да вы сами, небось, не знаете!

— Не знаю. Наверное, так надо. Что я, казначей?

— А у вас и казначей есть?

— У нас всё есть, — проворчал старик. — Ты одежду брать будешь?

— А что у вас есть? — спросил я.

— Пойдём, посмотришь.

Мы вышли из кабинета писаря в коридор со многими дверями.

— Ого! Столько кабинетов! — поразился я. Дед Тимофей промолчал.

Наконец он отпер одну из дверей, и втолкнул меня в небольшую комнату. Вдоль стен стояли узкие столы, сами стены были усеяны вбитыми гвоздями, на которых висела разнообразная одежда. Запах стоял очень тяжёлый, а о том, сколько здесь было пыли, я вообще предпочитал не думать. Однако было уже поздно — кибер-остео заставил меня громко и со вкусом чихнуть.

— Не чихай на меня, охламон! — накинулся на меня старик и я сразу понял, что он в реале не может быть мне ровесником. Словечко-то старинное.

— Вот тебе подходящая обувка, а вот кольчужка, — Тимофей выдёргивал из кучи хлама нужные предметы по только ему одному известному принципу. — Кольчужка, конечно, дешёвенькая, ну да тебе пока лучше и не надо. На хорошую деньжат не хватит.

— Это как не хватит? А десять тысяч СЭЭР? — возмутился я, примеряя довольно надёжные на вид ботинки из грубоватой кожи. Такие для солдата в самый раз.

— Не СЭЭР, а ЭСЭР, — поправил меня писарь. — Это только название одно, что десять тысяч. А как начнёшь тратить, сразу поймёшь — ерунда это.

— И сколько же вы, к примеру, хотите за ботинки и кольчужку? — спросил я, осматривая не очень серьёзное на вид изделие из тонких металлических колечек. Потом снова глянул на ботинки. Чего-то явно не хватает. — У вас носки, кстати, есть?

— Носки в углу, в большой куче. Выбирай сколько хочешь, денег за них отдельно не возьму. А за остальное… Ну, ежели по-братски, — пожевал губу старик. — Получится тысяча рублей за обувку и за кольчужку три тысячи целковых.

— Сколько? — я даже поперхнулся от неожиданности, а потом снова чихнул, выдёргивая себе носки из указанной мне кучи. Хорошие носки, толстые. Одну пару я сразу надел, и ещё две рассовал по карманам про запас.

— Четыре тысячи ЭСЭРов, короче говоря, — неприязненно уточнил Тимофей.

— Да вы что? За какое-то старьё половину подъёмных? Не надо мне от вас ничего.

— Ладно, — сдался он. — Скину полтысячи. Так и быть.

— Две тысячи рублей! Ни копейкой больше, — торговаться меня учить было не надо, родители с детства посылали на рынок за овощами. Я точно знал, что красная цена товара редко превышает половину от первоначально заявленной стоимости.

— Три тысячи. Ботинки будут в подарок, — упрямился старик.

— Две двести.

— Это грабёж! — заверещал дед Тимофей. — Нет, ну вы поглядите на этого новенького! Полчаса ещё в княжестве не провёл, а старого писаря уже раздевает. Две пятьсот. Последнее слово.

— Ладно, заверните, — улыбнулся я.

— Я тебе сейчас так заверну!

— Пошутил я! Прошу прощения. С вас полтысячи сдачи.

Я отсчитал три бумажки и протянул старику. И ботинки, и кольчужка сидели на мне, как влитые, так что покупкой я был чрезвычайно доволен. Теперь надо было раздобыть оружие.

— А где у вас тут оружейная?

— Зачем тебе? — дед Тимофей долго копался в карманах, но под моим пристальным взглядом сдался и достал маленький кожаный мешочек. Из него он выудил совсем уж ветхую скомканную бумажку, нехотя протянул мне. — Держи сдачу.

— Мне меч нужен, — сказал я и, нисколько не смущаясь, спрятал бумажку в карман.

— Меч, конечно, нужен, — согласился писарь. — Только тебе он по рангу не положен. Ты же у нас воин нулевого уровня, надо подрасти.

— Чем же мне тогда драться? — возмутился я.

— Кинжал. Или палица, — миролюбиво посоветовал дед Тимофей. — Только выбери что-нибудь хорошее. В кузницу зайди, это недалеко. Или на рынок, там оружейная лавка есть.

— А где дешевле?

— Ишь ты, соображаешь! В кузнице дешевле.

— Ну, значит, в кузницу и пойду, — решил я. — Спасибо вам за помощь, дед Тимофей!

— Да не за что, сынок. Обращайся, если что. Раз в месяц заходи за зарплатой. Если, конечно, на службе у князя останешься.

— А что, есть и другие варианты? — улыбнулся я.

— Шустрый ты больно. Такой варианты всегда найдёт. Тебе сейчас до конца коридора и налево. Там выход из ратуши. И это,

удачи тебе!

— Благодарю! — улыбнулся я и крепко пожал протянутую мне руку.

Глава вторая. Неприятный сюрприз

После полумрака коридора яркое жаркое солнце ослепило меня, заставило зажмуриться. День был в самом разгаре. Когда, наконец, глаза привыкли к свету, я смог оглядеться вокруг. Довольно уютный дворик ратуши утопал в зелени, по всему периметру вдоль невысокой ограды росли вперемешку клёны и каштаны. Представляю, как тут красиво осенью. Если она здесь вообще бывает, конечно. Надо будет, кстати, узнать — может, мне одёжкой посерьёзнее надо запасаться. Впрочем, поживём — увидим. Надо решать проблемы в порядке поступления, как всегда учит меня отец. Выйдя за ворота, я остановил пробегающую мимо девчушку (кем бы она ни была на самом деле) и спросил, как мне пройти к кузнице. Девчушка смешно наморщила веснушчатый носик и указала пальцем в переулок.

— Нехорошо пальцем показывать! — машинально сказал я девочке.

— А чем хорошо, дядя? — вдруг спросила она звонким голоском.

Я не нашёлся, что ответить, покачал укоризненно головой и направился в указанном направлении.

— Дурак! — раздалось мне вслед. Оборачиваться я не стал.

Дома вокруг были невысокими, в два этажа максимум. Хотя я не думаю, что в настоящем Смоленске в средних веках здания были выше. Они и сейчас-то ещё местами сохранились… В Смоленске я не был, но почему-то уверен был, что хорошо себе его представляю. Наверное потому, что сам родом из Могилёва, а это всего на двести километров западнее, тоже областной центр, примерно такой же город и по размеру, и по населению. Всегда считал, что наши города очень похожи. У нас в городе, в центре, есть переулочки с двух- и трёхэтажными домами — свернёшь в них с широкой центральной улицы — и вот тебе сразу седая старина. Так что всё здесь выглядело не только убедительно — но и весьма знакомо. Можно сказать, я почувствовал себя, как дома. Хорошо, что Смоленск выбрал, а не Гандарию или что-то в этом роде. Всё-таки осваиваться легче в знакомой обстановке.

Не могу сказать, что улицы смоленского княжества были в этот час переполнены горожанами. Кроме девочки мне встретилась лишь одна молодая женщина, одетая в длинное льняное платье. Проходя мимо меня, она начала застенчиво теребить кончик тяжёлой русой косы, лежащей у неё на груди. Судя по всему, её смутил мой любопытный взгляд, так как она резко отвернулась, в попытке спрятать стремительно краснеющие

щёки. Я оглянулся ей вслед, и решил, что мне стоит задержаться в Смоленске подольше.

Внезапно ветер донёс до меня странный звук, как будто кто-то бил железными молоточками по булыжнику. Я уж было решил, что добрался до кузницы — но вместо этого стал свидетелем удивительной картины: в переулок медленно въехала телега, запряжённая настоящей пегой лошадкой! Её подковки мерно цокали по мостовой, а глаза флегматично осматривали окрестности. Меня она удостоила громким фырканьем и демонстрацией крупных жёлтых зубов.

— Ноо! — самодовольно прикрикнул на неё возница, колоритный бородатый крестьянин, чем-то отдалённо напоминающий свою лошадку. Скорее всего, задумчивым взглядом и цветом зубов.

В телеге, небрежно накрытые куском материи, погромыхивали несколько бочонков. Интересно, что он в них везёт? Ведь судя по всему, в ратушу направляется. Впрочем, взглянув ещё разок на пунцовые щёки и нос крестьянина, о содержимом бочонков было не так уж и трудно догадаться.

Надо сказать, мне было чрезвычайно приятно убедиться, что в игре присутствуют не только люди, но и животные. Как-то неуютно в мире, где человек победил настолько, что вообще остался на планете в одиночестве. Не хотелось бы мне в таком мире оказаться — ни в реальном, ни в виртуальном. Может, у них тут и верховые кони имеются? Надо будет выяснить при первой же возможности. Лошади — это моя страсть. Хотя так может, наверное, почти каждый коренной горожанин сказать. Эх, не хватает нам в городах общения с живой природой. Решено, приобрету себе коня. Мне почему-то вспомнился Д`Артаньян, въезжающий в Париж на скромной лошадке, в потёртом камзоле и в смешном берете. Этот образ показался мне сейчас, как никогда, близким и актуальным.

Отмахав ещё несколько кварталов и пройдя через ворота в довольно высокой кирпичной стене с бойницами, я вышел на площадь, в центре которой стоял аккуратный фонтанчик. Эстеты, однако. Красиво. На площадь выходили фасадами несколько домов. Со стороны одного из них доносился металлический лязг и запах гари. Кузницу трудно с чем-либо спутать. Я вошёл во двор и направился к просторному сараю, откуда доносились мерные удары молота о наковальню.

— День добрый! — крикнул я, остановившись у открытых дверей. Однако перекричать этот лязг было невозможно.

В зловещих красноватых отблесках от раскалённого горна работал здоровенный бородатый мужик. Одной рукой он

щипцами держал на наковальне какую-то железяку, а во второй руке у него был молот, которым он с размаху по этой железяке бил. Я решил скромно подождать у двери, чтобы ненароком не попасть под руку человеку с такими убедительными орудиями труда. Наконец он закончил ковать. Железяка полетела в чан с водой, стоявший возле наковальни. Раздалось громкое шипение, густые клубы пара поднялись от чана и скрыли от меня кузнеца. Когда пар рассеялся, я почувствовал, как холодная сталь упирается мне в горло. И как он успел подобраться?

— Ты кто? — настороженно спросил кузнец.

— Я… Это… Алекс! — я во все глаза глядел на длинное блестящее лезвие меча. Одно неверное движение и…

— Почему без стука?

— Да какой там стук! Я кричал — и то вы не слышали!

— Допустим, — согласился кузнец. — А надо тебе чего?

— Оружие хотел купить!

Мужик внимательно осмотрел мой наряд и, наконец, опустил меч.

— Новенький? — проницательно спросил он.

Я кивнул.

— Тимофей послал?

— Да! — я невольно принялся растирать шею.

— Ладно, проходи.

— Ёлы-палы, вы всех здесь так встречаете? — возмутился я.

— Не всех. Некоторых сразу на капусту рублю, — сказал кузнец спокойно, так что я не понял, правду он сказал, или нет. В одном лишь я не сомневался: этот может.

— Меня Василием зовут, — он протянул мне руку, я осторожно пожал её. — Пошли в чулан, покажу, что сейчас из готового есть.

Чуланом он называл отгороженный угол кузницы. Тут на стене в специальных зажимах висели мечи и кинжалы.

— Мечи не смотри, новичкам по рангу не положено, — предупредил кузнец.

Я с сомнением осмотрел его коллекцию.

— Может, посоветуете что-нибудь? У меня, вообще-то, опыт в основном с мечами был.

— Играл раньше где-то?

— Да.

— Где, если не секрет?

— Гм… — врать мне не хотелось. — В «Рыцарях Средневековья».

— Да? Я тоже там баловался. И кто ты там был? — Василий пытливо посмотрел мне в глаза.

Я выдержал его взгляд.

— Да так. Тоже баловался в основном.

— Молодец, не говори, — неожиданно одобрил кузнец. — Я бы тоже не стал первому встречному-поперечному душу раскрывать. Было и прошло. Потом, может, когда-нибудь, расскажешь. Когда доверять будешь.

— Может, — уклончиво ответил я.

— В общем, я тебе вот этот кинжал советую, — перевёл тему Василий. — Работа отличная, без ложной скромности скажу. Надёжная вещь, — он протянул мне ничем не примечательный на вид кинжал.

— Один-два похода — и можешь возвращаться за мечом. Кинжал приму обратно в счёт оплаты.

— Это было бы здорово! — обрадовался я, примеряя рукоять кинжала к ладони.

— Тут ведь главное что, — продолжал кузнец. — Главное не забывать, что рука с кинжалом короче, чем рука с мечом. Значит, тактика боя другая. А вообще, лучше на рыцарей с ним не соваться, а вот оруженосцы — твоя законная добыча. Ну, или бандиты обычные.

— Тут и бандиты ещё есть? — удивился я.

— А где ж их нет? — улыбнулся Василий. — Хватает. Тут банды по лесам шастают, тебе наверняка с ними дело иметь придётся, если в дружину попадёшь.

— Что значит, если? — не понял я.

— Ты пока в городской страже, как все воины-новички. Вооружён и очень опасен, — ухмыльнулся он. — Освоишься, подучишься, а там и в дружину просись, раз уж ты военную профессию выбрал. А пока не забудь к воеводе зайти, он распределит тебя в подходящий отряд.

— Да, сейчас сразу и отправлюсь. Куда, кстати, надо идти?

— Так ты там уже был. Возвращайся в ратушу. Только обойди её, воевода с другой стороны. Там же, где и Наместник.

— А кто такой Наместник? — спросил я.

По лицу кузнеца пробежала тень, он вдруг начал поправлять оружие в зажимах.

— Воевода тебе всё расскажет, — сказал он. — Или ребята-стражники.

— Ладно, — согласился я. Зачем расспрашивать человека, если ему тема явно неприятна? — Сколько с меня за кинжал?

— Четыре тысячи ЭСЭРов, — сказал кузнец. — Честная цена. На рынке за такой десять штук просят. Я тебе ещё и пояс к нему подарю, кожаный.

Я, не споря, передал ему четыре бумажки.

— Спасибо тебе, Василий!

— Не за что, Алекс, — пробасил он. — Ты извини, что я тебя так… приголубил. Времена нынче лихие, а на кузнеца желающих много… поживиться.

— Всё в порядке! Я понимаю, — улыбнулся я, первым протягивая ему руку.

Кузнец осторожно пожал её в ответ, а затем дружелюбно похлопал меня по плечу, оставив, должно быть, пару внушительных синяков. Пожалуй, надо было не кольчужку покупать, а уж сразу рыцарские доспехи.

Обратная дорога к ратуше мне была уже знакома. Я шёл торопливым шагом, почти не оглядываясь по сторонам. На выходе из переулка, перед самой ратушей, — там, где проехала телега с лошадкой, — на мостовой красовалась свежая коричневая лепёшка, пахнущая деревенским хлевом. Надо же, до какой степени достоверности они тут дошли. Мне это нравится. Не сама лепёшка, конечно, а то, что всё выглядит абсолютно натурально.

Обойдя ратушу кругом, я увидел красивый парадный вход с крыльцом, колоннами и ступеньками. Здание стояло на площади, в центре которой возвышался памятник неизвестному мне рыцарю на коне, а по краям стояли несколько киосков. На одном было написано «соки-воды-квас», на другом — «пирожки и выпечка». Третий киоск, вполне ожидаемо, предлагал прохожим пиво. Возле него стояла небольшая очередь, а за высокими столиками общались, сжимая в руках внушительные кружки, несколько завсегдатаев. Рядом с киосками под навесом накрыты были несколько столов с разложенным на них товаром. Вывеска гласила: «Тысяча и одна мелочь. Артефакты. Принимаем нереалы». Вот на что здесь деньги тратят, подумал я. Только непонятно, какие такие нереалы они принимают.

Так значит, дед Тимофей вывел меня сегодня на задний двор. Что ж, теперь буду знать. Слева и справа к центральному зданию примыкали пристройки, каждая с собственным входом. Ну что ж, пожалуй, в одну из пристроек мне и надо. В какую — тоже нетрудно догадаться. Наверняка в ту, перед которой стоит навытяжку стражник в кольчуге, шлеме и с копьём. Не знаю, как копьё, а вот меч у него на поясе выглядит весьма убедительно.

— День добрый, мил человек! — поприветствовал его я, мысленно удивляясь собственным словам. Вот что значит влияние деда Тимофея. А может, я просто тоже начинаю получать от игры удовольствие?

Стражник, тем временем, лишь покосился на меня, и снова уставился вдаль.

— Собственно, мне к воеводе надо, — пояснил я.

— Иди, коли надо, — промолвил стражник.

— Как, ты меня вот так и пропустишь? — не поверил я. — И документа не попросишь?

— Откуда у салаги документы? — риторически спросил стражник.

— И то верно, — согласился я. — А ты наблюдательный.

Но стражник снова застыл в своей эффектной позе, словно высеченный из камня. Ладно, он при исполнении, наверняка ему болтать не положено.

Я дружелюбно кивнул ему и вошёл в пристройку. После яркого солнца не сразу рассмотрел коридор, с дверями слева и справа. Ох, как они тут коридоры любят. Ладно. Я пошёл прямо, справедливо полагая, что кабинет воеводы будет как-то выделяться среди остальных. Надписью или каким-нибудь другим знаком. Может, гербом. Однако всё оказалось гораздо проще. Одна из дверей внезапно распахнулась, из неё что-то вылетело и с грохотом ударилось о противоположную стену.

— И без карты не возвращайся! — донёсся до меня громкий начальственный окрик.

Через пару секунд из той же двери выскочил перепуганный стражник, подхватил валяющийся у стены металлический шлем и пронёсся мимо меня к выходу, едва не зацепив рукоятью меча.

Однако, порядочки тут у них. Я подумал, не зайти ли мне попозже. Потом решил, что какая, в принципе, разница, и решительно постучал по косяку открытой двери.

— Тебе воевода сказал — не возвращаться! — снова крикнули из-за двери.

Я вежливо кашлянул и зашёл в кабинет. За огромным столом в глубине комнаты привстал в своём кресле атлетического сложения мужчина лет под пятьдесят. За его спиной висели многочисленные вымпелы и флаги. На соседней стене висела небрежно намалёванная географическая карта неизвестной мне местности. В раскрытое окно проникали звуки улицы и яркие лучи солнца. Довершали картину небрежно сваленные в углу рыцарские доспехи.

— Новенький? — строгим голосом спросил воевода.

— Так точно, новенький, — подтвердил я, раздумывая, стоит ли мне поступать к нему на службу.

Воевода, тем временем, вышел из-за стола и подошёл ко мне.

— Я смотрю, ты уже обмундировался? — довольно спросил он.

— Дед Тимофей подсобил, — признался я.

— Вижу, что Тимофей. Кто ж ещё тебя сразу по прибытию обул бы, — слово «обул» в его устах прозвучало как-то

двусмысленно, но я пропустил этот намёк мимо ушей.

Воевода взял меня за плечи и бесцеремонно повернул сначала одним боком, потом другим.

— Деньги взял с тебя? Небось, тысяч пять у него оставил из аванса?

— Две пятьсот, — возразил я.

— Даже так? — восхитился он. — Ну, значит, не пропадёшь тут, хватка есть.

Он посерьёзнел и вернулся за стол.

— Будем становиться на довольствие. Имя, чин.

— Алекс, — я продиктовал по буквам. — Не знаю, какой чин. Начальный.

— Рекомендации есть? — воевода пытливо посмотрел на меня.

На какое-то мгновение мне показалось, что я нанимаюсь в мушкетёры к господину дэ Тревиллю.

— Какие ещё рекомендации?

— Ну, может, ты по приглашению здесь? — пояснил воевода. — Кого-то из рыцарей?

— Нет, без приглашения.

— Ну ладно, так и запишем: воин нулевого уровня, — он сделал пометку в своей книге. — Пойдёшь в городскую стражу. Оклад — десять тысяч рублей. Смоленских, конечно. Плюс проживание, плюс питание.

— У меня есть боевой опыт, — сообщил я.

— Правда? И какой же?

Я замялся.

— Говори, Алекс, не стесняйся. Я воевода, мне по должности положено тайны знать. И хранить.

— Был паладином в «Рыцарях Средневековья», — признался я.

— Ого! — присвистнул воевода. — Серьёзно! Тогда тебе не в стражники, а в княжескую дружину надо.

— Ну так я и думал, что в дружину поступаю.

— С другой стороны, с нулевым уровнем дружинник из тебя никакой.

— Можно вопрос? — решился я.

— Валяй.

— А как именно мне мой уровень помешает? Кто вообще его видит, что это такое?

Вместо ответа воевода встал и подвёл меня к лежащим в углу доспехам.

— Подними-ка панцирь, — попросил он.

Я непонимающе посмотрел на него. Воевода ободряюще

кивнул.

Тогда я наклонился и хотел поднять его начищенный до блеска панцирь, но не тут-то было. Даже напрягшись изо всех сил я не смог не только поднять доспехи, но даже сдвинуть их с места.

— Да. Вот такие дела, Алекс, — не удивился воевода. — Ограничение в игре стоит. Пока не поднимешь уровень — не поднимешь и доспехи.

Я растерянно смотрел на него, пытался отдышаться.

— А меч?

— И меч.

Ну вот. Приехали. Что же теперь прикажете делать? Городская стража, я так понимаю, это аналог полиции. А княжеская дружина? Дружина — это, должно быть, регулярные войска. А княжеская дружина — это войска элитные. Я помрачнел. От воеводы это, конечно, не укрылось.

— Мне нужно как-то опыта набраться, — попросил я. — Желательно побыстрее.

— Ладно, Алекс, знаю я, что мы с тобой сделаем, — он решительно направился к столу. — Отправим тебя на границу. Там ты живо опыта наберёшься. Возражения есть?

Я отрицательно помотал головой.

— Оклад пятнадцать штук в месяц, на первых порах, — инструктировал воевода. — Плюс законные трофеи. Отправишься завтра с утра. А пока можешь в казарме переночевать, тебе покажут. Нечего на гостиницу тратиться.

— А на границе кто стоит — стража или княжеская дружина? — спросил я.

— Княжеская во дворце, — улыбнулся воевода. — Ты пока побудешь в обычной.

Он достал из ящика стола какую-то бумажку, быстро заполнил её и протянул мне.

— Вот, держи. Пропуск в казарму.

Я взял бумажку в руки и прочитал: «Пропуск. Выдан Алексу, дружиннику Смоленского княжества. Воевода Зигурд».

— Меня Зигурдом зовут, — протянул мне руку воевода.

— Спасибо вам! — я с чувством пожал протянутую руку.

— Да не за что. Ты видишь, у нас тут по-простому. Сам новичков принимаю, не каждый день идёт пополнение. А хочется ведь знать, что за человек, побаловаться прибыл или серьёзный парень. Я знать хочу, что на каждого моего дружинника положиться могу. Это я тебе как опытному воину говорю.

— Понимаю вас. Спасибо за доверие!

— Поступаешь в распоряжение сотника Рексомана. Когда

будешь готов, он вернёт тебя обратно в город. Если, конечно, ты захочешь. Утром за тобой зайдут. Удачи тебе, Алекс!

— Разрешите ещё вопрос, — попросил я.

— Давай!

— Вы простите, я подслушал невольно… Тут до меня стражник был. О какой-то карте речь шла.

Зигурд с улыбкой разглядывал меня.

— А ты смелый парень. Не тушуешься.

— Почему, — смутился я. — Помочь просто хотел.

— Скоро всё узнаешь. Это дружинник как раз из пограничников был. Есть там одна проблемка… Наша общая головная боль. Банда Шкипера называется.

— Уголовники?

— Скорее, террористы. Прячутся в лесу, нападают на обозы и заставы. Терроризируют население. Не получается пока прищучить, больно хитрый у них главарь. Неуловимый просто. То здесь, то там. Некоторые уверяют, что даже в городе его видели, правда, мне в это что-то с трудом верится. В общем, пытаемся карту его «художеств» составить, авось, сможем его потом вычислить.

— А ещё что на границе интересного? — улыбнулся я.

Воевода улыбнулся мне в ответ:

— А ещё — беспокойные соседи, которым очень наш князь не нравится. А земля, наоборот, очень даже нравится. Ну и так, по мелочам: диверсанты, шпионы, разбойники.

— Я так понимаю, опыт на границе действительно быстро набирают, — подытожил я.

— А то! — подтвердил Зигурд. — Это наша передовая. Удачи тебе, Алекс, и до встречи.

Выйдя из ратуши, я с удовольствием втянул ноздрями воздух, решив про себя, что его запах будет свежим и приятным, с лёгким ароматом цветущей сирени. Не знаю, почему именно сирени — но кибер-остео услужливо выудил из моей памяти соответствующий запах и дал мне возможность вволю им насладиться. Вирт-костюм на такое не способен.

Доброжелательно подмигнув стражнику у входа в пристройку, я направился к расположенному неподалёку скверику, с заманчивыми скамеечками и густой тенью от многочисленных деревьев. Одновременно со мной от центрального крыльца ратуши к скверику направился добротно одетый мужчина. Не воин, так как на нём не было ни доспехов, ни кольчуги. Наверное, просто горожанин. А может, вельможа. Что ж, могу его понять. Сам обожаю такие уголки для отдыха. Если бы мне не нужно было торопиться в казарму, где я рассчитывал

познакомиться с коллегами-сослуживцами и постараться задать им как можно больше вопросов относительно устройства здешнего общества — я бы с удовольствием выпил кружечку пива, а потом здесь отдохнул. Однако сейчас меня, в первую очередь, интересовала небольшая группка стоящих в тени кружком горожан, у которых можно было узнать дорогу к казарме. Двое мужчин склонили головы к верзиле, повыше и покрупнее остальных, и внимательно его слушали.

— Добрый день, не подскажете, как пройти в казарму? — вежливо спросил я.

Горожане резко обернулись, ощупали меня холодными враждебными взглядами.

— Ты чё нарываешься, мужик? — спросил один из них. — Гуляй лесом.

— Да я первый день в игре, не знаю тут ничего, — возмутился я.

Краем глаза заметил, как давешний вельможа резко изменил направление движения и теперь удалялся от сквера. Может, он с ними встретиться должен был, а я его спугнул?

— Первый день, говоришь? — с какой-то странной улыбкой спросил верзила, поправляя повязанный на шее тёмный платок.

Потом он несильно ткнул соседа кулаком в бок, показал глазами куда-то мне за спину. Тот немедленно направился быстрым шагом туда, откуда я только что пришёл: к выходу из сквера, ведущему к ратуше. Пожалуй, не следовало мне сюда соваться. Но хорошая мысля, как известно, приходит опосля.

— Ладно, мужики, — хмуро сказал я. — Бывайте.

Мужчины переглянулись, и верзила широко улыбнулся:

— Да я тебе сейчас покажу, как к казарме пройти, — он поднял руку, указывая на противоположный выход из сквера. — Идёшь прямо, потом свернёшь направо. Потом ещё один квартал прямо и сразу налево. Там и будет казарма.

Я невольно следил за движениями его руки, и потому упустил тот момент, когда его товарищ зашёл мне за спину. Зато сразу почувствовал резкую боль, когда он молниеносно обвил руками мою шею, а затем усилил захват.

— Не дёргайся, мужик, — послышалось у меня возле уха. — Больнее будет.

Кровь ударила мне в виски, а сердце буквально подпрыгнуло в грудной клетке и мощно забилось. Вот что делает прилив адреналина. Даже виртуального. Не понимаю, как я мог быть таким ослом. И вроде стреляный же ведь воробей! Наверное, это общая умиротворённая картина провинциального города усыпила мою бдительность. Но теперь трепыхаться уже поздно. Или не

поздно? Один подельник, наверняка, «на шухере» стоит. Всё же городская стража в двух шагах. Значит, остаются двое. Правда, один из них здоровенный амбал. Ну да ладно, шансы по-любому имеются. Главное, без нервов.

— Медленно расстегни пояс с кинжалом и брось его на землю, — скомандовал главарь.

— Мужики, вы чего? — с трудом прохрипел я.

— Ты слышал, что тебе старший сказал? — грубо сказал тот, что был у меня за спиной. — Шевелись! Не надейся, не обнулим, и самому обнулиться не дадим.

— Это как, обнулиться? — спросил я, непонимающе хлопая глазами. Пусть думают, что перед ними тупой и медлительный увалень. А я, тем временем, всё же постараюсь рассмотреть главаря — авось, в будущем пригодится.

Так. Выше меня примерно на голову. Намного шире в плечах. Одет в тёмные штаны, светлую льняную рубаху, тёмную жилетку. Под крестьянина косит. Волосы тёмные, на вид что-то около сорока лет. На лице особых примет не видно. Мужик, как мужик. Глаза только — холодные и злые.

— Ты пойдёшь с нами и расскажешь, как нас выследил. Пояс. Быстро!

Я счёл за лучшее не спорить и на ощупь расстегнул пряжку. Ремень упал на землю. Кинжал при этом грустно звякнул.

— Молодец, — похвалил верзила. — Теперь доставай всё из карманов. Быстро.

Ничего не понимая, я послушно вынул из кармана пару носков и сложенные купюры.

— Из второго кармана тоже.

Я послушно вывернул карман наружу. Ещё пара носков упала на землю. Спокойно. Самое главное — уловить момент, когда они расслабятся.

— Бросай деньги на землю, — скомандовал главарь.

Я замялся, как бы не желая расставаться с деньгами, а потом изо всех сил двинул локтями назад. Бандит за спиной вскрикнул и ослабил хватку на шее, чем я немедленно и воспользовался, крутанув его вокруг себя. Он не расцепил руки, но уже потерял контроль над ситуацией, так что лягнуть его в коленную чашечку было плёвым делом. Тут он не выдержал, заорал в голос и, наконец, отпустил мою шею.

Правда, радоваться мне пришлось недолго: главарь залепил мне великолепный хук слева, так, что у меня из глаз, образно говоря, посыпались искры. Он замахнулся снова, но я схватил его руку и, что было сил, рванул на себя. Бандит не удержал равновесия и полетел головой вперёд. Крутанувшись на носках, я

с силой ударил его сложенными ладонями по тыльной стороне шеи. Верзила споткнулся и всем своим весом налетел на изумлённого товарища. Тем временем я проворно схватил с земли пояс и вытащил клинок, оценивая обстановку. От входа в сквер к нам бегом возвращался третий подельник. В руке у него поблёскивало оружие. Что ж, этот раунд остался за мной, так как они меня явно недооценили — но больше испытывать везение я не намерен.

Не теряя времени, я со всех ног бросился к противоположному выходу из сквера, очень надеясь, что мне в спину не полетит чей-нибудь кинжал. Устраивать в сквере корриду мне определённо не хотелось. Всегда считал, что драки нужно по возможности избегать, особенно, когда ты в меньшинстве, а продолжать драку, в сущности, не из-за чего. За спиной раздался взбешённый рык главаря:

— Догнать!

Ну, а остальное было нецензурно. Я улыбнулся, представив, в какой он сейчас ярости, и прибавил ходу. За спиной слышались топающие шаги преследователей. Судя по звуку, их было двое. Главарь, вероятно, остался в сквере приходить в себя. А может, собирать брошенные мной на месте драки деньги. Отлично, пусть это его подольше задержит. Очень удачно всё получилось. Вот и переулок — скорее сюда.

Добежав до угла, я быстро осмотрелся, увидел дверной проём и быстро нырнул в него, прижавшись к прохладной стене подъезда. Через несколько мгновений мимо, натужно дыша, пронеслись двое громил. Прекрасно. Я подождал минутку и осторожно выглянул из своего укрытия. Поблизости никого не было. Тогда я перебежал улицу, посмотрел туда, куда унеслись преследователи и быстрым шагом пошёл в другую сторону.

Так закончилось моё первое приключение в этой игре. Если не считать того небольшого инцидента в кузнице, конечно. Учитывая, что я прибыл всего лишь пару часов назад, всё говорило о том, что жизнь в Смоленском княжестве скучной никак не будет. Чего мне, в принципе, и хотелось. Однако, не мешало бы узнать об игре побольше. В моих сведениях о ней явно были существенные пробелы, а значит, мне следовало как можно быстрее добраться до казармы и расспросить коллег. Надеюсь, они будут дружелюбнее, чем встреченные громилы. Кстати, а что они всё-таки делали рядом со смоленской ратушей? Ведь это, должно быть, самое охраняемое место в городе. Зачем так рисковать? А может, им передать надо было что-то тому вельможе? Или, наоборот, принять что-то от него? Запишем пока в загадки. Что-то список вопросов и загадок пока только растёт.

После полумрака коридора яркое жаркое солнце ослепило меня, заставило зажмуриться. День был в самом разгаре. Когда, наконец, глаза привыкли к свету, я смог оглядеться вокруг. Довольно уютный дворик ратуши утопал в зелени, по всему периметру вдоль невысокой ограды росли вперемешку клёны и каштаны. Представляю, как тут красиво осенью. Если она здесь вообще бывает, конечно. Надо будет, кстати, узнать — может, мне одёжкой посерьёзнее надо запасаться. Впрочем, поживём — увидим. Надо решать проблемы в порядке поступления, как всегда учит меня отец. Выйдя за ворота, я остановил пробегающую мимо девчушку (кем бы она ни была на самом деле) и спросил, как мне пройти к кузнице. Девчушка смешно наморщила веснушчатый носик и указала пальцем в переулок.

— Нехорошо пальцем показывать! — машинально сказал я девочке.

— А чем хорошо, дядя? — вдруг спросила она звонким голоском.

Я не нашёлся, что ответить, покачал укоризненно головой и направился в указанном направлении.

— Дурак! — раздалось мне вслед. Оборачиваться я не стал.

Дома вокруг были невысокими, в два этажа максимум. Хотя я не думаю, что в настоящем Смоленске в средних веках здания были выше. Они и сейчас-то ещё местами сохранились… В Смоленске я не был, но почему-то уверен был, что хорошо себе его представляю. Наверное потому, что сам родом из Могилёва, а это всего на двести километров западнее, тоже областной центр, примерно такой же город и по размеру, и по населению. Всегда считал, что наши города очень похожи. У нас в городе, в центре, есть переулочки с двух- и трёхэтажными домами — свернёшь в них с широкой центральной улицы — и вот тебе сразу седая старина. Так что всё здесь выглядело не только убедительно — но и весьма знакомо. Можно сказать, я почувствовал себя, как дома. Хорошо, что Смоленск выбрал, а не Гандарию или что-то в этом роде. Всё-таки осваиваться легче в знакомой обстановке.

Не могу сказать, что улицы смоленского княжества были в этот час переполнены горожанами. Кроме девочки мне встретилась лишь одна молодая женщина, одетая в длинное льняное платье. Проходя мимо меня, она начала застенчиво теребить кончик тяжёлой русой косы, лежащей у неё на груди. Судя по всему, её смутил мой любопытный взгляд, так как она резко отвернулась, в попытке спрятать стремительно краснеющие щёки. Я оглянулся ей вслед, и решил, что мне стоит задержаться в Смоленске подольше.

Внезапно ветер донёс до меня странный звук, как будто кто-

то бил железными молоточками по булыжнику. Я уж было решил, что добрался до кузницы — но вместо этого стал свидетелем удивительной картины: в переулок медленно въехала телега, запряжённая настоящей пегой лошадкой! Её подковки мерно цокали по мостовой, а глаза флегматично осматривали окрестности. Меня она удостоила громким фырканьем и демонстрацией крупных жёлтых зубов.

— Ноо! — самодовольно прикрикнул на неё возница, колоритный бородатый крестьянин, чем-то отдалённо напоминающий свою лошадку. Скорее всего, задумчивым взглядом и цветом зубов.

В телеге, небрежно накрытые куском материи, погромыхивали несколько бочонков. Интересно, что он в них везёт? Ведь судя по всему, в ратушу направляется. Впрочем, взглянув ещё разок на пунцовые щёки и нос крестьянина, о содержимом бочонков было не так уж и трудно догадаться.

Надо сказать, мне было чрезвычайно приятно убедиться, что в игре присутствуют не только люди, но и животные. Как-то неуютно в мире, где человек победил настолько, что вообще остался на планете в одиночестве. Не хотелось бы мне в таком мире оказаться — ни в реальном, ни в виртуальном. Может, у них тут и верховые кони имеются? Надо будет выяснить при первой же возможности. Лошади — это моя страсть. Хотя так может, наверное, почти каждый коренной горожанин сказать. Эх, не хватает нам в городах общения с живой природой. Решено, приобрету себе коня. Мне почему-то вспомнился Д`Артаньян, въезжающий в Париж на скромной лошадке, в потёртом камзоле и в смешном берете. Этот образ показался мне сейчас, как никогда, близким и актуальным.

Отмахав ещё несколько кварталов и пройдя через ворота в довольно высокой кирпичной стене с бойницами, я вышел на площадь, в центре которой стоял аккуратный фонтанчик. Эстеты, однако. Красиво. На площадь выходили фасадами несколько домов. Со стороны одного из них доносился металлический лязг и запах гари. Кузницу трудно с чем-либо спутать. Я вошёл во двор и направился к просторному сараю, откуда доносились мерные удары молота о наковальню.

— День добрый! — крикнул я, остановившись у открытых дверей. Однако перекричать этот лязг было невозможно.

В зловещих красноватых отблесках от раскалённого горна работал здоровенный бородатый мужик. Одной рукой он щипцами держал на наковальне какую-то железяку, а во второй руке у него был молот, которым он с размаху по этой железяке бил. Я решил скромно подождать у двери, чтобы ненароком не

попасть под руку человеку с такими убедительными орудиями труда. Наконец он закончил ковать. Железяка полетела в чан с водой, стоявший возле наковальни. Раздалось громкое шипение, густые клубы пара поднялись от чана и скрыли от меня кузнеца. Когда пар рассеялся, я почувствовал, как холодная сталь упирается мне в горло. И как он успел подобраться?

— Ты кто? — настороженно спросил кузнец.

— Я… Это… Алекс! — я во все глаза глядел на длинное блестящее лезвие меча. Одно неверное движение и…

— Почему без стука?

— Да какой там стук! Я кричал — и то вы не слышали!

— Допустим, — согласился кузнец. — А надо тебе чего?

— Оружие хотел купить!

Мужик внимательно осмотрел мой наряд и, наконец, опустил меч.

— Новенький? — проницательно спросил он.

Я кивнул.

— Тимофей послал?

— Да! — я невольно принялся растирать шею.

— Ладно, проходи.

— Ёлы-палы, вы всех здесь так встречаете? — возмутился я.

— Не всех. Некоторых сразу на капусту рублю, — сказал кузнец спокойно, так что я не понял, правду он сказал, или нет. В одном лишь я не сомневался: этот может.

— Меня Василием зовут, — он протянул мне руку, я осторожно пожал её. — Пошли в чулан, покажу, что сейчас из готового есть.

Чуланом он называл отгороженный угол кузницы. Тут на стене в специальных зажимах висели мечи и кинжалы.

— Мечи не смотри, новичкам по рангу не положено, — предупредил кузнец.

Я с сомнением осмотрел его коллекцию.

— Может, посоветуете что-нибудь? У меня, вообще-то, опыт в основном с мечами был.

— Играл раньше где-то?

— Да.

— Где, если не секрет?

— Гм… — врать мне не хотелось. — В «Рыцарях Средневековья».

— Да? Я тоже там баловался. И кто ты там был? — Василий пытливо посмотрел мне в глаза.

Я выдержал его взгляд.

— Да так. Тоже баловался в основном.

— Молодец, не говори, — неожиданно одобрил кузнец. — Я

бы тоже не стал первому встречному-поперечному душу раскрывать. Было и прошло. Потом, может, когда-нибудь, расскажешь. Когда доверять будешь.

— Может, — уклончиво ответил я.

— В общем, я тебе вот этот кинжал советую, — перевёл тему Василий. — Работа отличная, без ложной скромности скажу. Надёжная вещь, — он протянул мне ничем не примечательный на вид кинжал.

— Один-два похода — и можешь возвращаться за мечом. Кинжал приму обратно в счёт оплаты.

— Это было бы здорово! — обрадовался я, примеряя рукоять кинжала к ладони.

— Тут ведь главное что, — продолжал кузнец. — Главное не забывать, что рука с кинжалом короче, чем рука с мечом. Значит, тактика боя другая. А вообще, лучше на рыцарей с ним не соваться, а вот оруженосцы — твоя законная добыча. Ну, или бандиты обычные.

— Тут и бандиты ещё есть? — удивился я.

— А где ж их нет? — улыбнулся Василий. — Хватает. Тут банды по лесам шастают, тебе наверняка с ними дело иметь придётся, если в дружину попадёшь.

— Что значит, если? — не понял я.

— Ты пока в городской страже, как все воины-новички. Вооружён и очень опасен, — ухмыльнулся он. — Освоишься, подучишься, а там и в дружину просись, раз уж ты военную профессию выбрал. А пока не забудь к воеводе зайти, он распределит тебя в подходящий отряд.

— Да, сейчас сразу и отправлюсь. Куда, кстати, надо идти?

— Так ты там уже был. Возвращайся в ратушу. Только обойди её, воевода с другой стороны. Там же, где и Наместник.

— А кто такой Наместник? — спросил я.

По лицу кузнеца пробежала тень, он вдруг начал поправлять оружие в зажимах.

— Воевода тебе всё расскажет, — сказал он. — Или ребята-стражники.

— Ладно, — согласился я. Зачем расспрашивать человека, если ему тема явно неприятна? — Сколько с меня за кинжал?

— Четыре тысячи ЭСЭРов, — сказал кузнец. — Честная цена. На рынке за такой десять штук просят. Я тебе ещё и пояс к нему подарю, кожаный.

Я, не споря, передал ему четыре бумажки.

— Спасибо тебе, Василий!

— Не за что, Алекс, — пробасил он. — Ты извини, что я тебя так… приголубил. Времена нынче лихие, а на кузнеца желающих

много… поживиться.

— Всё в порядке! Я понимаю, — улыбнулся я, первым протягивая ему руку.

Кузнец осторожно пожал её в ответ, а затем дружелюбно похлопал меня по плечу, оставив, должно быть, пару внушительных синяков. Пожалуй, надо было не кольчужку покупать, а уж сразу рыцарские доспехи.

Обратная дорога к ратуше мне была уже знакома. Я шёл торопливым шагом, почти не оглядываясь по сторонам. На выходе из переулка, перед самой ратушей, — там, где проехала телега с лошадкой, — на мостовой красовалась свежая коричневая лепёшка, пахнущая деревенским хлевом. Надо же, до какой степени достоверности они тут дошли. Мне это нравится. Не сама лепёшка, конечно, а то, что всё выглядит абсолютно натурально.

Обойдя ратушу кругом, я увидел красивый парадный вход с крыльцом, колоннами и ступеньками. Здание стояло на площади, в центре которой возвышался памятник неизвестному мне рыцарю на коне, а по краям стояли несколько киосков. На одном было написано «соки-воды-квас», на другом — «пирожки и выпечка». Третий киоск, вполне ожидаемо, предлагал прохожим пиво. Возле него стояла небольшая очередь, а за высокими столиками общались, сжимая в руках внушительные кружки, несколько завсегдатаев. Рядом с киосками под навесом накрыты были несколько столов с разложенным на них товаром. Вывеска гласила: «Тысяча и одна мелочь. Артефакты. Принимаем нереалы». Вот на что здесь деньги тратят, подумал я. Только непонятно, какие такие нереалы они принимают.

Так значит, дед Тимофей вывел меня сегодня на задний двор. Что ж, теперь буду знать. Слева и справа к центральному зданию примыкали пристройки, каждая с собственным входом. Ну что ж, пожалуй, в одну из пристроек мне и надо. В какую — тоже нетрудно догадаться. Наверняка в ту, перед которой стоит навытяжку стражник в кольчуге, шлеме и с копьём. Не знаю, как копьё, а вот меч у него на поясе выглядит весьма убедительно.

— День добрый, мил человек! — поприветствовал его я, мысленно удивляясь собственным словам. Вот что значит влияние деда Тимофея. А может, я просто тоже начинаю получать от игры удовольствие?

Стражник, тем временем, лишь покосился на меня, и снова уставился вдаль.

— Собственно, мне к воеводе надо, — пояснил я.

— Иди, коли надо, — промолвил стражник.

— Как, ты меня вот так и пропустишь? — не поверил я. — И документа не попросишь?

— Откуда у салаги документы? — риторически спросил стражник.

— И то верно, — согласился я. — А ты наблюдательный.

Но стражник снова застыл в своей эффектной позе, словно высеченный из камня. Ладно, он при исполнении, наверняка ему болтать не положено.

Я дружелюбно кивнул ему и вошёл в пристройку. После яркого солнца не сразу рассмотрел коридор, с дверями слева и справа. Ох, как они тут коридоры любят. Ладно. Я пошёл прямо, справедливо полагая, что кабинет воеводы будет как-то выделяться среди остальных. Надписью или каким-нибудь другим знаком. Может, гербом. Однако всё оказалось гораздо проще. Одна из дверей внезапно распахнулась, из неё что-то вылетело и с грохотом ударилось о противоположную стену.

— И без карты не возвращайся! — донёсся до меня громкий начальственный окрик.

Через пару секунд из той же двери выскочил перепуганный стражник, подхватил валяющийся у стены металлический шлем и пронёсся мимо меня к выходу, едва не зацепив рукоятью меча.

Однако, порядочки тут у них. Я подумал, не зайти ли мне попозже. Потом решил, что какая, в принципе, разница, и решительно постучал по косяку открытой двери.

— Тебе воевода сказал — не возвращаться! — снова крикнули из-за двери.

Я вежливо кашлянул и зашёл в кабинет. За огромным столом в глубине комнаты привстал в своём кресле атлетического сложения мужчина лет под пятьдесят. За его спиной висели многочисленные вымпелы и флаги. На соседней стене висела небрежно намалёванная географическая карта неизвестной мне местности. В раскрытое окно проникали звуки улицы и яркие лучи солнца. Довершали картину небрежно сваленные в углу рыцарские доспехи.

— Новенький? — строгим голосом спросил воевода.

— Так точно, новенький, — подтвердил я, раздумывая, стоит ли мне поступать к нему на службу.

Воевода, тем временем, вышел из-за стола и подошёл ко мне.

— Я смотрю, ты уже обмундировался? — довольно спросил он.

— Дед Тимофей подсобил, — признался я.

— Вижу, что Тимофей. Кто ж ещё тебя сразу по прибытию обул бы, — слово «обул» в его устах прозвучало как-то двусмысленно, но я пропустил этот намёк мимо ушей.

Воевода взял меня за плечи и бесцеремонно повернул сначала одним боком, потом другим.

— Деньги взял с тебя? Небось, тысяч пять у него оставил из аванса?

— Две пятьсот, — возразил я.

— Даже так? — восхитился он. — Ну, значит, не пропадёшь тут, хватка есть.

Он посерьёзнел и вернулся за стол.

— Будем становиться на довольствие. Имя, чин.

— Алекс, — я продиктовал по буквам. — Не знаю, какой чин. Начальный.

— Рекомендации есть? — воевода пытливо посмотрел на меня.

На какое-то мгновение мне показалось, что я нанимаюсь в мушкетёры к господину дэ Тревиллю.

— Какие ещё рекомендации?

— Ну, может, ты по приглашению здесь? — пояснил воевода. — Кого-то из рыцарей?

— Нет, без приглашения.

— Ну ладно, так и запишем: воин нулевого уровня, — он сделал пометку в своей книге. — Пойдёшь в городскую стражу. Оклад — десять тысяч рублей. Смоленских, конечно. Плюс проживание, плюс питание.

— У меня есть боевой опыт, — сообщил я.

— Правда? И какой же?

Я замялся.

— Говори, Алекс, не стесняйся. Я воевода, мне по должности положено тайны знать. И хранить.

— Был паладином в «Рыцарях Средневековья», — признался я.

— Ого! — присвистнул воевода. — Серьёзно! Тогда тебе не в стражники, а в княжескую дружину надо.

— Ну так я и думал, что в дружину поступаю.

— С другой стороны, с нулевым уровнем дружинник из тебя никакой.

— Можно вопрос? — решился я.

— Валяй.

— А как именно мне мой уровень помешает? Кто вообще его видит, что это такое?

Вместо ответа воевода встал и подвёл меня к лежащим в углу доспехам.

— Подними-ка панцирь, — попросил он.

Я непонимающе посмотрел на него. Воевода ободряюще кивнул.

Тогда я наклонился и хотел поднять его начищенный до блеска панцирь, но не тут-то было. Даже напрягшись изо всех сил

я не смог не только поднять доспехи, но даже сдвинуть их с места.

— Да. Вот такие дела, Алекс, — не удивился воевода. — Ограничение в игре стоит. Пока не поднимешь уровень — не поднимешь и доспехи.

Я растерянно смотрел на него, пытался отдышаться.

— А меч?

— И меч.

Ну вот. Приехали. Что же теперь прикажете делать? Городская стража, я так понимаю, это аналог полиции. А княжеская дружина? Дружина — это, должно быть, регулярные войска. А княжеская дружина — это войска элитные. Я помрачнел. От воеводы это, конечно, не укрылось.

— Мне нужно как-то опыта набраться, — попросил я. — Желательно побыстрее.

— Ладно, Алекс, знаю я, что мы с тобой сделаем, — он решительно направился к столу. — Отправим тебя на границу. Там ты живо опыта наберёшься. Возражения есть?

Я отрицательно помотал головой.

— Оклад пятнадцать штук в месяц, на первых порах, — инструктировал воевода. — Плюс законные трофеи. Отправишься завтра с утра. А пока можешь в казарме переночевать, тебе покажут. Нечего на гостиницу тратиться.

— А на границе кто стоит — стража или княжеская дружина? — спросил я.

— Княжеская во дворце, — улыбнулся воевода. — Ты пока побудешь в обычной.

Он достал из ящика стола какую-то бумажку, быстро заполнил её и протянул мне.

— Вот, держи. Пропуск в казарму.

Я взял бумажку в руки и прочитал: «Пропуск. Выдан Алексу, дружиннику Смоленского княжества. Воевода Зигурд».

— Меня Зигурдом зовут, — протянул мне руку воевода.

— Спасибо вам! — я с чувством пожал протянутую руку.

— Да не за что. Ты видишь, у нас тут по-простому. Сам новичков принимаю, не каждый день идёт пополнение. А хочется ведь знать, что за человек, побаловаться прибыл или серьёзный парень. Я знать хочу, что на каждого моего дружинника положиться могу. Это я тебе как опытному воину говорю.

— Понимаю вас. Спасибо за доверие!

— Поступаешь в распоряжение сотника Рексомана. Когда будешь готов, он вернёт тебя обратно в город. Если, конечно, ты захочешь. Утром за тобой зайдут. Удачи тебе, Алекс!

— Разрешите ещё вопрос, — попросил я.

— Давай!

— Вы простите, я подслушал невольно… Тут до меня стражник был. О какой-то карте речь шла.

Зигурд с улыбкой разглядывал меня.

— А ты смелый парень. Не тушуешься.

— Почему, — смутился я. — Помочь просто хотел.

— Скоро всё узнаешь. Это дружинник как раз из пограничников был. Есть там одна проблемка… Наша общая головная боль. Банда Шкипера называется.

— Уголовники?

— Скорее, террористы. Прячутся в лесу, нападают на обозы и заставы. Терроризируют население. Не получается пока прищучить, больно хитрый у них главарь. Неуловимый просто. То здесь, то там. Некоторые уверяют, что даже в городе его видели, правда, мне в это что-то с трудом верится. В общем, пытаемся карту его «художеств» составить, авось, сможем его потом вычислить.

— А ещё что на границе интересного? — улыбнулся я.

Воевода улыбнулся мне в ответ:

— А ещё — беспокойные соседи, которым очень наш князь не нравится. А земля, наоборот, очень даже нравится. Ну и так, по мелочам: диверсанты, шпионы, разбойники.

— Я так понимаю, опыт на границе действительно быстро набирают, — подытожил я.

— А то! — подтвердил Зигурд. — Это наша передовая. Удачи тебе, Алекс, и до встречи.

Выйдя из ратуши, я с удовольствием втянул ноздрями воздух, решив про себя, что его запах будет свежим и приятным, с лёгким ароматом цветущей сирени. Не знаю, почему именно сирени — но кибер-остео услужливо выудил из моей памяти соответствующий запах и дал мне возможность вволю им насладиться. Вирт-костюм на такое не способен.

Доброжелательно подмигнув стражнику у входа в пристройку, я направился к расположенному неподалёку скверику, с заманчивыми скамеечками и густой тенью от многочисленных деревьев. Одновременно со мной от центрального крыльца ратуши к скверику направился добротно одетый мужчина. Не воин, так как на нём не было ни доспехов, ни кольчуги. Наверное, просто горожанин. А может, вельможа. Что ж, могу его понять. Сам обожаю такие уголки для отдыха. Если бы мне не нужно было торопиться в казарму, где я рассчитывал познакомиться с коллегами-сослуживцами и постараться задать им как можно больше вопросов относительно устройства здешнего общества — я бы с удовольствием выпил кружечку пива,

а потом здесь отдохнул. Однако сейчас меня, в первую очередь, интересовала небольшая группка стоящих в тени кружком горожан, у которых можно было узнать дорогу к казарме. Двое мужчин склонили головы к верзиле, повыше и покрупнее остальных, и внимательно его слушали.

— Добрый день, не подскажете, как пройти в казарму? — вежливо спросил я.

Горожане резко обернулись, ощупали меня холодными враждебными взглядами.

— Ты чё нарываешься, мужик? — спросил один из них. — Гуляй лесом.

— Да я первый день в игре, не знаю тут ничего, — возмутился я.

Краем глаза заметил, как давешний вельможа резко изменил направление движения и теперь удалялся от сквера. Может, он с ними встретиться должен был, а я его спугнул?

— Первый день, говоришь? — с какой-то странной улыбкой спросил верзила, поправляя повязанный на шее тёмный платок.

Потом он несильно ткнул соседа кулаком в бок, показал глазами куда-то мне за спину. Тот немедленно направился быстрым шагом туда, откуда я только что пришёл: к выходу из сквера, ведущему к ратуше. Пожалуй, не следовало мне сюда соваться. Но хорошая мысля, как известно, приходит опосля.

— Ладно, мужики, — хмуро сказал я. — Бывайте.

Мужчины переглянулись, и верзила широко улыбнулся:

— Да я тебе сейчас покажу, как к казарме пройти, — он поднял руку, указывая на противоположный выход из сквера. — Идёшь прямо, потом свернёшь направо. Потом ещё один квартал прямо и сразу налево. Там и будет казарма.

Я невольно следил за движениями его руки, и потому упустил тот момент, когда его товарищ зашёл мне за спину. Зато сразу почувствовал резкую боль, когда он молниеносно обвил руками мою шею, а затем усилил захват.

— Не дёргайся, мужик, — послышалось у меня возле уха. — Больнее будет.

Кровь ударила мне в виски, а сердце буквально подпрыгнуло в грудной клетке и мощно забилось. Вот что делает прилив адреналина. Даже виртуального. Не понимаю, как я мог быть таким ослом. И вроде стреляный же ведь воробей! Наверное, это общая умиротворённая картина провинциального города усыпила мою бдительность. Но теперь трепыхаться уже поздно. Или не поздно? Один подельник, наверняка, «на шухере» стоит. Всё же городская стража в двух шагах. Значит, остаются двое. Правда, один из них здоровенный амбал. Ну да ладно, шансы по-любому

имеются. Главное, без нервов.

— Медленно расстегни пояс с кинжалом и брось его на землю, — скомандовал главарь.

— Мужики, вы чего? — с трудом прохрипел я.

— Ты слышал, что тебе старший сказал? — грубо сказал тот, что был у меня за спиной. — Шевелись! Не надейся, не обнулим, и самому обнулиться не дадим.

— Это как, обнулиться? — спросил я, непонимающе хлопая глазами. Пусть думают, что перед ними тупой и медлительный увалень. А я, тем временем, всё же постараюсь рассмотреть главаря — авось, в будущем пригодится.

Так. Выше меня примерно на голову. Намного шире в плечах. Одет в тёмные штаны, светлую льняную рубаху, тёмную жилетку. Под крестьянина косит. Волосы тёмные, на вид что-то около сорока лет. На лице особых примет не видно. Мужик, как мужик. Глаза только — холодные и злые.

— Ты пойдёшь с нами и расскажешь, как нас выследил. Пояс. Быстро!

Я счёл за лучшее не спорить и на ощупь расстегнул пряжку. Ремень упал на землю. Кинжал при этом грустно звякнул.

— Молодец, — похвалил верзила. — Теперь доставай всё из карманов. Быстро.

Ничего не понимая, я послушно вынул из кармана пару носков и сложенные купюры.

— Из второго кармана тоже.

Я послушно вывернул карман наружу. Ещё пара носков упала на землю. Спокойно. Самое главное — уловить момент, когда они расслабятся.

— Бросай деньги на землю, — скомандовал главарь.

Я замялся, как бы не желая расставаться с деньгами, а потом изо всех сил двинул локтями назад. Бандит за спиной вскрикнул и ослабил хватку на шее, чем я немедленно и воспользовался, крутанув его вокруг себя. Он не расцепил руки, но уже потерял контроль над ситуацией, так что лягнуть его в коленную чашечку было плёвым делом. Тут он не выдержал, заорал в голос и, наконец, отпустил мою шею.

Правда, радоваться мне пришлось недолго: главарь залепил мне великолепный хук слева, так, что у меня из глаз, образно говоря, посыпались искры. Он замахнулся снова, но я схватил его руку и, что было сил, рванул на себя. Бандит не удержал равновесия и полетел головой вперёд. Крутанувшись на носках, я с силой ударил его сложенными ладонями по тыльной стороне шеи. Верзила споткнулся и всем своим весом налетел на изумлённого товарища. Тем временем я проворно схватил с

земли пояс и вытащил клинок, оценивая обстановку. От входа в сквер к нам бегом возвращался третий подельник. В руке у него поблёскивало оружие. Что ж, этот раунд остался за мной, так как они меня явно недооценили — но больше испытывать везение я не намерен.

Не теряя времени, я со всех ног бросился к противоположному выходу из сквера, очень надеясь, что мне в спину не полетит чей-нибудь кинжал. Устраивать в сквере корриду мне определённо не хотелось. Всегда считал, что драки нужно по возможности избегать, особенно, когда ты в меньшинстве, а продолжать драку, в сущности, не из-за чего. За спиной раздался взбешённый рык главаря:

— Догнать!

Ну, а остальное было нецензурно. Я улыбнулся, представив, в какой он сейчас ярости, и прибавил ходу. За спиной слышались топающие шаги преследователей. Судя по звуку, их было двое. Главарь, вероятно, остался в сквере приходить в себя. А может, собирать брошенные мной на месте драки деньги. Отлично, пусть это его подольше задержит. Очень удачно всё получилось. Вот и переулок — скорее сюда.

Добежав до угла, я быстро осмотрелся, увидел дверной проём и быстро нырнул в него, прижавшись к прохладной стене подъезда. Через несколько мгновений мимо, натужно дыша, пронеслись двое громил. Прекрасно. Я подождал минутку и осторожно выглянул из своего укрытия. Поблизости никого не было. Тогда я перебежал улицу, посмотрел туда, куда унеслись преследователи и быстрым шагом пошёл в другую сторону.

Так закончилось моё первое приключение в этой игре. Если не считать того небольшого инцидента в кузнице, конечно. Учитывая, что я прибыл всего лишь пару часов назад, всё говорило о том, что жизнь в Смоленском княжестве скучной никак не будет. Чего мне, в принципе, и хотелось. Однако, не мешало бы узнать об игре побольше. В моих сведениях о ней явно были существенные пробелы, а значит, мне следовало как можно быстрее добраться до казармы и расспросить коллег. Надеюсь, они будут дружелюбнее, чем встреченные громилы. Кстати, а что они всё-таки делали рядом со смоленской ратушей? Ведь это, должно быть, самое охраняемое место в городе. Зачем так рисковать? А может, им передать надо было что-то тому вельможе? Или, наоборот, принять что-то от него? Запишем пока в загадки. Что-то список вопросов и загадок пока только растёт.

Глава третья. Всемогущий Синекрион

На сей раз я добрался до казармы без происшествий. Прохожие показали мне направление, а потом уж спутать серое казённое здание казармы нельзя было ни с чем. Не понимаю, почему все казармы так похожи, во все времена и во всех странах. По крайней мере, в виртуале. Как будто все они созданы по какому-то единому образцу-прототипу, который занесён был на Землю космическим ветром задолго до появления здесь человека. Впрочем, это касается не только казарм — то же самое можно сказать и о других казённых строениях. Взять хоть ту же ратушу с её коридорами. А может, у нас просто не хватает фантазии как-то разнообразить архитектуру подобных заведений? Или, наоборот, мы умышленно эту фантазию сдерживаем, дабы всяк сюда входящему было ясно — здесь свершаются государственные дела и он тут лишь винтик, для которого место будет найдено в соответствии с государевой потребностью, без учёта мнения самого винтика?

Предъявленный мною «пропуск» полностью удовлетворил пожилого стражника на контрольно-пропускном пункте (ну как ещё назвать проходную комнатку перед входной дверью в здание?), и он лениво сообщил:

— Дружинникам на второй этаж.

— Спасибо, дядя, — вежливо поблагодарил я, смирившись с тем, что в моей речи с лёгкой руки деда Тимофея будут регулярно проскакивать анахронизмы.

Пройдя по длинному коридору до самого конца (слева и справа в приоткрытые двери виднелись комнатки с двухъярусными койками), я нашёл лестницу, поднялся по ней и, недолго думая, зашёл в первую же попавшуюся дверь. Вопреки моим ожиданиям, это была вовсе не жилая комната. К моему удивлению, я оказался в настоящей душевой, она же ванная, она же уборная. Это было уже чем-то запредельным — в «Рыцарях Средневековья» все удобства сводились к кустам, максимум, деревянным кабинкам, нерегулярно расставленным лишь в замках и крепостях. А тут такая роскошь! Я подошёл к стеночке с торчащими над головой лейками, легонько повернул ручку на стене. Сверху на макушку немедленно брызнула струйка воды. Для чистоплотных людей — это наслаждение! Представляю, с каким удовольствием здесь порой стоят под струями воды стражники, то есть, дружинники, после утомительного похода

или сражения. Если ты любишь что-то в реале — ты будешь любить это и в виртуале. И даже ещё больше. Я закрутил кран и приоткрыл одну из туалетных кабинок. Внутри стоял вполне удобный стульчик, с высокой спинкой и подлокотниками. Просто шик!

Я с удовольствием уселся на этот стульчик, прикрыв за собой дверь. Затем прислонился к спинке, положил руки на подлокотники и мысленно приказал кибер-остео вернуть меня из виртуальности в обычный мир. Снял с шеи аппаратик, встал с кресла. От души потянулся, зевнул — и направился в ванную.

Когда-то, в самом начале своей игровой «карьеры», я не понимал, зачем вообще в виртуале имитируют удобства. Непосредственной необходимости в них у виртуального персонажа нет. Зато у реального человека есть. А как иначе решить эту маленькую физиологическую проблемку? В игре мы проводим, порой, по многу часов подряд. Наше тело в это время лежит дома, в кресле, или в постели, кому как нравится. Лёгкие дышат, сердце стучит, почки работают. Соответственно, рано или поздно мочевой пузырь наполняется, и нам — настоящим — непременно нужно его освободить. Желательно, цивилизованным способом. А вот чтобы этот способ гарантировать, умные создатели игр и стараются, в меру своей фантазии и бюджета, организовать для игровых персонажей — под видом туалетных кабинок — своеобразные «комнатки отдыха». Конечно же, никакой сантехники там нет и в помине — просто можно присесть на удобный стульчик и на некоторое время оставить свой персонаж в покое. Вероятность, что его именно в этот момент потревожат, очень мала — даже в вымышленном мире есть свои неписаные законы и традиции. Ведь каждый рано или поздно оказывается в этом же положении. Это как перемирие у зверей во время водопоя. Конечно, полной гарантии безопасности никто дать не мог, но всё же защищённость у тебя в этот момент была. А в это время у себя дома ты мог посетить настоящий туалет, ну и, пользуясь случаем, совершить небольшой набег на холодильник. Голод-то, как известно, не тётка.

Врачи и психологи просто впадают в ступор, когда узнают, как живёт современная молодёжь. На самом деле, мне и самому иногда кажется такой образ жизни несколько странным и не совсем подходящим для хомо сапиенс. Однако менять я ничего не хочу. Пока не хочу. А там — видно будет. Пока виртуал — важная часть моей жизни, иногда даже лучшая его часть. Возможно, это нормальная человеческая эволюция — был хомо сапиенс, стал хомо виртуалиенс. А хорошо это, или плохо — время покажет. Если честно, меня не столько прогресс в технике беспокоит,

сколько отсутствие прогресса в остальном. В виртуале многие словно с цепи срываются — и начинают такое вытворять, что просто страшно становится. Таких называют беспредельщиками. Как будто всю жизнь свои наклонности прятали, превращаясь в плотно сжатую пружину — а в виртуале, наконец, дали себе волю. Здесь же полиции нет, до сих пор, во всяком случае, не было. В каждой игре этот вопрос решается по-своему. На силу создаётся противосила. Я почему в «Рыцарях Средневековья» в клан «Белый Орден» пошёл? Мы за добро боролись. Отморозков отлавливали и уму-разуму учили. Ставили на место зарвавшихся подонков. Брали под свою защиту слабых. В общем, делали то, чего, в принципе, и ожидают от рыцарей. Только вот, к сожалению, «тёмных» в игре от этого меньше не становилось.

Немного отдохнув и подкрепив силы, я снова одел кибер-остео и погрузился в «Нереалию». Мой персонаж всё также отдыхал в кабинке. Я аккуратно встал, вышел из неё, прикрыл за собой дверцу и отправился в коридор на поиски комнаты. Казарма мне уже однозначно нравилась.

Долго искать не пришлось. Следующая дверь вела в квадратное помещение, в котором стояло три двухъярусных койки. На одной из них сидел, свесив вниз босые ноги, дружинник, и чистил каким-то брусочком свой и без того блестящий шлем.

— Привет! — окрикнул он меня. — Ты новенький? Комнату ищешь?

— Привет, — ответил я. — Новенький. Что, так сильно заметно?

— Я тебя у воеводы видел. Если не ошибаюсь, конечно. Темно в коридоре было.

— А, так это ты из его кабинета, как ошпаренный выскочил? — Вспомнил я.

— Ага! Я! — дружинник спрыгнул с верхней койки, подошёл ко мне и с улыбкой протянул руку. — Витя!

— Алекс, — представился я, пожимая его руку в ответ.

— Оставайся тут, Алекс, — предложил дружинник. — Эта комната свободна была, одни здесь будем. Пока что.

— Потом ещё кто-то придёт?

— Лучше б больше никто не приходил. Но это — смотря, какая на заставе обстановка сложится, — непонятно ответил Витя. Потом посмотрел на меня внимательно и почесал в затылке. — Тебя, наверное, в курс дела надо ввести, ты же тут ничего не знаешь.

— Это было бы здорово, — подтвердил я.

— Ладно, время пока есть, пойдём, тут за углом таверна,

пивка возьмём, посидим. Я всё тебе расскажу.

— У меня денег нет, — признался я. — Нарвался тут на бандюков, возле ратуши. Вообще-то им явно не деньги нужны были.

— Ого! — восхитился Витя. — А ты шустрый! В первый день — и столько впечатлений! Запомнил хоть их?

— Главаря запомнил, здоровенный амбал, с платком на шее.

— С платком, говоришь? — переспросил Витя. — Ты уверен?

— Ну да, тёмный такой, — подтвердил я.

— А росту какого? Покажи! — потребовал он.

Я задумчиво поднял ладонь горизонтально сантиметров на двадцать выше своей головы, припоминая рост верзилы. Витя внимательно смотрел, взгляд его стал жёстким.

— А чего ты спрашиваешь? Приметы знакомые?

— Приметы очень даже знакомые, — признался он. — Тут у нас, вообще-то, нашейные платки не в моде, не в Техасе ведь живём. Но есть один человек, который мог его надеть. Чтобы татуировку спрятать, у него с левой стороны шеи якорь наколот. В банде, понятно, он его не прячет — но если в город идти — я бы тоже на его месте прикрыл.

— И кто же это?

— Шкипер. Слыхал о таком?

— Ничего себе! — удивился я. — Воевода рассказывал немного. Главарь банды?

— Он самый, — Витя вздохнул. — Только вряд ли это он был. Что ему в городе делать, да ещё возле ратуши. Слишком рискованно. Он всё больше по лесам прячется, по норам. Знает, что охотимся за ним.

— Ну, кто бы это ни был, я его при встрече узнаю.

— Да я его и сам узнаю, приходилось с ним драться, — вздохнул Витя. — Силён он, ничего не скажешь. И что, обнулил он тебя? Откуда тогда кольчуга и кинжал?

— Что значит обнулил? — не понял я. — Не знаю. Деньги я на землю выронил, когда дрался. Ну и смылся оттуда, повезло.

Дружинник смотрел на меня во все глаза, лицо его выражало одновременно восхищение и недоверие.

— Хочешь сказать, целым и невредимым от них ушёл?

— Ну да, а что тут такого? Я же сказал, повезло.

— Так, брат, идём в таверну, пока не стемнело, — заторопился Витя. — Познакомлю тебя с ребятами. Расскажешь свою историю ещё разок. Пиво с меня! Не каждый день новичок появляется, который за раз трёх бандюков делает, а, возможно, и самого Шкипера!

Далеко идти не пришлось. Таверна и впрямь была за углом,

словно старалась прилепиться как можно ближе к казарме. Вообще-то, это было разумно: клиентура заведению обеспечена. Вот и сегодня половина столиков была занята стражниками, или дружинниками — я их пока не научился различать. Рядом с ними на полу были сложены вещи и снаряжение: сумки, кольчуги, шлемы, щиты. Кинжалы лежали на столах, а вот мечи с поясов не снимали, берегли. Остальные столики либо пустовали, либо заняты были простыми горожанами, разношёрстно одетыми. Тут явно царило смешение эпох, можно было увидеть что угодно: от льняных штанов до кожаных курток. Последние, правда, были не похожи на современные — просто сработаны из больших кусков кожи, с грубыми швами и, разумеется, без молний. Посетители громко разговаривали, стараясь друг друга перекричать, поэтому у меня после спокойной уличной тишины даже заложило на некоторое время уши. Между посетителями сновали симпатичные крепкие девушки в длинных сарафанах, разнося большие глиняные кружки и подносы с незамысловатой едой. Пахло жарящимся на огне мясом и разлитым пивом.

Пока я осматривался, Витя нашёл глазами друзей, махнул им рукой и повёл меня к столику в углу таверны, где уже сидели трое дюжих молодцев в кольчугах.

— Здорово, братва! — радостно поприветствовал он их, хлопая рукой по протянутым ему ладонями вверх ручищам товарищей.

— Эт кто с тобой? — спросил один из них, брюнет с небольшой бородкой.

— Новенький! Знакомьтесь, будет с нами в дружине!

— Алекс, — представился я.

— Здорово, Алекс! — поприветствовал меня брюнет. — Я — Мамай, это — Добрыня, а вот тот качок в углу — Персиваль.

Я с чувством пожал протянутые руки.

— Есть будешь? — спросил Мамай. — Или по пивку?

— Давай всё ему заказывай, — улыбнулся Витя. — Алекс сегодня герой.

Мамай схватил за руку пробегавшую мимо девушку, показал на меня и на Витю, а потом начертил рукой в воздухе щедрую окружность. Девушка улыбнулась, кивнула и умчалась дальше.

— Герой? — переспросил тем временем Добрыня, кучерявый блондин с правильными чертами лица. — А что он сделал? Наместника послал?

— Он сегодня бандюков возле ратуши встретил, — начал рассказывать Витя склонившим головы поближе друзьям. — Начистил им рыла и ушёл!

— Ого! — с недоверием посмотрел на меня Мамай. — Так

прям и начистил?

— Точно тебе говорю! — радостно подтвердил Витя. — А знаешь, кто у них главарём был?

— Кто? — басом спросил флегматичный Персиваль.

— Шкипер! — выдохнул Витя.

— Гонишь! — не поверил Мамай и повернулся ко мне. — Правда, что ли?

— Не знаю, может и Шкипер, — честно ответил я. — Высокий, широкий, волосы тёмные. На шее платок.

— Мало ли, кто это может быть, — сказал Добрыня. — Может, платки в моду входят.

— Ага, среди местных воров, — беззлобно поддел его Витя.

— Ну а что? — не сдавался Добрыня. — Резон есть. Если засветился — подумают на Шкипера, а с того взятки гладки.

— Лучше скажи, что Шкиперу делать в городе, да ещё возле ратуши? — риторически спросил Мамай.

— Без понятия. Может, с воеводой хотел перетереть! — сказал Добрыня, и друзья дружно захохотали.

Я подождал, пока они отсмеются, и решил задать давно мучавший меня вопрос:

— А кто такой Наместник?

Улыбка сползла с лиц дружинников. Персиваль вдруг поперхнулся и закашлялся. Витя начал усиленно хлопать его по спине. А Добрыня поднял со стола кинжал и с силой воткнул его в столешницу.

— А ты чего спрашиваешь, Алекс? — вкрадчивым голосом спросил Мамай.

— Как чего? — сказал я, удивлённой такой реакцией на вопрос. — Интересно, кто это — в который раз уже это слово за сегодня слышу. И потом, может, Шкипер этот к нему ходил? Там какой-то вельможа к ним явно навстречу шёл, а я встрял не к месту.

— Мамай, он первый день в игре, — пояснил Витя.

— Не думаю, что до такого дошло. Хотя я бы не удивился, — задумчиво сказал Добрыня.

— Наместник — это хозяин ратуши, — нехотя сказал Мамай.

— В смысле, князь? — не понял я.

— В смысле, смотрящий по Смоленску, — пробасил Персиваль.

— Это представитель администрации игры, — сказал Мамай.

— Официально — это посол Синекриона, — поднял вверх палец Добрыня.

— Ага, а Синекрион — это что? Это и есть администрация, — возразил Витя.

— Ну, по официальной версии — нет, — Мамай заглянул в кружку, потряс её и задрал высоко вверх, привлекая внимание официантки.

— Мало ли что по официальной версии! — протянул Витя.

— А что этот посол делает? — спросил я.

Добрыня вздохнул:

— Это долгая история. Расскажешь, Мамай?

— Если мне пива ещё принесут, тогда, может, расскажу.

— Будет тебе пиво! — улыбнулся Добрыня.

В это время как раз подоспела девушка с тяжёлым подносом. Поставив его на край стола, она сгрузила тарелки с головокружительно пахнущими жареными цыплятами и высокие кружки с пивом.

Витя передал мне мою порцию.

— И мне ещё кружечку, красавица, — попросил Мамай.

— Сейчас принесу, — кивнула девушка.

— И мне тогда ещё одну, — решился Персиваль.

— И мне, — добавил Добрыня и пояснил: — Разговор у нас будет долгий.

Вообще-то это абсурд — кушать и пить в виртуале. Сытее от этого не станешь, и пьянее тоже. Только расход средств, хотя и необходимый: о своём персе нужно заботиться, иначе здоровье начнёт уменьшаться, выносливость падать и так далее. Но на самом деле происходило что-то непонятное: человек реально пьянел, и насыщался. Там, в реале, тоже. Пусть лишь немного. Но всё же. Нет, не физически, конечно. Это всё игра нейронов мозга или каких-то там рецепторов, не знаю, не моя это область. Но факт в том, что мозг принимает эту еду и напитки, уменьшая у реального тела чувство голода и жажды. Вызывает из памяти привычную реакцию на то или иное блюдо или напиток. Полезно ли это? Не думаю. Но это никого не останавливает. А особенно это не останавливает тех, кто в реале страдает диабетом или язвой желудка, в общем, тем, кто вынужден сидеть в реале на строгой диете. В виртуале такие люди отводят душу, и для них, а также для всех остальных, к услугам всегда достаточно виртуальных ресторанов, таверн, пиццерий и даже пельменных. Вне зависимости от конкретной игры.

Я осмотрелся в поисках столовых приборов, ничего такого на столе не нашёл и, вздохнув, стал аккуратно руками отвинчивать ножку цыплёнка.

Мамай некоторое время понаблюдал за мной с задумчивым видом, а потом начал рассказывать:

— Короче, все в нашей игре поделено на королевства. Или княжества. Цель игры — создать государство. Это в идеале. Если

ты этого хочешь. Витя, вот, к примеру, к этому не стремится.

— Нас и тут неплохо кормят, — с улыбкой подтвердил Витя.

— Ну вот. Когда ты создаёшь государство, оно получает свою территорию, начальную. Это зависит от сделанного взноса. В реальных деньгах. Или в игровых, разницы нет. Ты знал, что игровые деньги привязаны к настоящим?

Я отрицательно помотал головой.

— Сто наших ЭСЕРов равны одному нереалу, — сказал Добрыня.

— А десять нереалов — это один доллар, — подтвердил Мамай.

— А почему вы всё через нереалы считаете? Это что вообще за деньги?

— Вот! — торжественно сказал Мамай. — Человек зрит в корень. Нереалы — это деньги Синекриона.

— Ну и что?

— А то, что в игре все расчёты и вся торговля между государствами в них ведутся. Все цены привязаны к нему. И даже смоленские рубли мы сами не можем печатать. Нам их выдают, в зависимости от того, сколько наша экономика нереалов заработала. Для этого с первого дня Синекрионом в ратуше создан госбанк Смоленска. Скажем, продали мы амуниции на пару тысяч нереалов — госбанк Смоленска их готов забрать и по курсу рубли напечатает на эту сумму.

— А куда нереалы деваются? В банке лежат? — не понял я.

— Их Синекрион забирает, а взамен выдаёт так называемые долговые расписки своего правительства, по ним небольшой процент потом, якобы, выплачивается.

— То есть мы продали живой товар за границу, выручили валюту, получили от госбанка за неё рубли. Потом потратили их на зарплаты дружине, нереалы ушли в бумаги, и ничего вообще не осталось — ни товара, ни рублей? А если мы больше рублей хотим напечатать?

— Невозможно. Госбанк не разрешит.

— А ты неплохо в этой теме разбираешься, — заметил я, запивая цыплёнка вкусным холодным пивом.

— Ну так! — пробасил Персиваль. — Он же экономику заканчивал.

— Было дело, — согласился Мамай. — Но вообще-то здесь не в чем разбираться, всё на поверхности лежит.

— Ну а при чём тут нереалы? При чём здесь вообще деньги? — по-прежнему не понимал я.

— Как при чём? — удивился Мамай. — При всём! Хочешь королевство создать — неси денежку. И немалую. Хочешь дома

построить — плати. Дружину нанять — опять плати. Игра у нас военно-экономическая, ты на главной странице разве не читал?

Он подвинулся в сторону, давая возможность подбежавшей официантке поставить на стол три кружки пива. Потом она быстро собрала пустые, и снова исчезла.

— Вот. А наместник — сидит на этих деньгах, и является лицом неприкосновенным, — Мамай с наслаждением отпил пива. — Фактически, он теневая власть в княжестве, потому что без него тут ничего не строится, не крутится и не работает. Он тут банк, монетный двор и надсмотрщик в одном лице. А князь Андрей у него вот где сидит!

Мамай с силой сжал кулак и продемонстрировал его мне, а потом Вите.

Я тщательно вытер руки о лежащее на столе несвежее полотенце и спросил:

— Так а почему всё-таки ратуша ему принадлежит? Я думал, ратуша — это княжеская резиденция.

— Князь во дворце живёт, — пояснил Витя. — Хотя ты прав, он, по идее, в ратуше должен быть. Центральный вход с колоннами — для него. Только он сказал, «в казённом доме не останусь», и построил себе дворец.

— Не дворец, так, усадьба, — поправил Добрыня. — Но мы её дворцом называем. Из уважения.

— Ну а как оказалось, что ратуша принадлежит Наместнику? — упорствовал я.

— Ратуша принадлежит администрации игры, — сказал Мамай. — Это первое, что появляется, когда ты создаёшь королевство. Центр всего. Из неё потом всё строится. Но сначала ты встречаешь Наместника, полномочного посла республики Синекрион.

— Толкиена читал? — спросил Добрыня. — Так это типа Мордора.

— Ну, не всё так плохо, — возразил Мамай. — По крайней мере, официально. В Синекрионе — республика, одна из немногих в игре. Они парламент избирают, а руководит всем президент.

— А почему их посол в Смоленске деньгами распоряжается? — спросил я. — Кто ему дал такое право?

Персиваль фыркнул, и пена с его кружки попала мне в глаз.

— Сами себе и дали, никого не спрашивали, — серьёзно сказал Мамай. — У них банки, фонды, им вся Нереалия принадлежит. Это их игра. Собственная.

Голова у меня начала кружиться. То ли от выпитого пива, то ли от обилия информации. Полная картина пока не

складывалась. Ну, в игре есть деньги. От них вертится всё остальное. Хорошо. Потом ещё ратуши — как центр каждого королевства. От них всё начинается, а командуют в них Наместники. Ратуша принадлежит администрации, а управляет ей — посланец Синекриона. Следовательно, Синекрион — это королевство, специально созданное администрацией для того, чтобы игра функционировала. То есть республика, а не королевство. Ну и что? Кто хозяин игры — тот и решает, что в ней, да как.

— Я всё-таки не понимаю, — сказал я. — В чём, собственно, проблема? Ну, даже учитывая всё, что ты сейчас рассказал.

— Нет проблемы, — улыбнулся Добрыня. — Кто сказал, что проблема? Ты просил про Наместника рассказать.

— А проблема в том, — сказал уже изрядно опьяневший Мамай, глядя мне в глаза, — что нам врут. В главном врут. Это не игра для нас. Это мы для них. Сидят они сейчас где-нибудь на тропических островах в индийском океане, загорают на своей яхте, коктейли пьют. А мы вкалываем на них. Эта игра — огромная машина для зарабатывания денег, Алекс. И мы в ней — бесправные виртуальные винтики.

Я помолчал. Для одного дня информации уже явно было больше, чем достаточно.

— И всё же, — сказал я. — Что тебя так волнует? Всё в мире создано для зарабатывания денег, что здесь нового-то?

— Меня лично волнует, — вмешался Добрыня, — что я деньги князю сдавал. Когда мы на княжество скидывались. И думали тогда, что самостоятельными будем, независимыми. Что не придётся больше на кого-то спину гнуть.

— Они ещё до Смоленска вместе играли, — пояснил мне Витя. — С князем Андреем. Он тогда просто рыцарем был, как и они.

— А знаешь, сколько мы ишачили, чтобы денег скопить? — спросил Мамай.

— Нет.

— Два года. Причём мы не только игровые, это понятно, мы как рыцари неплохие деньги получали. Но этого не хватило бы. Мы реальные деньги вложили. Я со стипендии откладывал. Персиваль вон, у родителей выклянчил. Князь Андрей мотоцикл продал. А в результате что? В своём княжестве мы не хозяева.

— Сколько нужно денег, чтобы королевство создать? — спросил я.

— От десяти тысяч нереалов, — ответил мне Витя.

— А почему — «от»?

— Потому что за десять тысяч ты получаешь клочок земли с

гулькин нос, — пояснил Мамай. — Правда, там тоже будет ратуша и все дела.

— Только съедят тебя, оглянуться не успеешь, — подал голос Персиваль.

— Да, соседи раздавят, — подтвердил Мамай. — Если делать — так делать серьёзно. Чем больше денег вложишь — тем больше территории получишь. Тем больше сможешь на ней построить, жителей привлечь.

— И про ресурсы не забудь! — добавил Добрыня.

— Да, и ресурсы, — подтвердил Мамай. — Они случайным образом распределяются. Чем больше территория — тем больше на ней будет ресурсов. А значит, сможешь их продавать, превращать ресурсы в деньги. Для цены также имеет значение, в каком районе землю покупаешь — на севере, где вечная мерзлота, или на юге, где палку в почву воткни — дерево вырастает. А ещё пустыня есть, или степь. Земля будет дешевле, но и ресурсов меньше. Ну, в общем, ты принцип понял. Чтобы не было спекуляций с купленными территориями, часть вложенных денег сразу списывается со счёта. Потом ты их постепенно возвращаешь, добывая и продавая ресурсы. Другая часть ложится в так называемые золотовалютные резервы, то есть в созданный в новом государстве Центральный банк. Это будет залогом под выпуск денежной массы. Ну и наличными на балансе княжества что-то остаётся. В бюджете, короче.

— Зарплаты дружине платить, — улыбнулся Персиваль.

— Ну да. И так далее, и тому подобное. Всё тут связано воедино, — подытожил Мамай. — Хорошо хоть, внесённые деньги не просто так растворяются в карманах создателей игры, а как бы остаются нам на «раскрутку». Хотя на самом деле доллары уходят к ним на банковский счёт и мы их уже не видим, у нас остаются чисто виртуальные вещи. Пиксели на экране.

— Да я уже, кажется, начинаю понимать, — сказал я. — А сколько вы вложили?

Мамай посмотрел на Добрыню, затем на Персиваля.

— Да ладно. Скажи ему, — сказал Добрыня.

— Нас сорок два человека было, основателей, — торжественно сказал Мамай. — Все вместе мы внесли двести тысяч.

Витя выпучил глаза.

— Двести тысяч чего? — не понял я.

— Нереалов, — пояснил Мамай. — В ЭСЭРах это потом двадцать четыре миллиона получилось. Тогда ещё курс другой был, один к ста двадцати.

— А в долларах, выходит, двадцать тысяч? — никак не мог

поверить я.

— Да, двадцать штук. Что-то мы игровыми внесли, два года с зарплат экономили, но остальное — да, «живыми» деньгами. Хотели своим умом жить.

— Вот это сумма! — мечтательно протянул Витя. — И что, всё ради игры?

— Всё ради свободной игры, — гордо сказал Мамай. — Свободной игры в своём государстве.

У меня на языке уже вертелся следующий вопрос, но Добрыня вдруг резко поставил кружку на стол и засобирался.

— Ты чего? — спросил его Персиваль.

— Я малому обещал с алгеброй помочь, а время уже позднее, надо спешить, — ответил Добрыня. — Завтра в дороге договорим. Или на заставе.

— Да, — согласился Мамай. — Ты прав. Времени будет достаточно. А пока пора по домам.

— Мне пока яснее не стало, что тут к чему и почему, — признался я.

— Да не боись, — успокоил Витя. — Ты же тут первый день!

— Потихоньку втянешься, — поддержал его Персиваль. — Мы поможем!

— Девушка, рассчитайте нас! — сказал Мамай пробегавшей мимо официантке.

Та остановилась, оглядела стол, заглянула коротко в маленький блокнотик:

— Девятьсот двадцать.

— Сегодня я плачу! — известил нас Мамай и порылся в кармане, протянул ей бумажку. — Тысяча!

— Спасибо! — сделала «книксен» официантка, спрятала купюру в кошелёк и принялась собирать со стола.

— Ну что, други мои, выходим! На свежий воздух! — поторопил нас Добрыня.

Воздух и впрямь был свежим. Стоял тёплый летний вечер. Солнце уже зашло, на небе сияли крупные звёзды, луны видно не было. Настроение после сытного ужина было самое что ни на есть благодушное. Даже встревоживший меня разговор стал постепенно забываться, тем более, что мы решили его пока отложить.

— А красиво они небо сделали! — восхитился я.

— Да, отличная графика, — согласился Мамай.

— А мне ещё зима здесь нравится, — сказал Персиваль. — Прикалывает на лыжах кататься.

— Я как раз хотел спросить, бывает ли тут что-нибудь, кроме лета, — признался я.

— Ещё как бывает! — мечтательно произнёс Добрыня. — А какая осень здесь красивая! Унылая пора, очей очарованье!..

Персиваль добродушно засмеялся.

— Не обращай внимания, — сказал Мамай. — Добрыня у нас романтик.

Персиваль неожиданно хрюкнул, и засмеялся ещё громче.

— А Персиваль — циник, — добавил Мамай.

В казарму нас пропустили без долгих формальностей. Чувствовалось, что моих новых друзей здесь хорошо знают и уважают. Мы поднялись на второй этаж.

— Вот наша комната, — остановил меня Витя. — Спокойной ночи, мужики! До завтра!

— До завтра! — ответил Мамай. — Витя, объяснишь Алексу, что да как, ага?

— Будет сделано, товарищ десятник! — пообещал Витя.

— Он что, на самом деле десятник? — спросил я уже в комнате.

— А что, не похож? Командует отрядом в составе дружины. Он и воеводой мог бы стать, но не хочет.

— Здорово, что ты меня с ребятами познакомил.

— Да, они классные, — подтвердил Витя. — Алекс, ты укладывайся короче, и выходи из виртуала. Завтра с обозом отправимся на заставу.

— Во сколько?

— Ну, по-разному бывает. Бывает, до обеда. Может, и позже.

— Так во сколько мне заходить опять?

— Заходи в любое время. Мы тебя погрузим, если что.

— Что вы сделаете? — не понял я.

— Твой перс, персонаж то бишь, базовые команды командира будет выполнять, — пояснил Витя, уже лёжа на койке. — Правда, для этого ты ему сначала специальный доступ должен оформить с паролем.

— Что значит базовые команды?

— Ну, к примеру, «встань», «иди», «направо», «налево», «сиди» и так далее. В принципе, перс может пешедралом до самой заставы дойти, вообще без твоего участия. Но мы обычно на телегу грузим.

— А зачем?

— Ну как зачем? Для пользы дружины. Это удобно. А то ведь вдруг боевые действия? Все же не могут двадцать четыре часа в сутки в игре дежурить. Кто-то всегда оказывается в реале. Обычно примерно четверть состава. Они тогда в специальной избе «спать ложатся», как мы сейчас. И если срочно позицию нужно менять — мы их грузим и везём по-быстрому с собой. А то порубят их на

капусту, как говорится. То бишь обнулят. Следовательно — убыль в личном составе. А так — у нас пополнение появится, когда хозяин перса в игру снова зайдёт. А мы ещё и смс-ки разошлём, чтобы хозяева поторопились.

Я задумался над такими правилами. У нас в «Рыцарях Средневековья» это было реализовано иначе. Перс на то время, пока его хозяин был в реале, просто «зависал» в том месте, где был оставлен. Правда, его за это время могли по многу раз «замочить» — он хоть и оставался при доспехах и при оружии — но дрался механически, без изысков. Всё решала простая математика. Это не оптимальный вариант, но с ним приходилось считаться, так как все были в одинаковой ситуации. Главное, что перс всегда был там, где ты его оставил, это железный закон. А здесь, похоже, всё по-другому.

— А что происходит, если твоего перса замочат, пока ты в реале? — осторожно спросил я.

— Если замочат — будешь обнулён. Без разницы, в реале ты был или в виртуале.

— Это как? — спросил я, чувствуя уже, что ответ мне не понравится.

— Это значит, ты к деду Тимофею отправляешься в приёмник, без всего того, что было на тебе в момент обнуления, — пояснил Витя. — Спи давай, то есть выходи. Завтра договорим! Пока!

— Хорошо! — сказал я. — Спокойной ночи тебе, Витя!

Витя не ответил. Он уже был в реале. Я вздохнул и тоже вышел из игры.

На сей раз я добрался до казармы без происшествий. Прохожие показали мне направление, а потом уж спутать серое казённое здание казармы нельзя было ни с чем. Не понимаю, почему все казармы так похожи, во все времена и во всех странах. По крайней мере, в виртуале. Как будто все они созданы по какому-то единому образцу-прототипу, который занесён был на Землю космическим ветром задолго до появления здесь человека. Впрочем, это касается не только казарм — то же самое можно сказать и о других казённых строениях. Взять хоть ту же ратушу с её коридорами. А может, у нас просто не хватает фантазии как-то разнообразить архитектуру подобных заведений? Или, наоборот, мы умышленно эту фантазию сдерживаем, дабы всяк сюда входящему было ясно — здесь свершаются государственные дела и он тут лишь винтик, для которого место будет найдено в соответствии с государевой потребностью, без учёта мнения самого винтика?

Предъявленный мною «пропуск» полностью удовлетворил

пожилого стражника на контрольно-пропускном пункте (ну как ещё назвать проходную комнатку перед входной дверью в здание?), и он лениво сообщил:

— Дружинникам на второй этаж.

— Спасибо, дядя, — вежливо поблагодарил я, смирившись с тем, что в моей речи с лёгкой руки деда Тимофея будут регулярно проскакивать анахронизмы.

Пройдя по длинному коридору до самого конца (слева и справа в приоткрытые двери виднелись комнатки с двухъярусными койками), я нашёл лестницу, поднялся по ней и, недолго думая, зашёл в первую же попавшуюся дверь. Вопреки моим ожиданиям, это была вовсе не жилая комната. К моему удивлению, я оказался в настоящей душевой, она же ванная, она же уборная. Это было уже чем-то запредельным — в «Рыцарях Средневековья» все удобства сводились к кустам, максимум, деревянным кабинкам, нерегулярно расставленным лишь в замках и крепостях. А тут такая роскошь! Я подошёл к стеночке с торчащими над головой лейками, легонько повернул ручку на стене. Сверху на макушку немедленно брызнула струйка воды. Для чистоплотных людей — это наслаждение! Представляю, с каким удовольствием здесь порой стоят под струями воды стражники, то есть, дружинники, после утомительного похода или сражения. Если ты любишь что-то в реале — ты будешь любить это и в виртуале. И даже ещё больше. Я закрутил кран и приоткрыл одну из туалетных кабинок. Внутри стоял вполне удобный стульчик, с высокой спинкой и подлокотниками. Просто шик!

Я с удовольствием уселся на этот стульчик, прикрыв за собой дверь. Затем прислонился к спинке, положил руки на подлокотники и мысленно приказал кибер-остео вернуть меня из виртуальности в обычный мир. Снял с шеи аппаратик, встал с кресла. От души потянулся, зевнул — и направился в ванную.

Когда-то, в самом начале своей игровой «карьеры», я не понимал, зачем вообще в виртуале имитируют удобства. Непосредственной необходимости в них у виртуального персонажа нет. Зато у реального человека есть. А как иначе решить эту маленькую физиологическую проблемку? В игре мы проводим, порой, по многу часов подряд. Наше тело в это время лежит дома, в кресле, или в постели, кому как нравится. Лёгкие дышат, сердце стучит, почки работают. Соответственно, рано или поздно мочевой пузырь наполняется, и нам — настоящим — непременно нужно его освободить. Желательно, цивилизованным способом. А вот чтобы этот способ гарантировать, умные создатели игр и стараются, в меру своей фантазии и бюджета,

организовать для игровых персонажей — под видом туалетных кабинок — своеобразные «комнатки отдыха». Конечно же, никакой сантехники там нет и в помине — просто можно присесть на удобный стульчик и на некоторое время оставить свой персонаж в покое. Вероятность, что его именно в этот момент потревожат, очень мала — даже в вымышленном мире есть свои неписаные законы и традиции. Ведь каждый рано или поздно оказывается в этом же положении. Это как перемирие у зверей во время водопоя. Конечно, полной гарантии безопасности никто дать не мог, но всё же защищённость у тебя в этот момент была. А в это время у себя дома ты мог посетить настоящий туалет, ну и, пользуясь случаем, совершить небольшой набег на холодильник. Голод-то, как известно, не тётка.

Врачи и психологи просто впадают в ступор, когда узнают, как живёт современная молодёжь. На самом деле, мне и самому иногда кажется такой образ жизни несколько странным и не совсем подходящим для хомо сапиенс. Однако менять я ничего не хочу. Пока не хочу. А там — видно будет. Пока виртуал — важная часть моей жизни, иногда даже лучшая его часть. Возможно, это нормальная человеческая эволюция — был хомо сапиенс, стал хомо виртуалиенс. А хорошо это, или плохо — время покажет. Если честно, меня не столько прогресс в технике беспокоит, сколько отсутствие прогресса в остальном. В виртуале многие словно с цепи срываются — и начинают такое вытворять, что просто страшно становится. Таких называют беспредельщиками. Как будто всю жизнь свои наклонности прятали, превращаясь в плотно сжатую пружину — а в виртуале, наконец, дали себе волю. Здесь же полиции нет, до сих пор, во всяком случае, не было. В каждой игре этот вопрос решается по-своему. На силу создаётся противосила. Я почему в «Рыцарях Средневековья» в клан «Белый Орден» пошёл? Мы за добро боролись. Отморозков отлавливали и уму-разуму учили. Ставили на место зарвавшихся подонков. Брали под свою защиту слабых. В общем, делали то, чего, в принципе, и ожидают от рыцарей. Только вот, к сожалению, «тёмных» в игре от этого меньше не становилось.

Немного отдохнув и подкрепив силы, я снова одел кибер-остео и погрузился в «Нереалию». Мой персонаж всё также отдыхал в кабинке. Я аккуратно встал, вышел из неё, прикрыл за собой дверцу и отправился в коридор на поиски комнаты. Казарма мне уже однозначно нравилась.

Долго искать не пришлось. Следующая дверь вела в квадратное помещение, в котором стояло три двухъярусных койки. На одной из них сидел, свесив вниз босые ноги, дружинник, и чистил каким-то брусочком свой и без того

блестящий шлем.

— Привет! — окрикнул он меня. — Ты новенький? Комнату ищешь?

— Привет, — ответил я. — Новенький. Что, так сильно заметно?

— Я тебя у воеводы видел. Если не ошибаюсь, конечно. Темно в коридоре было.

— А, так это ты из его кабинета, как ошпаренный выскочил? — Вспомнил я.

— Ага! Я! — дружинник спрыгнул с верхней койки, подошёл ко мне и с улыбкой протянул руку. — Витя!

— Алекс, — представился я, пожимая его руку в ответ.

— Оставайся тут, Алекс, — предложил дружинник. — Эта комната свободна была, одни здесь будем. Пока что.

— Потом ещё кто-то придёт?

— Лучше б больше никто не приходил. Но это — смотря, какая на заставе обстановка сложится, — непонятно ответил Витя. Потом посмотрел на меня внимательно и почесал в затылке. — Тебя, наверное, в курс дела надо ввести, ты же тут ничего не знаешь.

— Это было бы здорово, — подтвердил я.

— Ладно, время пока есть, пойдём, тут за углом таверна, пивка возьмём, посидим. Я всё тебе расскажу.

— У меня денег нет, — признался я. — Нарвался тут на бандюков, возле ратуши. Вообще-то им явно не деньги нужны были.

— Ого! — восхитился Витя. — А ты шустрый! В первый день — и столько впечатлений! Запомнил хоть их?

— Главаря запомнил, здоровенный амбал, с платком на шее.

— С платком, говоришь? — переспросил Витя. — Ты уверен?

— Ну да, тёмный такой, — подтвердил я.

— А росту какого? Покажи! — потребовал он.

Я задумчиво поднял ладонь горизонтально сантиметров на двадцать выше своей головы, припоминая рост верзилы. Витя внимательно смотрел, взгляд его стал жёстким.

— А чего ты спрашиваешь? Приметы знакомые?

— Приметы очень даже знакомые, — признался он. — Тут у нас, вообще-то, нашейные платки не в моде, не в Техасе ведь живём. Но есть один человек, который мог его надеть. Чтобы татуировку спрятать, у него с левой стороны шеи якорь наколот. В банде, понятно, он его не прячет — но если в город идти — я бы тоже на его месте прикрыл.

— И кто же это?

— Шкипер. Слыхал о таком?

— Ничего себе! — удивился я. — Воевода рассказывал немного. Главарь банды?

— Он самый, — Витя вздохнул. — Только вряд ли это он был. Что ему в городе делать, да ещё возле ратуши. Слишком рискованно. Он всё больше по лесам прячется, по норам. Знает, что охотимся за ним.

— Ну, кто бы это ни был, я его при встрече узнаю.

— Да я его и сам узнаю, приходилось с ним драться, — вздохнул Витя. — Силён он, ничего не скажешь. И что, обнулил он тебя? Откуда тогда кольчуга и кинжал?

— Что значит обнулил? — не понял я. — Не знаю. Деньги я на землю выронил, когда дрался. Ну и смылся оттуда, повезло.

Дружинник смотрел на меня во все глаза, лицо его выражало одновременно восхищение и недоверие.

— Хочешь сказать, целым и невредимым от них ушёл?

— Ну да, а что тут такого? Я же сказал, повезло.

— Так, брат, идём в таверну, пока не стемнело, — заторопился Витя. — Познакомлю тебя с ребятами. Расскажешь свою историю ещё разок. Пиво с меня! Не каждый день новичок появляется, который за раз трёх бандюков делает, а, возможно, и самого Шкипера!

Далеко идти не пришлось. Таверна и впрямь была за углом, словно старалась прилепиться как можно ближе к казарме. Вообще-то, это было разумно: клиентура заведению обеспечена. Вот и сегодня половина столиков была занята стражниками, или дружинниками — я их пока не научился различать. Рядом с ними на полу были сложены вещи и снаряжение: сумки, кольчуги, шлемы, щиты. Кинжалы лежали на столах, а вот мечи с поясов не снимали, берегли. Остальные столики либо пустовали, либо заняты были простыми горожанами, разношёрстно одетыми. Тут явно царило смешение эпох, можно было увидеть что угодно: от льняных штанов до кожаных курток. Последние, правда, были не похожи на современные — просто сработаны из больших кусков кожи, с грубыми швами и, разумеется, без молний. Посетители громко разговаривали, стараясь друг друга перекричать, поэтому у меня после спокойной уличной тишины даже заложило на некоторое время уши. Между посетителями сновали симпатичные крепкие девушки в длинных сарафанах, разнося большие глиняные кружки и подносы с незамысловатой едой. Пахло жарящимся на огне мясом и разлитым пивом.

Пока я осматривался, Витя нашёл глазами друзей, махнул им рукой и повёл меня к столику в углу таверны, где уже сидели трое дюжих молодцев в кольчугах.

— Здорово, братва! — радостно поприветствовал он их,

хлопая рукой по протянутым ему ладонями вверх ручищами товарищей.

— Эт кто с тобой? — спросил один из них, брюнет с небольшой бородкой.

— Новенький! Знакомьтесь, будет с нами в дружине!

— Алекс, — представился я.

— Здорово, Алекс! — поприветствовал меня брюнет. — Я — Мамай, это — Добрыня, а вот тот качок в углу — Персиваль.

Я с чувством пожал протянутые руки.

— Есть будешь? — спросил Мамай. — Или по пивку?

— Давай всё ему заказывай, — улыбнулся Витя. — Алекс сегодня герой.

Мамай схватил за руку пробегавшую мимо девушку, показал на меня и на Витю, а потом начертил рукой в воздухе щедрую окружность. Девушка улыбнулась, кивнула и умчалась дальше.

— Герой? — переспросил тем временем Добрыня, кучерявый блондин с правильными чертами лица. — А что он сделал? Наместника послал?

— Он сегодня бандюков возле ратуши встретил, — начал рассказывать Витя склонившим головы поближе друзьям. — Начистил им рыла и ушёл!

— Ого! — с недоверием посмотрел на меня Мамай. — Так прям и начистил?

— Точно тебе говорю! — радостно подтвердил Витя. — А знаешь, кто у них главарём был?

— Кто? — басом спросил флегматичный Персиваль.

— Шкипер! — выдохнул Витя.

— Гонишь! — не поверил Мамай и повернулся ко мне. — Правда, что ли?

— Не знаю, может и Шкипер, — честно ответил я. — Высокий, широкий, волосы тёмные. На шее платок.

— Мало ли, кто это может быть, — сказал Добрыня. — Может, платки в моду входят.

— Ага, среди местных воров, — беззлобно поддел его Витя.

— Ну а что? — не сдавался Добрыня. — Резон есть. Если засветился — подумают на Шкипера, а с того взятки гладки.

— Лучше скажи, что Шкиперу делать в городе, да ещё возле ратуши? — риторически спросил Мамай.

— Без понятия. Может, с воеводой хотел перетереть! — сказал Добрыня, и друзья дружно захохотали.

Я подождал, пока они отсмеются, и решил задать давно мучавший меня вопрос:

— А кто такой Наместник?

Улыбка сползла с лиц дружинников. Персиваль вдруг

поперхнулся и закашлялся. Витя начал усиленно хлопать его по спине. А Добрыня поднял со стола кинжал и с силой воткнул его в столешницу.

— А ты чего спрашиваешь, Алекс? — вкрадчивым голосом спросил Мамай.

— Как чего? — сказал я, удивлённой такой реакцией на вопрос. — Интересно, кто это — в который раз уже это слово за сегодня слышу. И потом, может, Шкипер этот к нему ходил? Там какой-то вельможа к ним явно навстречу шёл, а я встрял не к месту.

— Мамай, он первый день в игре, — пояснил Витя.

— Не думаю, что до такого дошло. Хотя я бы не удивился, — задумчиво сказал Добрыня.

— Наместник — это хозяин ратуши, — нехотя сказал Мамай.

— В смысле, князь? — не понял я.

— В смысле, смотрящий по Смоленску, — пробасил Персиваль.

— Это представитель администрации игры, — сказал Мамай.

— Официально — это посол Синекриона, — поднял вверх палец Добрыня.

— Ага, а Синекрион — это что? Это и есть администрация, — возразил Витя.

— Ну, по официальной версии — нет, — Мамай заглянул в кружку, потряс её и задрал высоко вверх, привлекая внимание официантки.

— Мало ли что по официальной версии! — протянул Витя.

— А что этот посол делает? — спросил я.

Добрыня вздохнул:

— Это долгая история. Расскажешь, Мамай?

— Если мне пива ещё принесут, тогда, может, расскажу.

— Будет тебе пиво! — улыбнулся Добрыня.

В это время как раз подоспела девушка с тяжёлым подносом. Поставив его на край стола, она сгрузила тарелки с головокружительно пахнущими жареными цыплятами и высокие кружки с пивом.

Витя передал мне мою порцию.

— И мне ещё кружечку, красавица, — попросил Мамай.

— Сейчас принесу, — кивнула девушка.

— И мне тогда ещё одну, — решился Персиваль.

— И мне, — добавил Добрыня и пояснил: — Разговор у нас будет долгий.

Вообще-то это абсурд — кушать и пить в виртуале. Сытее от этого не станешь, и пьянее тоже. Только расход средств, хотя и необходимый: о своём персе нужно заботиться, иначе здоровье

начнёт уменьшаться, выносливость падать и так далее. Но на самом деле происходило что-то непонятное: человек реально пьянел, и насыщался. Там, в реале, тоже. Пусть лишь немного. Но всё же. Нет, не физически, конечно. Это всё игра нейронов мозга или каких-то там рецепторов, не знаю, не моя это область. Но факт в том, что мозг принимает эту еду и напитки, уменьшая у реального тела чувство голода и жажды. Вызывает из памяти привычную реакцию на то или иное блюдо или напиток. Полезно ли это? Не думаю. Но это никого не останавливает. А особенно это не останавливает тех, кто в реале страдает диабетом или язвой желудка, в общем, тем, кто вынужден сидеть в реале на строгой диете. В виртуале такие люди отводят душу, и для них, а также для всех остальных, к услугам всегда достаточно виртуальных ресторанов, таверн, пиццерий и даже пельменных. Вне зависимости от конкретной игры.

Я осмотрелся в поисках столовых приборов, ничего такого на столе не нашёл и, вздохнув, стал аккуратно руками отвинчивать ножку цыплёнка.

Мамай некоторое время понаблюдал за мной с задумчивым видом, а потом начал рассказывать:

— Короче, все в нашей игре поделено на королевства. Или княжества. Цель игры — создать государство. Это в идеале. Если ты этого хочешь. Витя, вот, к примеру, к этому не стремится.

— Нас и тут неплохо кормят, — с улыбкой подтвердил Витя.

— Ну вот. Когда ты создаёшь государство, оно получает свою территорию, начальную. Это зависит от сделанного взноса. В реальных деньгах. Или в игровых, разницы нет. Ты знал, что игровые деньги привязаны к настоящим?

Я отрицательно помотал головой.

— Сто наших ЭСЕРов равны одному нереалу, — сказал Добрыня.

— А десять нереалов — это один доллар, — подтвердил Мамай.

— А почему вы всё через нереалы считаете? Это что вообще за деньги?

— Вот! — торжественно сказал Мамай. — Человек зрит в корень. Нереалы — это деньги Синекриона.

— Ну и что?

— А то, что в игре все расчёты и вся торговля между государствами в них ведутся. Все цены привязаны к нему. И даже смоленские рубли мы сами не можем печатать. Нам их выдают, в зависимости от того, сколько наша экономика нереалов заработала. Для этого с первого дня Синекрионом в ратуше создан госбанк Смоленска. Скажем, продали мы амуниции на

пару тысяч нереалов — госбанк Смоленска их готов забрать и по курсу рубли напечатает на эту сумму.

— А куда нереалы деваются? В банке лежат? — не понял я.

— Их Синекрион забирает, а взамен выдаёт так называемые долговые расписки своего правительства, по ним небольшой процент потом, якобы, выплачивается.

— То есть мы продали живой товар за границу, выручили валюту, получили от госбанка за неё рубли. Потом потратили их на зарплаты дружине, нереалы ушли в бумаги, и ничего вообще не осталось — ни товара, ни рублей? А если мы больше рублей хотим напечатать?

— Невозможно. Госбанк не разрешит.

— А ты неплохо в этой теме разбираешься, — заметил я, запивая цыплёнка вкусным холодным пивом.

— Ну так! — пробасил Персиваль. — Он же экономику заканчивал.

— Было дело, — согласился Мамай. — Но вообще-то здесь не в чем разбираться, всё на поверхности лежит.

— Ну а при чём тут нереалы? При чём здесь вообще деньги? — по-прежнему не понимал я.

— Как при чём? — удивился Мамай. — При всём! Хочешь королевство создать — неси денежку. И немалую. Хочешь дома построить — плати. Дружину нанять — опять плати. Игра у нас военно-экономическая, ты на главной странице разве не читал?

Он подвинулся в сторону, давая возможность подбежавшей официантке поставить на стол три кружки пива. Потом она быстро собрала пустые, и снова исчезла.

— Вот. А наместник — сидит на этих деньгах, и является лицом неприкосновенным, — Мамай с наслаждением отпил пива. — Фактически, он теневая власть в княжестве, потому что без него тут ничего не строится, не крутится и не работает. Он тут банк, монетный двор и надсмотрщик в одном лице. А князь Андрей у него вот где сидит!

Мамай с силой сжал кулак и продемонстрировал его мне, а потом Вите.

Я тщательно вытер руки о лежащее на столе несвежее полотенце и спросил:

— Так а почему всё-таки ратуша ему принадлежит? Я думал, ратуша — это княжеская резиденция.

— Князь во дворце живёт, — пояснил Витя. — Хотя ты прав, он, по идее, в ратуше должен быть. Центральный вход с колоннами — для него. Только он сказал, «в казённом доме не останусь», и построил себе дворец.

— Не дворец, так, усадьба, — поправил Добрыня. — Но мы её

дворцом называем. Из уважения.

— Ну а как оказалось, что ратуша принадлежит Наместнику? — упорствовал я.

— Ратуша принадлежит администрации игры, — сказал Мамай. — Это первое, что появляется, когда ты создаёшь королевство. Центр всего. Из неё потом всё строится. Но сначала ты встречаешь Наместника, полномочного посла республики Синекрион.

— Толкиена читал? — спросил Добрыня. — Так это типа Мордора.

— Ну, не всё так плохо, — возразил Мамай. — По крайней мере, официально. В Синекрионе — республика, одна из немногих в игре. Они парламент избирают, а руководит всем президент.

— А почему их посол в Смоленске деньгами распоряжается? — спросил я. — Кто ему дал такое право?

Персиваль фыркнул, и пена с его кружки попала мне в глаз.

— Сами себе и дали, никого не спрашивали, — серьёзно сказал Мамай. — У них банки, фонды, им вся Нереалия принадлежит. Это их игра. Собственная.

Голова у меня начала кружиться. То ли от выпитого пива, то ли от обилия информации. Полная картина пока не складывалась. Ну, в игре есть деньги. От них вертится всё остальное. Хорошо. Потом ещё ратуши — как центр каждого королевства. От них всё начинается, а командуют в них Наместники. Ратуша принадлежит администрации, а управляет ей — посланец Синекриона. Следовательно, Синекрион — это королевство, специально созданное администрацией для того, чтобы игра функционировала. То есть республика, а не королевство. Ну и что? Кто хозяин игры — тот и решает, что в ней, да как.

— Я всё-таки не понимаю, — сказал я. — В чём, собственно, проблема? Ну, даже учитывая всё, что ты сейчас рассказал.

— Нет проблемы, — улыбнулся Добрыня. — Кто сказал, что проблема? Ты просил про Наместника рассказать.

— А проблема в том, — сказал уже изрядно опьяневший Мамай, глядя мне в глаза, — что нам врут. В главном врут. Это не игра для нас. Это мы для них. Сидят они сейчас где-нибудь на тропических островах в индийском океане, загорают на своей яхте, коктейли пьют. А мы вкалываем на них. Эта игра — огромная машина для зарабатывания денег, Алекс. И мы в ней — бесправные виртуальные винтики.

Я помолчал. Для одного дня информации уже явно было больше, чем достаточно.

— И всё же, — сказал я. — Что тебя так волнует? Всё в мире создано для зарабатывания денег, что здесь нового-то?

— Меня лично волнует, — вмешался Добрыня, — что я деньги князю сдавал. Когда мы на княжество скидывались. И думали тогда, что самостоятельными будем, независимыми. Что не придётся больше на кого-то спину гнуть.

— Они ещё до Смоленска вместе играли, — пояснил мне Витя. — С князем Андреем. Он тогда просто рыцарем был, как и они.

— А знаешь, сколько мы ишачили, чтобы денег скопить? — спросил Мамай.

— Нет.

— Два года. Причём мы не только игровые, это понятно, мы как рыцари неплохие деньги получали. Но этого не хватило бы. Мы реальные деньги вложили. Я со стипендии откладывал. Персиваль вон, у родителей выклянчил. Князь Андрей мотоцикл продал. А в результате что? В своём княжестве мы не хозяева.

— Сколько нужно денег, чтобы королевство создать? — спросил я.

— От десяти тысяч нереалов, — ответил мне Витя.

— А почему — «от»?

— Потому что за десять тысяч ты получаешь клочок земли с гулькин нос, — пояснил Мамай. — Правда, там тоже будет ратуша и все дела.

— Только съедят тебя, оглянуться не успеешь, — подал голос Персиваль.

— Да, соседи раздавят, — подтвердил Мамай. — Если делать — так делать серьёзно. Чем больше денег вложишь — тем больше территории получишь. Тем больше сможешь на ней построить, жителей привлечь.

— И про ресурсы не забудь! — добавил Добрыня.

— Да, и ресурсы, — подтвердил Мамай. — Они случайным образом распределяются. Чем больше территория — тем больше на ней будет ресурсов. А значит, сможешь их продавать, превращать ресурсы в деньги. Для цены также имеет значение, в каком районе землю покупаешь — на севере, где вечная мерзлота, или на юге, где палку в почву воткни — дерево вырастает. А ещё пустыня есть, или степь. Земля будет дешевле, но и ресурсов меньше. Ну, в общем, ты принцип понял. Чтобы не было спекуляций с купленными территориями, часть вложенных денег сразу списывается со счёта. Потом ты их постепенно возвращаешь, добывая и продавая ресурсы. Другая часть ложится в так называемые золотовалютные резервы, то есть в созданный в новом государстве Центральный банк. Это будет залогом под

выпуск денежной массы. Ну и наличными на балансе княжества что-то остаётся. В бюджете, короче.

— Зарплаты дружине платить, — улыбнулся Персиваль.

— Ну да. И так далее, и тому подобное. Всё тут связано воедино, — подытожил Мамай. — Хорошо хоть, внесённые деньги не просто так растворяются в карманах создателей игры, а как бы остаются нам на «раскрутку». Хотя на самом деле доллары уходят к ним на банковский счёт и мы их уже не видим, у нас остаются чисто виртуальные вещи. Пиксели на экране.

— Да я уже, кажется, начинаю понимать, — сказал я. — А сколько вы вложили?

Мамай посмотрел на Добрыню, затем на Персиваля.

— Да ладно. Скажи ему, — сказал Добрыня.

— Нас сорок два человека было, основателей, — торжественно сказал Мамай. — Все вместе мы внесли двести тысяч.

Витя выпучил глаза.

— Двести тысяч чего? — не понял я.

— Нереалов, — пояснил Мамай. — В ЭСЭРах это потом двадцать четыре миллиона получилось. Тогда ещё курс другой был, один к ста двадцати.

— А в долларах, выходит, двадцать тысяч? — никак не мог поверить я.

— Да, двадцать штук. Что-то мы игровыми внесли, два года с зарплат экономили, но остальное — да, «живыми» деньгами. Хотели своим умом жить.

— Вот это сумма! — мечтательно протянул Витя. — И что, всё ради игры?

— Всё ради свободной игры, — гордо сказал Мамай. — Свободной игры в своём государстве.

У меня на языке уже вертелся следующий вопрос, но Добрыня вдруг резко поставил кружку на стол и засобирался.

— Ты чего? — спросил его Персиваль.

— Я малому обещал с алгеброй помочь, а время уже позднее, надо спешить, — ответил Добрыня. — Завтра в дороге договорим. Или на заставе.

— Да, — согласился Мамай. — Ты прав. Времени будет достаточно. А пока пора по домам.

— Мне пока яснее не стало, что тут к чему и почему, — признался я.

— Да не боись, — успокоил Витя. — Ты же тут первый день!

— Потихоньку втянешься, — поддержал его Персиваль. — Мы поможем!

— Девушка, рассчитайте нас! — сказал Мамай пробегавшей

мимо официантке.

Та остановилась, оглядела стол, заглянула коротко в маленький блокнотик:

— Девятьсот двадцать.

— Сегодня я плачу! — известил нас Мамай и порылся в кармане, протянул ей бумажку. — Тысяча!

— Спасибо! — сделала «книксен» официантка, спрятала купюру в кошелёк и принялась собирать со стола.

— Ну что, други мои, выходим! На свежий воздух! — поторопил нас Добрыня.

Воздух и впрямь был свежим. Стоял тёплый летний вечер. Солнце уже зашло, на небе сияли крупные звёзды, луны видно не было. Настроение после сытного ужина было самое что ни на есть благодушное. Даже встревоживший меня разговор стал постепенно забываться, тем более, что мы решили его пока отложить.

— А красиво они небо сделали! — восхитился я.

— Да, отличная графика, — согласился Мамай.

— А мне ещё зима здесь нравится, — сказал Персиваль. — Прикалывает на лыжах кататься.

— Я как раз хотел спросить, бывает ли тут что-нибудь, кроме лета, — признался я.

— Ещё как бывает! — мечтательно произнёс Добрыня. — А какая осень здесь красивая! Унылая пора, очей очарованье!..

Персиваль добродушно засмеялся.

— Не обращай внимания, — сказал Мамай. — Добрыня у нас романтик.

Персиваль неожиданно хрюкнул, и засмеялся ещё громче.

— А Персиваль — циник, — добавил Мамай.

В казарму нас пропустили без долгих формальностей. Чувствовалось, что моих новых друзей здесь хорошо знают и уважают. Мы поднялись на второй этаж.

— Вот наша комната, — остановил меня Витя. — Спокойной ночи, мужики! До завтра!

— До завтра! — ответил Мамай. — Витя, объяснишь Алексу, что да как, ага?

— Будет сделано, товарищ десятник! — пообещал Витя.

— Он что, на самом деле десятник? — спросил я уже в комнате.

— А что, не похож? Командует отрядом в составе дружины. Он и воеводой мог бы стать, но не хочет.

— Здорово, что ты меня с ребятами познакомил.

— Да, они классные, — подтвердил Витя. — Алекс, ты укладывайся короче, и выходи из виртуала. Завтра с обозом

отправимся на заставу.

— Во сколько?

— Ну, по-разному бывает. Бывает, до обеда. Может, и позже.

— Так во сколько мне заходить опять?

— Заходи в любое время. Мы тебя погрузим, если что.

— Что вы сделаете? — не понял я.

— Твой перс, персонаж то бишь, базовые команды командира будет выполнять, — пояснил Витя, уже лёжа на койке. — Правда, для этого ты ему сначала специальный доступ должен оформить с паролем.

— Что значит базовые команды?

— Ну, к примеру, «встань», «иди», «направо», «налево», «сиди» и так далее. В принципе, перс может пешедралом до самой заставы дойти, вообще без твоего участия. Но мы обычно на телегу грузим.

— А зачем?

— Ну как зачем? Для пользы дружины. Это удобно. А то ведь вдруг боевые действия? Все же не могут двадцать четыре часа в сутки в игре дежурить. Кто-то всегда оказывается в реале. Обычно примерно четверть состава. Они тогда в специальной избе «спать ложатся», как мы сейчас. И если срочно позицию нужно менять — мы их грузим и везём по-быстрому с собой. А то порубят их на капусту, как говорится. То бишь обнулят. Следовательно — убыль в личном составе. А так — у нас пополнение появится, когда хозяин перса в игру снова зайдёт. А мы ещё и смс-ки разошлём, чтобы хозяева поторопились.

Я задумался над такими правилами. У нас в «Рыцарях Средневековья» это было реализовано иначе. Перс на то время, пока его хозяин был в реале, просто «зависал» в том месте, где был оставлен. Правда, его за это время могли по многу раз «замочить» — он хоть и оставался при доспехах и при оружии — но дрался механически, без изысков. Всё решала простая математика. Это не оптимальный вариант, но с ним приходилось считаться, так как все были в одинаковой ситуации. Главное, что перс всегда был там, где ты его оставил, это железный закон. А здесь, похоже, всё по-другому.

— А что происходит, если твоего перса замочат, пока ты в реале? — осторожно спросил я.

— Если замочат — будешь обнулён. Без разницы, в реале ты был или в виртуале.

— Это как? — спросил я, чувствуя уже, что ответ мне не понравится.

— Это значит, ты к деду Тимофею отправляешься в приёмник, без всего того, что было на тебе в момент обнуления,

— пояснил Витя. — Спи давай, то есть выходи. Завтра договорим! Пока!

— Хорошо! — сказал я. — Спокойной ночи тебе, Витя!

Витя не ответил. Он уже был в реале.

Я вздохнул и тоже вышел из игры.

Глава четвёртая. Пограничная застава

Назавтра я проснулся лишь в одиннадцатом часу. Вот что значит лечь спать без будильника. За окном вовсю щебетали птицы, слышался далёкий гул машин и скрип качелей во дворе. Реальная жизнь шла своим чередом, виртуальная же поджидала меня в компьютере. Я взглянул на экран — работала заставка: красавица-бригантина под всеми парусами рассекает солёные морские волны. А может, океанские. Надо будет узнать, есть ли в Нереалии море. Что-то мне подсказывало, что в этой игре есть всё, что угодно. Так, надо хорошенько позавтракать. Кто его знает, когда доведётся обедать. Сегодня я впервые прибуду на заставу, нужно многое узнать, во многом разобраться. Так что лучше рассчитывать на долгое пребывание в виртуале.

Пока в сковороде весело скворчали четыре аккуратно разбитых яйца с мелко нарезанной колбаской и разбросанными для вкуса крупными хлебными крошками, я открыл главную страницу игры и зашёл в раздел «Часто задаваемые вопросы». Витя, конечно, мне вчера рассказал, но хотелось бы узнать поподробнее. Итак, «обнуление». «Обнуление означает достижение персонажем определённого уровня условных физических повреждений с последующим принудительным перемещением для регенерации в исходную точку в игре. Таковой является точка входа в королевство, находящаяся, в большинстве случаев, в ратуше». О как! В большинстве! Значит, бывают и исключения? «Перенос точки входа персонажа находится в компетенции наместника данного королевства». Отлично! Значит, он может захотеть, чтобы я в его кабинете появлялся? Или на необитаемом острове? Мне становились понятны те чувства, что игроки испытывают к наместникам. Читаем дальше. «Снаряжение, находящееся на персонаже в момент обнуления, остаётся в точке перемещения и может перейти в собственность любого другого персонажа». Понятно, значит, если я сниму кольчугу и оставлю её в казарме, то при моём обнулении её при мне не будет и она останется на месте спокойно меня дожидаться. Это хорошо. С другой стороны, куда же я без кольчуги? Наверное, это больше относится к каким-нибудь ценным вещам, артефактам или вроде того, которые приобретаются в процессе игры. Можно их где-нибудь хранить, чтобы не потерять по глупости. Так, а что насчёт денег? Ага, вот: «любые деньги, встреченные вами в игре, являются производными от нереалов, а те, в свою очередь, привязаны к текущему курсу доллара США». Так, ну это я уже от

рыцарей слышал. Пропустим немного… Вот, тут интересно: «ценные бумаги Нереалии (облигации и т. д.) могут быть использованы в качестве платёжного средства, а также в качестве инвестиции с целью получения процентов по вкладам. Ценные бумаги приобретаются по курсу в соответствующем разделе сайта, или же обмениваются на игровые нереалы. Главное преимущество ценных бумаг заключается в том, что они всегда остаются при вас и не достанутся противнику даже после обнуления. Любые другие денежные средства — будь то нереалы или местная валюта того или иного государства — остаются в точке обнуления и являются законной добычей победившего игрока. Администрация рекомендует своевременно покупать ценные бумаги, чтобы хранить в них свои игровые сбережения, обналичивая лишь небольшую сумму на текущие расходы. Так вы уменьшите риск потерять все свои деньги». Что ж, про разбойников в игре я уже наслышан. Такова жизнь, кто-то обязательно будет зарабатывать себе на хлеб именно охотой и грабежом. Хотя на то и городская стража, чтобы такое пресекать. А вот ценных бумаг в других играх встречать не приходилось, это, похоже, изобретение Нереалии. И ведь не подкопаешься: всё для игрока, хочешь деньги сохранить — покупай облигации. Надо бы ещё курс покупки узнать. Наверняка тут свои хитрости имеются. Ладно, пока не к спеху.

С аппетитом уничтожив яичницу и чашку крепкого кофе, я сел в кресло перед компьютером, открыл страницу входа в игру и приладил к шее «кибер-остео». Нереалия ждала меня.

Сквозь веки пробивался яркий свет. Я невольно заслонил глаза рукой, одновременно пытаясь сообразить, где нахожусь. Мерное покачивание, ленивый скрип колёс и запах сена однозначно указывали на повозку или телегу. Я приподнялся на локтях и осмотрелся. Просёлочная дорога извивалась между полями с одной стороны и сосновым лесом — с другой. На поле колосилась пшеница или рожь, я не сильно разбираюсь. Но цвета она была золотого и красоты удивительной. Над всем этим красовалось ясное голубое небо с редкими пушистыми облачками — ну просто идиллия. Солнце, правда, припекало нещадно, и в реальной жизни можно было бы очень скоро на нём обгореть. Вместе со мной на телеге «путешествовали» ещё несколько дружинников в виде этаких аккуратных спящих брёвен. Их хозяева, должно быть, ещё завтракали, а может, были на работе, или на лекциях. Метрах в пятидесяти перед повозкой, громко переговариваясь, красовались на конях несколько рыцарей. Сзади за телегой топали с десяток дружинников в кольчугах. В ближайшем из них я узнал Витю.

— Проснулся, Алекс? — весело подмигнул мне он. — Мы уж думали, не вернёшься ты.

— Это почему не вернусь? — удивился я.

— Ну, пригрузили мы тебя вчера в таверне маленько. Могли отбить желание.

— Наоборот, я после этого сомневаться перестал! — сказал я и сел на край телеги, свесив вниз ноги. — У вас тут почище, чем в детективе сюжет закручен.

— Да уж, не жалуемся! — подтвердил Витя. — Знакомься, это Петя, а это Бруно! — представил он своих соседей.

— Здорово, мужики! — поприветствовал их я. — А чего вы пешком? На телеге же место есть.

— Так ноги-то не устают, не своими же топаешь, — а на телеге скучно, — объяснил Бруно, хиповатого вида парень с тёмно-русыми волосами до плеч.

— А половина вообще на автомате идёт, а сами кофе пьют или новости читают, — добавил Петя, щуплый невысокий брюнет с высокими залысинами.

— Можно вопрос? — не удержался я.

— Валяй, — разрешил Бруно.

— Как вы себе внешность обрабатывали? Я при регистрации только на стандартные вопросы ответил, ну, рост, вес, цвет волос и глаз, — там такого разнообразия вроде не было.

— Будешь в реале — зайди в свой профиль, там графический редактор есть. Можно что хочешь нарисовать, а движок смоделирует лицо, подправит, если сочтёт нужным, — объяснил Бруно.

— В принципе, можно какую хочешь внешность загрузить — можешь актёра какого-нибудь, или политика, — добавил Витя. — Ты, кстати, не удивляйся, если встретишь здесь.

— Только это считается пошлостью, — вставил Петя. — Малолетки всякие таким балуются, с ними серьёзные люди даже заговаривать не станут. А вот свою внешность взять — это смелость нужна.

— Хочешь сказать, это твоя настоящая внешность? — не поверил я.

— Ну, в некотором роде… В общем, я таким был лет десять назад.

— А теперь он совсем лысый! — хохотнул Бруно.

— Не смешно, между прочим, — насупился Петя.

— Да ладно, — примирительно сказал Бруно. — Ты думаешь, я почему себе волосы до плеч нарисовал…

— Чтобы душу отвести, а на самом деле ты тоже, того? — с надеждой в голосе спросил Петя.

— Потому что тоже свою настоящую внешность хотел сделать! Только я в реале их в хвост завязываю! — закончил Бруно и радостно засмеялся.

— Да ну вас, — совсем разобиделся Петя.

— Ладно, мужики, ну что вы в самом деле, — примирительно сказал Витя. — Что о нас Алекс подумает.

Я улыбался. Мне было хорошо, и даже эта короткая перебранка меня не смутила, наоборот, показала, что живые люди передо мной, с которыми мне, кстати, предстоит теперь бок о бок служить.

— А что это за рыцари с нами, — перевёл тему я. — Мне тоже хотелось бы на коне.

— Послужишь с ихнее — получишь коня! — пообещал Бруно.

— Так это ж Мамай со товарищами! — удивился Витя. — Ты что, не узнал?

Я обернулся и присмотрелся повнимательнее. Точно! И как я сразу не догадался! Ну ладно, Добрыню издали не узнать, или даже Мамая, но богатырскую спину Персиваля точно нельзя было ни с чем спутать.

— Персиваль! — крикнул я. — Не тяжеловат ты для лошади?

Рыцари обернулись, а затем придержали коней, дав возможность телеге с возницей, понукавшем грустную бурую лошадку, постепенно нагнать их.

— Смотри-ка, кто проснулся! — ехидно прокомментировал Добрыня. — Как спалось, господин дружинник?

Вблизи рыцари выглядели очень торжественно и внушительно: начищенные до блеска доспехи сияли на солнце, мечи в ножнах свисали почти до пяток. Шлемы и щиты приторочены к сёдлам. Кони тоже заслуживали отдельного внимания: как на подбор рослые, сильные, стройные, с шелковистыми гривами и умными глазами, они ехидно смотрели на меня, как бы спрашивая: «ну что, пешеход, завидуешь нам, ветроногим?» Вообще, рыцари неплохо бы смотрелись на картине Васнецова «три богатыря», тем более, что кони у них были разных мастей: у Мамая — белой в яблоках, у Добрыни — гнедой, а у Персиваля — вороной.

— Спалось хорошо, не жалуюсь! — улыбнулся я. — А как вам, не жарко под таким солнцем в доспехах?

— Ещё как жарко, — признался Персиваль. — Сняли бы, да нельзя: порядок такой.

— А что, ожидаются боевые действия? — улыбнулся я.

— Между прочим, вполне себе ожидаются, — серьёзно сказал Мамай. — Видишь, ребята за телегой топают?

— Ну?

— Ты думаешь, это кто?

— Как кто? — не понял я. — Пополнение. Разве нет?

— Это ты у нас пополнение, — сказал Добрыня. — А ребят этих обнулили, за последние несколько дней. И заметь, не в пьяных драках в таверне, а в реальном бою. Вот теперь возвращаются на заставу.

— Вот это да! — удивился я. — Всё так серьёзно?

— А ты думал, на курорт едешь? — хохотнул Персиваль. — Так тогда милости просим! Процедуры три раза в день обеспечены! Правда, Витя?

— А то! — подтвердил он.

— А вас тоже обнулили? — спросил я.

— Кого — нас? — не понял Персиваль.

— Тебя, Добрыню, Мамая.

— Мы на княжьем совете были, — пояснил Добрыня. — А Витю вот — да, обнулили. Потому что пацан ещё. Правильно воевода на него набросился — ну не должны звеньевые позволять себя обнулять. Согласен, Витя?

— Согласен, — нехотя подтвердил Витя.

— А откуда тогда у ребят мечи и кольчуги, если их обнулили? — спросил я, по-новому взглянув на шагающих за телегой дружинников.

— Ты с телеги-то слезешь? — спросил Витя. — Неудобно так разговаривать, да и тебе спиной вперёд ехать не с руки.

— Мне-то как раз нормально, — возразил я, но спрыгнул вниз и зашагал рядом с Витей.

— Короче, тебе надо узнать, как у нас служба тыла работает, — начал он.

— Пусть лучше Добрыня расскажет, — перебил его Персиваль. — Он про снабжение всё от и до знает.

— Расскажи, Добрыня, просвети молодёжь, — умиротворённо поддержал его Мамай, порядком разомлевший на жарком солнце. — Заодно расскажи, как всё самое лучшее получать. А то тут некоторых зависть берёт. Правда, Витя?

— Зависть — недостойное чувство для друга, — поучительно сказал Добрыня. — Ладно, слушай, Алекс, для тебя рассказываю.

Он подтянул меч, принял мечтательную позу и продолжил:

— Значится, обнулили тебя, голубчика, и материализовался ты снова в одних портках у деда Тимофея в приёмнике. Друзья твои, заметь, в это время отбивают вихри яростных атак. И подмога им — ох, как нужна. Причём подмога вооружённая. А ты в портках. Как быть?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Вообще-то могли бы оружие и выдавать, почему дружинники свои деньги на

это тратить должны?

— Вот! — обрадовался Добрыня. — Это решение лежит на поверхности. Снабжение обмундированием. Но ты представляешь, какие расходы для дружины и для князя, если какому-то там молокососу по три раза в неделю новое снаряжение выдавать? Это же денег стоит.

— Боюсь даже представить, — согласился я.

— Правильно, — подтвердил Добрыня. — Поэтому и существуют правила. Дорогие доспехи выдаются воинам, достигшим высокого уровня и доказавшим свою эффективность и надёжность. Персиваль, ты когда в последний раз доспехи новые получал?

— Я и забыл уже, — гордо ответил Персиваль.

— А ты, Мамай?

— Когда княжество основали, — признался Мамай.

— Ну вот, — подытожил Добрыня, — значит, можно доспехи и не терять.

— А ты почему не скажешь, когда в последний раз менял? — ехидно спросил Персиваль.

— Это к делу не относится, — уклонился от ответа Добрыня.

— Ещё как относится! — не согласился Персиваль. — Это же надо додуматься серенады у своей Дульсинеи под окном в доспехах петь! Стоя на коне. Тоже мне, гуттаперчевый мальчик нашёлся.

— Персиваль, умел бы ты тайны хранить, цены бы тебе не было, — с досадой сказал Добрыня.

— Так это никакая не тайна, — вступился за Персиваля Витя. — Вся дружина знает. Конь на дыбы, а ты головой вниз. Так и обнулился.

— В общем, Алекс, ты понял, — грустно закончил Добрыня.

— Спасибо, теперь стало яснее, — скрывая улыбку, подтвердил я. — А что там было насчёт того, как самое лучшее получать? Что за секрет?

Дружинники заухмылялись, Мамай подмигнул Персивалю.

— Да не секрет. Снаряжение тебе дед Тимофей выдаёт, — вздохнув, пояснил Добрыня. — Ну и если ты ему ручку позолотишь, он тебе по первому сорту всё обеспечит. У него всегда заначка есть из самого дефицитного. Скряга он, что поделаешь.

— А я думал, он тебе по-родственному помогает, — притворно удивился Персиваль. — Дульсинея же его дочь, в реале, это все знают. Может, ты уже и жениться обещал?

Добрыня лишь сокрушённо покачал головой.

— Много ты знаешь, Персиваль! Со свечкой, что ли, стоял? Я

убеждённый холостяк, — с обидой возразил он, вызвав новый взрыв хохота у ребят.

Тем временем поля закончились, и лес потянулся с обеих сторон, постепенно густея.

— Так, мужики, отставить веселье, — приказал Мамай. — Витя, бери двух сотоварищей и дуй вперёд. Обнюхивайте каждый куст, ваша задача отряд от засады уберечь. Места начинаются глухие. Колонне не растягиваться, соблюдать тишину.

Дружинники посерьёзнели, приблизились к телеге. Витя с Бруно и Петей унеслись вперёд. Рыцари пристроились в хвост колонны, причём Персиваль выудил из седельной сумки ручной арбалет и держал его наизготовку.

Некоторое время мы шагали почти в полной тишине. Я с любопытством разглядывал кусты и деревья, размышляя над тем, растут ли тут ягоды — черничка, земляничка. Было бы приятно и вкусно. Надо будет проверить. Из леса доносилось пение птиц, что очень радовало, так как в очередной раз подтверждало основательность разработки Нереалии. Вот, кажется, жаворонок, именно они на Смоленщине и водятся, да и на моей Могилёвщине тоже. А может, соловей. Боюсь ошибиться. А вот дятел. Тут уж наверняка. Старается, бродяга. А это ухнула сова. Ишь ты, ей днём спать полагается, а туда же. Словно отвечая ей, донеслось ответное уханье по другую сторону от нас. А затем вдруг что-то свистнуло возле уха, и идущий рядом со мной дружинник рухнул, как подкошенный. И сразу же воздух снова наполнился свистом, но теперь ещё и в сочетании с боевым кличем. Из незаметных глазу укрытий в кустах, с деревьев, отовсюду — на нас выскакивали разномастно одетые бандиты, с остервенением и улюлюканием кидаясь в бой. Краем глаза я успел заметить, как облепленные разбойниками рыцари кружатся на конях, раздавая щедрые удары мечами направо и налево. Возница спрыгнул с телеги и булавой отбивался сразу от двух нападавших. Ну а оставшиеся пешие дружинники сгрудились вокруг телеги, пытаясь защитить «складированных» на ней товарищей. Прямо на меня напирал здоровенный громила, в кольчуге и рогатом шлеме. В руках у него был кистень: гирька с шипами на цепочке, закреплённой на длинной палице. Такая гирька способна всё раскрошить на своём пути. Поэтому я не стал геройствовать — сначала подпрыгнул, когда он попробовал достать ноги, затем пригнулся, когда он нацелился в голову, а потом просто упал на землю и перекатился разбойнику за спину. Пока он с яростным криком разворачивался, я глубоко вонзил кинжал в неприкрытое металлом пространство между шлемом и кольчугой. Крик оборвался, и верзила рухнул мне под ноги, на

глазах теряя плотность, как бы выцветая. Ещё через несколько мгновений он стал полностью прозрачным, а затем и вовсе исчез. Шлем и кольчуга сложились кучкой, освободившись от хозяина.

— Молодец, Алекс! — крикнул Добрыня, пробиваясь — уже без коня — поближе к телеге нам на выручку.

Бой протекал стремительно. Разбросанная тут и там амуниция наглядно свидетельствовала о том, что день сегодня выдался урожайным на обнуления. Нападающие на рыцарей разбойники заметно поредели. Не понравилось им, похоже, иметь дело с Мамаем и его друзьями. Персиваль, как и Добрыня, тоже остался без коня и сражался теперь на земле. Лишь Мамай гордо возвышался на своём скакуне над кучкой самых храбрых или самых глупых разбойников, методично сокращая их количество выверенными ударами меча. У телеги тем временем осталось всего четыре дружинника, включая меня, и не считая тех, что были на телеге. Они бы сейчас нам ох как помочь могли! Но, к сожалению, были вне игры. Уж не знаю, послал ли кто-то им предупреждение и как это вообще делается, а только лежали они смирно и помочь не пытались. Зато Витя с Петей и Бруно бегом возвращались к нам, яростно размахивая клинками над головой.

— Под Чапаевцев косите? — крикнул я им, невольно поддаваясь запалу и куражу боя и одновременно фехтуя со щуплым бандитом, вооружённым, как и я, кинжалом.

— Щас ты как Чапаев через реку у меня будешь, — пообещал мой соперник, натужно делая выпад за выпадом.

— Да неужели! — возразил я и поддел клинком его кинжал и руку вверх, одновременно кулаком въезжая ему в живот, благо вместо кольчуги он носил меховую жилетку.

Разбойник согнулся пополам, а я, тем временем, развернул его и придал пинком ускорение в направлении ближайшей сосны. Интересно, пленных здесь берут? И что с ними потом делают? Разбойник врезался в дерево головой, сполз на землю и затих.

Бой, в общих чертах, уже завершался. Кое-где ещё продолжалась драка, но всё чаще нападающие разворачивались и драпали в лесную чащу, справедливо полагая, что ловить им здесь больше нечего.

Поле сражения оказалось буквально завалено амуницией. Добрыня поднял с земли пару кольчуг и положил на телегу.

— Видишь, Алекс, ещё и такой способ пополнения арсенала имеется.

— Да уж, способ железный, — подтвердил я, подбирая с земли толстую меховую жилетку. — Это тоже брать?

— Забираем всё, что найдём, — сказал спешившийся, наконец, Мамай, ведя своего коня под уздцы. — Сдадим на склад

— там разберутся. Что-то Тимофею отправим, что-то оставим себе. Кошельки, конечно — ваша персональная добыча.

— Восьмерых ребят потеряли, — негромко сказал Добрыня, будто лично был в этом виноват. Правое предплечье у него было перемотано какой-то тряпкой, успевшей пропитаться кровью.

— Плохо, очень плохо, — сказал Мамай. — С кем придём на заставу? Рексоман вставит по первое число.

— Не знал, что тут и ранения бывают, — сочувствующе сказал я Добрыне.

— А как же! — подмигнул мне он. — Всё, как в жизни! Ничего, придём на заставу — лекарь заштопает.

— Я не понял, — пробасил подошедший Персиваль, с грудой щитов и шлемов в руках. — Где Витя-то был? Куда дозор твой смотрел?

— Не заметили! — виновато развёл руками Витя. — Хорошая маскировка.

— Это я тебя сейчас обработаю под куст, и будет хорошая маскировка, — недовольно сказал Персиваль.

— Ладно, Персиваль, не кипятись, — мягко сказал Мамай. — Не виноват никто. Но ребят потеряли — это обидно.

— И коней жалко, — добавил Добрыня. — На заставе кони на вес золота.

— Кстати, у меня такое впечатление сложилось, — встрял в разговор я, — что без вас, рыцарей, мы бы не отбились.

— Так они нас и не ожидали, — согласился Добрыня. — Рыцари вообще-то обозы редко сопровождают. Это повезло просто. А им — нет.

— А что за разбойники? — спросил я. — Дикие? Или из какой-то банды?

— Шкипера это люди, сто пудов, — сказал Персиваль. — Попадались знакомые рожи.

— Да, я тоже заметил старых знакомых, — поддержал его Добрыня.

— Я там, кстати, одного настырного об дерево охолодил, — сказал я. — Мы пленных берём вообще?

— Не обнулился он? — спросил Персиваль. — Тогда берём. Пусть расскажет, что знает. Ты ему руки-ноги свяжи — и в телегу.

— Молодец, Алекс, — похвалил Мамай. — С боевым крещением тебя!

— Да ладно, — отмахнулся я. — Просто повезло.

— Везёт тому, кто сам себя везёт, — глубокомысленно изрёк Персиваль.

— Короче, хорош языками трепать, — подытожил Мамай. — Собрали трофей — и ходу. Нас на заставе ждут.

В этот момент один из «спавших» до сих пор на телеге дружинников приподнялся на локте, поморгал, и спросил:

— Привет, мужики! Я ничего не пропустил?

— Отдыхай, дорогой, отдыхай, — обманчиво мягким голосом сказал Персиваль. — Мы уже всю работу сделали. А в следующий раз пропустишь бой — своими руками обнулю!

К заставе подошли лишь к вечеру. Лесная дорога стала расширяться, стены из сосен расступились и нашему взору предстала небольшая деревянная крепость, с довольно высокими стенами из обтёсанных брёвен. Четыре башни охраняли периметр, ещё одна содержала в себе въездные ворота и подъёмный мостик, перекинутый через неглубокий ров, выкопанный вокруг крепости. У мостика стояла стража, на башнях маячили лучники. Над стенами виднелась небольшая часовенка, увенчанная луковичным куполом и крестом. Рядом возвышался терем, на шпиле которого красовался флюгер в виде золотого петушка.

Я замер, восхищённо разглядывая это чудо русского зодчества.

— А вы тут романтики! — выдохнул я.

— А как же! — самодовольно подтвердил Персиваль. — На том и стоим.

Назавтра я проснулся лишь в одиннадцатом часу. Вот что значит лечь спать без будильника. За окном вовсю щебетали птицы, слышался далёкий гул машин и скрип качелей во дворе. Реальная жизнь шла своим чередом, виртуальная же поджидала меня в компьютере. Я взглянул на экран — работала заставка: красавица-бригантина под всеми парусами рассекает солёные морские волны. А может, океанские. Надо будет узнать, есть ли в Нереалии море. Что-то мне подсказывало, что в этой игре есть всё, что угодно. Так, надо хорошенько позавтракать. Кто его знает, когда доведётся обедать. Сегодня я впервые прибуду на заставу, нужно многое узнать, во многом разобраться. Так что лучше рассчитывать на долгое пребывание в виртуале.

Пока в сковороде весело скворчали четыре аккуратно разбитых яйца с мелко нарезанной колбаской и разбросанными для вкуса крупными хлебными крошками, я открыл главную страницу игры и зашёл в раздел «Часто задаваемые вопросы». Витя, конечно, мне вчера рассказал, но хотелось бы узнать поподробнее. Итак, «обнуление». «Обнуление означает достижение персонажем определённого уровня условных физических повреждений с последующим принудительным перемещением для регенерации в исходную точку в игре. Таковой является точка входа в королевство, находящаяся, в большинстве случаев, в ратуше». О как! В большинстве! Значит, бывают и

исключения? «Перенос точки входа персонажа находится в компетенции наместника данного королевства». Отлично! Значит, он может захотеть, чтобы я в его кабинете появлялся? Или на необитаемом острове? Мне становились понятны те чувства, что игроки испытывают к наместникам. Читаем дальше. «Снаряжение, находящееся на персонаже в момент обнуления, остаётся в точке перемещения и может перейти в собственность любого другого персонажа». Понятно, значит, если я сниму кольчугу и оставлю её в казарме, то при моём обнулении её при мне не будет и она останется на месте спокойно меня дожидаться. Это хорошо. С другой стороны, куда же я без кольчуги? Наверное, это больше относится к каким-нибудь ценным вещам, артефактам или вроде того, которые приобретаются в процессе игры. Можно их где-нибудь хранить, чтобы не потерять по глупости. Так, а что насчёт денег? Ага, вот: «любые деньги, встреченные вами в игре, являются производными от нереалов, а те, в свою очередь, привязаны к текущему курсу доллара США». Так, ну это я уже от рыцарей слышал. Пропустим немного… Вот, тут интересно: «ценные бумаги Нереалии (облигации и т. д.) могут быть использованы в качестве платёжного средства, а также в качестве инвестиции с целью получения процентов по вкладам. Ценные бумаги приобретаются по курсу в соответствующем разделе сайта, или же обмениваются на игровые нереалы. Главное преимущество ценных бумаг заключается в том, что они всегда остаются при вас и не достанутся противнику даже после обнуления. Любые другие денежные средства — будь то нереалы или местная валюта того или иного государства — остаются в точке обнуления и являются законной добычей победившего игрока. Администрация рекомендует своевременно покупать ценные бумаги, чтобы хранить в них свои игровые сбережения, обналичивая лишь небольшую сумму на текущие расходы. Так вы уменьшите риск потерять все свои деньги». Что ж, про разбойников в игре я уже наслышан. Такова жизнь, кто-то обязательно будет зарабатывать себе на хлеб именно охотой и грабежом. Хотя на то и городская стража, чтобы такое пресекать. А вот ценных бумаг в других играх встречать не приходилось, это, похоже, изобретение Нереалии. И ведь не подкопаешься: всё для игрока, хочешь деньги сохранить — покупай облигации. Надо бы ещё курс покупки узнать. Наверняка тут свои хитрости имеются. Ладно, пока не к спеху.

С аппетитом уничтожив яичницу и чашку крепкого кофе, я сел в кресло перед компьютером, открыл страницу входа в игру и приладил к шее «кибер-остео». Нереалия ждала меня.

Сквозь веки пробивался яркий свет. Я невольно заслонил

глаза рукой, одновременно пытаясь сообразить, где нахожусь. Мерное покачивание, ленивый скрип колёс и запах сена однозначно указывали на повозку или телегу. Я приподнялся на локтях и осмотрелся. Просёлочная дорога извивалась между полями с одной стороны и сосновым лесом — с другой. На поле колосилась пшеница или рожь, я не сильно разбираюсь. Но цвета она была золотого и красоты удивительной. Над всем этим красовалось ясное голубое небо с редкими пушистыми облачками — ну просто идиллия. Солнце, правда, припекало нещадно, и в реальной жизни можно было бы очень скоро на нём обгореть. Вместе со мной на телеге «путешествовали» ещё несколько дружинников в виде этаких аккуратных спящих брёвен. Их хозяева, должно быть, ещё завтракали, а может, были на работе, или на лекциях. Метрах в пятидесяти перед повозкой, громко переговариваясь, красовались на конях несколько рыцарей. Сзади за телегой топали с десяток дружинников в кольчугах. В ближайшем из них я узнал Витю.

— Проснулся, Алекс? — весело подмигнул мне он. — Мы уж думали, не вернёшься ты.

— Это почему не вернусь? — удивился я.

— Ну, пригрузили мы тебя вчера в таверне маленько. Могли отбить желание.

— Наоборот, я после этого сомневаться перестал! — сказал я и сел на край телеги, свесив вниз ноги. — У вас тут почище, чем в детективе сюжет закручен.

— Да уж, не жалуемся! — подтвердил Витя. — Знакомься, это Петя, а это Бруно! — представил он своих соседей.

— Здорово, мужики! — поприветствовал их я. — А чего вы пешком? На телеге же место есть.

— Так ноги-то не устают, не своими же топаешь, — а на телеге скучно, — объяснил Бруно, хиповатого вида парень с тёмно-русыми волосами до плеч.

— А половина вообще на автомате идёт, а сами кофе пьют или новости читают, — добавил Петя, щуплый невысокий брюнет с высокими залысинами.

— Можно вопрос? — не удержался я.

— Валяй, — разрешил Бруно.

— Как вы себе внешность обрабатывали? Я при регистрации только на стандартные вопросы ответил, ну, рост, вес, цвет волос и глаз, — там такого разнообразия вроде не было.

— Будешь в реале — зайди в свой профиль, там графический редактор есть. Можно что хочешь нарисовать, а движок смоделирует лицо, подправит, если сочтёт нужным, — объяснил Бруно.

— В принципе, можно какую хочешь внешность загрузить — можешь актёра какого-нибудь, или политика, — добавил Витя. — Ты, кстати, не удивляйся, если встретишь здесь.

— Только это считается пошлостью, — вставил Петя. — Малолетки всякие таким балуются, с ними серьёзные люди даже заговаривать не станут. А вот свою внешность взять — это смелость нужна.

— Хочешь сказать, это твоя настоящая внешность? — не поверил я.

— Ну, в некотором роде… В общем, я таким был лет десять назад.

— А теперь он совсем лысый! — хохотнул Бруно.

— Не смешно, между прочим, — насупился Петя.

— Да ладно, — примирительно сказал Бруно. — Ты думаешь, я почему себе волосы до плеч нарисовал…

— Чтобы душу отвести, а на самом деле ты тоже, того? — с надеждой в голосе спросил Петя.

— Потому что тоже свою настоящую внешность хотел сделать! Только я в реале их в хвост завязываю! — закончил Бруно и радостно засмеялся.

— Да ну вас, — совсем разобиделся Петя.

— Ладно, мужики, ну что вы в самом деле, — примирительно сказал Витя. — Что о нас Алекс подумает.

Я улыбался. Мне было хорошо, и даже эта короткая перебранка меня не смутила, наоборот, показала, что живые люди передо мной, с которыми мне, кстати, предстоит теперь бок о бок служить.

— А что это за рыцари с нами, — перевёл тему я. — Мне тоже хотелось бы на коне.

— Послужишь с ихнее — получишь коня! — пообещал Бруно.

— Так это ж Мамай со товарищами! — удивился Витя. — Ты что, не узнал?

Я обернулся и присмотрелся повнимательнее. Точно! И как я сразу не догадался! Ну ладно, Добрыню издали не узнать, или даже Мамая, но богатырскую спину Персиваля точно нельзя было ни с чем спутать.

— Персиваль! — крикнул я. — Не тяжеловат ты для лошади?

Рыцари обернулись, а затем придержали коней, дав возможность телеге с возницей, понукавшем грустную бурую лошадку, постепенно нагнать их.

— Смотри-ка, кто проснулся! — ехидно прокомментировал Добрыня. — Как спалось, господин дружинник?

Вблизи рыцари выглядели очень торжественно и внушительно: начищенные до блеска доспехи сияли на солнце,

мечи в ножнах свисали почти до пяток. Шлемы и щиты приторочены к сёдлам. Кони тоже заслуживали отдельного внимания: как на подбор рослые, сильные, стройные, с шелковистыми гривами и умными глазами, они ехидно смотрели на меня, как бы спрашивая: «ну что, пешеход, завидуешь нам, ветроногим?» Вообще, рыцари неплохо бы смотрелись на картине Васнецова «три богатыря», тем более, что кони у них были разных мастей: у Мамая — белой в яблоках, у Добрыни — гнедой, а у Персиваля — вороной.

— Спалось хорошо, не жалуюсь! — улыбнулся я. — А как вам, не жарко под таким солнцем в доспехах?

— Ещё как жарко, — признался Персиваль. — Сняли бы, да нельзя: порядок такой.

— А что, ожидаются боевые действия? — улыбнулся я.

— Между прочим, вполне себе ожидаются, — серьёзно сказал Мамай. — Видишь, ребята за телегой топают?

— Ну?

— Ты думаешь, это кто?

— Как кто? — не понял я. — Пополнение. Разве нет?

— Это ты у нас пополнение, — сказал Добрыня. — А ребят этих обнулили, за последние несколько дней. И заметь, не в пьяных драках в таверне, а в реальном бою. Вот теперь возвращаются на заставу.

— Вот это да! — удивился я. — Всё так серьёзно?

— А ты думал, на курорт едешь? — хохотнул Персиваль. — Так тогда милости просим! Процедуры три раза в день обеспечены! Правда, Витя?

— А то! — подтвердил он.

— А вас тоже обнулили? — спросил я.

— Кого — нас? — не понял Персиваль.

— Тебя, Добрыню, Мамая.

— Мы на княжьем совете были, — пояснил Добрыня. — А Витю вот — да, обнулили. Потому что пацан ещё. Правильно воевода на него набросился — ну не должны звеньевые позволять себя обнулять. Согласен, Витя?

— Согласен, — нехотя подтвердил Витя.

— А откуда тогда у ребят мечи и кольчуги, если их обнулили? — спросил я, по-новому взглянув на шагающих за телегой дружинников.

— Ты с телеги-то слезешь? — спросил Витя. — Неудобно так разговаривать, да и тебе спиной вперёд ехать не с руки.

— Мне-то как раз нормально, — возразил я, но спрыгнул вниз и зашагал рядом с Витей.

— Короче, тебе надо узнать, как у нас служба тыла работает,

— начал он.

— Пусть лучше Добрыня расскажет, — перебил его Персиваль. — Он про снабжение всё от и до знает.

— Расскажи, Добрыня, просвети молодёжь, — умиротворённо поддержал его Мамай, порядком разомлевший на жарком солнце. — Заодно расскажи, как всё самое лучшее получать. А то тут некоторых зависть берёт. Правда, Витя?

— Зависть — недостойное чувство для друга, — поучительно сказал Добрыня. — Ладно, слушай, Алекс, для тебя рассказываю.

Он подтянул меч, принял мечтательную позу и продолжил:

— Значится, обнулили тебя, голубчика, и материализовался ты снова в одних портках у деда Тимофея в приёмнике. Друзья твои, заметь, в это время отбивают вихри яростных атак. И подмога им — ох, как нужна. Причём подмога вооружённая. А ты в портках. Как быть?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Вообще-то могли бы оружие и выдавать, почему дружинники свои деньги на это тратить должны?

— Вот! — обрадовался Добрыня. — Это решение лежит на поверхности. Снабжение обмундированием. Но ты представляешь, какие расходы для дружины и для князя, если какому-то там молокососу по три раза в неделю новое снаряжение выдавать? Это же денег стоит.

— Боюсь даже представить, — согласился я.

— Правильно, — подтвердил Добрыня. — Поэтому и существуют правила. Дорогие доспехи выдаются воинам, достигшим высокого уровня и доказавшим свою эффективность и надёжность. Персиваль, ты когда в последний раз доспехи новые получал?

— Я и забыл уже, — гордо ответил Персиваль.

— А ты, Мамай?

— Когда княжество основали, — признался Мамай.

— Ну вот, — подытожил Добрыня, — значит, можно доспехи и не терять.

— А ты почему не скажешь, когда в последний раз менял? — ехидно спросил Персиваль.

— Это к делу не относится, — уклонился от ответа Добрыня.

— Ещё как относится! — не согласился Персиваль. — Это же надо додуматься серенады у своей Дульсинеи под окном в доспехах петь! Стоя на коне. Тоже мне, гуттаперчевый мальчик нашёлся.

— Персиваль, умел бы ты тайны хранить, цены бы тебе не было, — с досадой сказал Добрыня.

— Так это никакая не тайна, — вступился за Персиваля Витя.

— Вся дружина знает. Конь на дыбы, а ты головой вниз. Так и обнулился.

— В общем, Алекс, ты понял, — грустно закончил Добрыня.

— Спасибо, теперь стало яснее, — скрывая улыбку, подтвердил я. — А что там было насчёт того, как самое лучшее получать? Что за секрет?

Дружинники заухмылялись, Мамай подмигнул Персивалю.

— Да не секрет. Снаряжение тебе дед Тимофей выдаёт, — вздохнув, пояснил Добрыня. — Ну и если ты ему ручку позолотишь, он тебе по первому сорту всё обеспечит. У него всегда заначка есть из самого дефицитного. Скряга он, что поделаешь.

— А я думал, он тебе по-родственному помогает, — притворно удивился Персиваль. — Дульсинея же его дочь, в реале, это все знают. Может, ты уже и жениться обещал?

Добрыня лишь сокрушённо покачал головой.

— Много ты знаешь, Персиваль! Со свечкой, что ли, стоял? Я убеждённый холостяк, — с обидой возразил он, вызвав новый взрыв хохота у ребят.

Тем временем поля закончились, и лес потянулся с обеих сторон, постепенно густея.

— Так, мужики, отставить веселье, — приказал Мамай. — Витя, бери двух сотоварищей и дуй вперёд. Обнюхивайте каждый куст, ваша задача отряд от засады уберечь. Места начинаются глухие. Колонне не растягиваться, соблюдать тишину.

Дружинники посерьёзнели, приблизились к телеге. Витя с Бруно и Петей унеслись вперёд. Рыцари пристроились в хвост колонны, причём Персиваль выудил из седельной сумки ручной арбалет и держал его наизготовку.

Некоторое время мы шагали почти в полной тишине. Я с любопытством разглядывал кусты и деревья, размышляя над тем, растут ли тут ягоды — черничка, земляничка. Было бы приятно и вкусно. Надо будет проверить. Из леса доносилось пение птиц, что очень радовало, так как в очередной раз подтверждало основательность разработки Нереалии. Вот, кажется, жаворонок, именно они на Смоленщине и водятся, да и на моей Могилёвщине тоже. А может, соловей. Боюсь ошибиться. А вот дятел. Тут уж наверняка. Старается, бродяга. А это ухнула сова. Ишь ты, ей днём спать полагается, а туда же. Словно отвечая ей, донеслось ответное уханье по другую сторону от нас. А затем вдруг что-то свистнуло возле уха, и идущий рядом со мной дружинник рухнул, как подкошенный. И сразу же воздух снова наполнился свистом, но теперь ещё и в сочетании с боевым кличем. Из незаметных глазу укрытий в кустах, с деревьев,

отовсюду — на нас выскакивали разномастно одетые бандиты, с остервенением и улюлюканием кидаясь в бой. Краем глаза я успел заметить, как облепленные разбойниками рыцари кружатся на конях, раздавая щедрые удары мечами направо и налево. Возница спрыгнул с телеги и булавой отбивался сразу от двух нападавших. Ну а оставшиеся пешие дружинники сгрудились вокруг телеги, пытаясь защитить «складированных» на ней товарищей. Прямо на меня напирал здоровенный громила, в кольчуге и рогатом шлеме. В руках у него был кистень: гирька с шипами на цепочке, закреплённой на длинной палице. Такая гирька способна всё раскрошить на своём пути. Поэтому я не стал геройствовать — сначала подпрыгнул, когда он попробовал достать ноги, затем пригнулся, когда он нацелился в голову, а потом просто упал на землю и перекатился разбойнику за спину. Пока он с яростным криком разворачивался, я глубоко вонзил кинжал в неприкрытое металлом пространство между шлемом и кольчугой. Крик оборвался, и верзила рухнул мне под ноги, на глазах теряя плотность, как бы выцветая. Ещё через несколько мгновений он стал полностью прозрачным, а затем и вовсе исчез. Шлем и кольчуга сложились кучкой, освободившись от хозяина.

— Молодец, Алекс! — крикнул Добрыня, пробиваясь — уже без коня — поближе к телеге нам на выручку.

Бой протекал стремительно. Разбросанная тут и там амуниция наглядно свидетельствовала о том, что день сегодня выдался урожайным на обнуления. Нападающие на рыцарей разбойники заметно поредели. Не понравилось им, похоже, иметь дело с Мамаем и его друзьями. Персиваль, как и Добрыня, тоже остался без коня и сражался теперь на земле. Лишь Мамай гордо возвышался на своём скакуне над кучкой самых храбрых или самых глупых разбойников, методично сокращая их количество выверенными ударами меча. У телеги тем временем осталось всего четыре дружинника, включая меня, и не считая тех, что были на телеге. Они бы сейчас нам ох как помочь могли! Но, к сожалению, были вне игры. Уж не знаю, послал ли кто-то им предупреждение и как это вообще делается, а только лежали они смирно и помочь не пытались. Зато Витя с Петей и Бруно бегом возвращались к нам, яростно размахивая клинками над головой.

— Под Чапаевцев косите? — крикнул я им, невольно поддаваясь запалу и куражу боя и одновременно фехтуя со щуплым бандитом, вооружённым, как и я, кинжалом.

— Щас ты как Чапаев через реку у меня будешь, — пообещал мой соперник, натужно делая выпад за выпадом.

— Да неужели! — возразил я и поддел клинком его кинжал и руку вверх, одновременно кулаком въезжая ему в живот, благо

вместо кольчуги он носил меховую жилетку.

Разбойник согнулся пополам, а я, тем временем, развернул его и придал пинком ускорение в направлении ближайшей сосны. Интересно, пленных здесь берут? И что с ними потом делают? Разбойник врезался в дерево головой, сполз на землю и затих.

Бой, в общих чертах, уже завершался. Кое-где ещё продолжалась драка, но всё чаще нападающие разворачивались и драпали в лесную чащу, справедливо полагая, что ловить им здесь больше нечего.

Поле сражения оказалось буквально завалено амуницией. Добрыня поднял с земли пару кольчуг и положил на телегу.

— Видишь, Алекс, ещё и такой способ пополнения арсенала имеется.

— Да уж, способ железный, — подтвердил я, подбирая с земли толстую меховую жилетку. — Это тоже брать?

— Забираем всё, что найдём, — сказал спешившийся, наконец, Мамай, ведя своего коня под уздцы. — Сдадим на склад — там разберутся. Что-то Тимофею отправим, что-то оставим себе. Кошельки, конечно — ваша персональная добыча.

— Восьмерых ребят потеряли, — негромко сказал Добрыня, будто лично был в этом виноват. Правое предплечье у него было перемотано какой-то тряпкой, успевшей пропитаться кровью.

— Плохо, очень плохо, — сказал Мамай. — С кем придём на заставу? Рексоман вставит по первое число.

— Не знал, что тут и ранения бывают, — сочувствующе сказал я Добрыне.

— А как же! — подмигнул мне он. — Всё, как в жизни! Ничего, придём на заставу — лекарь заштопает.

— Я не понял, — пробасил подошедший Персиваль, с грудой щитов и шлемов в руках. — Где Витя-то был? Куда дозор твой смотрел?

— Не заметили! — виновато развёл руками Витя. — Хорошая маскировка.

— Это я тебя сейчас обработаю под куст, и будет хорошая маскировка, — недовольно сказал Персиваль.

— Ладно, Персиваль, не кипятись, — мягко сказал Мамай. — Не виноват никто. Но ребят потеряли — это обидно.

— И коней жалко, — добавил Добрыня. — На заставе кони на вес золота.

— Кстати, у меня такое впечатление сложилось, — встрял в разговор я, — что без вас, рыцарей, мы бы не отбились.

— Так они нас и не ожидали, — согласился Добрыня. — Рыцари вообще-то обозы редко сопровождают. Это повезло просто. А им — нет.

— А что за разбойники? — спросил я. — Дикие? Или из какой-то банды?

— Шкипера это люди, сто пудов, — сказал Персиваль. — Попадались знакомые рожи.

— Да, я тоже заметил старых знакомых, — поддержал его Добрыня.

— Я там, кстати, одного настырного об дерево охолодил, — сказал я. — Мы пленных берём вообще?

— Не обнулился он? — спросил Персиваль. — Тогда берём. Пусть расскажет, что знает. Ты ему руки-ноги свяжи — и в телегу.

— Молодец, Алекс, — похвалил Мамай. — С боевым крещением тебя!

— Да ладно, — отмахнулся я. — Просто повезло.

— Везёт тому, кто сам себя везёт, — глубокомысленно изрёк Персиваль.

— Короче, хорош языками трепать, — подытожил Мамай. — Собрали трофей — и ходу. Нас на заставе ждут.

В этот момент один из «спавших» до сих пор на телеге дружинников приподнялся на локте, поморгал, и спросил:

— Привет, мужики! Я ничего не пропустил?

— Отдыхай, дорогой, отдыхай, — обманчиво мягким голосом сказал Персиваль. — Мы уже всю работу сделали. А в следующий раз пропустишь бой — своими руками обнулю!

К заставе подошли лишь к вечеру. Лесная дорога стала расширяться, стены из сосен расступились и нашему взору предстала небольшая деревянная крепость, с довольно высокими стенами из обтёсанных брёвен. Четыре башни охраняли периметр, ещё одна содержала в себе въездные ворота и подъёмный мостик, перекинутый через неглубокий ров, выкопанный вокруг крепости. У мостика стояла стража, на башнях маячили лучники. Над стенами виднелась небольшая часовенка, увенчанная луковичным куполом и крестом. Рядом возвышался терем, на шпиле которого красовался флюгер в виде золотого петушка.

Я замер, восхищённо разглядывая это чудо русского зодчества.

— А вы тут романтики! — выдохнул я.

— А как же! — самодовольно подтвердил Персиваль. — На том и стоим.

Глава пятая. Военный совет

Внутри крепость была не менее красивой и уютной, чем выглядела снаружи. Центральный терем, кроме часовенки, окружали несколько изб и сараев. Изнутри стены оказались двухъярусными, с приставными лесенками. Я сразу вспомнил фильм «Иван Васильевич меняет профессию», где герои бегали по таким же ярусам и в итоге спрыгнули вниз на стог сена. Сено, кстати, здесь тоже было, так же как и небольшая конюшня. По двору деловито сновали дружинники, откуда-то вкусно пахло походной кухней.

Наш отряд разделился: дружинники отправились по своим избам-казармам, рыцари — на доклад к сотнику. Нам с Витей Мамай тоже приказал зайти на доклад, но сначала доставить пленного в карцер. Его функцию выполняла небольшая каморка сразу за конюшней. Мы усадили его там на охапку соломы, и закрыли дверь-решётку, повесив на неё внушительный замок.

— Может, развязать его? — спросил я.

— Зачем? Чтобы он себя об стенку обнулил? — резонно возразил Витя.

Пленник с ненавистью сверкнул на нас глазами.

— Мы вас всех выкосим, подчистую, — пообещал он.

— Выкосите, выкосите, — согласился Витя. — Ты смотри тут, не балуй. Здоровье береги.

— Видишь ту большую избу, — показал Витя, когда мы отошли от карцера. — Оттуда в случае чего мы всех спящих забираем. Помнишь, что я тебе вчера рассказывал перед сном?

— Помню, — улыбнулся я.

— Это на всякий случай тебе говорю, если в реал захочешь выйти.

— А в какую избу мне заселяться? Где жить буду? — спросил я.

— У нас это довольно условно, — ответил Витя. — Мы же в них не живём, сам понимаешь. Так, приписаны для порядку. В каждой избе — по два звена, так удобнее командовать.

— А мне в какое звено нужно? Может, в твоё?

— Буду рад, если в моё попадёшь, — улыбнулся Витя. — Это вообще-то Рексоман лично решает. Не волнуйся, сейчас он тебе сам скажет. Давай быстрее, хватит по сторонам глазеть. Сотник ждать не любит.

— Так как не глазеть, — возразил я. — Уж больно красивую вы крепость отгрохали. А ворота одни, запасных нету?

— Ворота одни, зато потайной лаз имеется, за конюшней, —

сообщил Витя. — Вообще-то, крепость мы не сами строили.

— А кто же тогда?

— У князя друзей много на сервере, это типа как подарок от одного из них. От князя поморов. У них там умельцев много, приезжала целая команда.

— Хороший подарок, царский. То есть, княжеский! — оценил я.

— Да, княжеский. А мы им, кажется, фонтан какой-то навороченный подарили. Есть тут у нас один спец.

— Помню-помню, возле кузницы на площади тоже фонтан стоит. Его работа?

— Его, кого же ещё, — подтвердил Витя. — А в целом по городу штук пять наберётся.

Мы остановились у крыльца одной из избушек. Никакой охраны не было и в помине, да и зачем: мы на территории охраняемой заставы.

— В общем, ты не удивляйся, — предупредил Витя. — Рексоман мужик классный, только раздражительный. Может и матом обложить. Пусть тебя это не смущает.

— Ну, того, кто в наших автобусах по утрам ездил, это не смутит, — успокоил его я.

— Это хорошо. Ну тогда пошли.

Витя первым поднялся по ступеням и толкнул входную дверь.

За большим овальным столом с разложенной на нём картой сидело с дюжину мужчин — включая уже знакомых мне рыцарей — и две девушки. Конечно же, они были симпатичными, в играх редко встречаешь других. Одна тёмненькая, а другая — светленькая. Девушки от природы так любят прихорашиваться, что в виртуале моментально овладевают всеми секретами настроек внешности и наконец реализуют свой идеал красоты. Или мужской идеал, не знаю, как правильнее. Лично я это только приветствую, и все мужское население виртуала тоже.

Во главе стола восседал стройный рыцарь с вытянутым аристократическим лицом. Непослушные вихры тёмных волос придавали его образу одновременно одухотворённость и некоторое мальчишество. При нашем появлении он прервал свою речь и осмотрел нас долгим пристальным взглядом.

— Проходи, Витя, — сказал он. — А это, я так понимаю, и есть наш новичок?

Мамай, сидевший по правую руку от него, утвердительно кивнул.

— Алекс, — представился я, чувствуя себя неловко под взглядами собравшихся. Тем более, что они сидели, а я стоял навытяжку, как перед приёмной комиссией.

— И ты проходи, Алекс, присаживайся, — милостиво разрешил Рексоман. — Извини, некогда церемонии разводить, позже с народом познакомишься.

Я облегчённо кивнул, и осторожно присел за стол рядом с Витей.

— Итак, други мои, коротко повторюсь специально для опоздавших, — сказал Рексоман. — Как видите, у нас тут экстренный военный совет. Разведчики обнаружили базу Шкипера. Часах в трёх ходьбы. Вот здесь.

Он ткнул пальцем в красный кружок на карте.

— Хорошо устроился, гад, — недовольно продолжил он. — По флангам у него болото, спереди — чаща, в тылу — гандарийская граница. Далее. После стычек в последние дни его банда ослаблена и силы восстановит не сразу. Алекс, тебе понятно, почему не сразу?

Я не ожидал, что он ко мне обратится, и смущённо пожал плечами.

— У него банда — сборная солянка, — пояснил Мамай. — Все из разных мест. Соответственно, когда их обнуляешь, они возвращаются в свои исходные точки, кто где. И возвращаются в банду по-разному — кто-то относительно быстро, а кто-то — только через день-другой.

— Спасибо, — кивнул Рексоман. — Теперь дальше. Пару часов назад возвращавшийся с Мамаем отряд попал в засаду — там Шкипер снова людей потерял. Ну, это вы и сами знаете, участвовали. Короче, сейчас у них народу на базе должен оставаться самый минимум. А значит, мы можем это гнездо вычистить.

— Всё равно ведь вернутся, — вздохнул рыжеволосый здоровяк, сидящий как раз между двумя девушками.

— Вернутся, Артиус, работа у них такая, — согласился Рексоман. — А наша работа — их бить и с нашей земли выталкивать. Уничтожим базу — им придётся новую искать, обустраивать, это время займёт, а нам передышка тоже не помешает.

— Это точно, — подтвердил Добрыня.

— И потом, нам вообще надо тактику пересмотреть, как Шкиперу всё время удаётся у нас под носом окапываться, — продолжил сотник. — Ну да ладно, это тема следующего совета будет. А пока кратко обрисую диспозицию. Выдвигаемся четырьмя сводными отрядами. Мамай ведёт звенья Виктора, Артиуса и Смагарда. Боевая задача — выйти к Шкиперу в тыл, блокировать Гандарийскую границу, отрезать ему путь к отступлению.

— Сделаем, командир, — степенно кивнул Мамай.

— Второй отряд поведёт Добрыня, — продолжил Рексоман. — Кроме своего звена поведёшь звено Горыныча. Задача — ударить с фланга. С левого. А Василиса с третьим отрядом ударит с правого. Василиса, ты к своему звену берёшь звено Икара. Всё ясно?

— Всё ясно, — подтвердила светловолосая девушка.

— Жаль, что не вместе с Василисой, — задумчиво сказал Добрыня. Собравшиеся заулыбались.

— Разговорчики! — одёрнул его сотник. — Оставшиеся звенья Давида, Мурзы и Эсмеральды придаются Персивалю с его головорезами. Вы ударите с фронта. Очкарик, остаёшься на заставе. Задача твоего звена — охрана. Всех просыпающихся будешь собирать к себе в сводный отряд. Будьте начеку. Хронометраж такой: сейчас без десяти два. В три часа на заставе, кроме Очкарика, никого не должно быть. К шести на исходные позиции выходят Персиваль, Добрыня и Василиса. Слишком близко не подходить, внимательно все обшарить разведкой — у них наверняка патрули в лесу. Надо их заблаговременно обнаружить и снять по-тихому, чтобы тревогу не подняли. Ещё час даём тебе персонально, Мамай, чтобы ты поглубже в тыл успел зайти. Выдвигайся с заставы первым. В семь ноль-ноль Добрыня и Василиса одновременно бьют с флангов, в семь ноль-пять Персиваль наваливается с фронта. Вопросы?

— У меня вопрос, — сказала Василиса. — Кто у нас в резерве?

— В резерве у нас будет новый звеньевой, Алекс, — неожиданно для меня сказал Рексоман. — Справишься?

Я кивнул прежде, чем успел осмыслить его слова.

— Вот и хорошо, — одобрил сотник. — Алекс — воробей стреляный, в Нереалии недавно, но зарекомендовал себя хорошо. А до этого паладином был в «Рыцарях Средневековья». Мне воевода рекомендательную настрочил.

Кто-то восхищённо присвистнул. У меня кровь вдруг резко прилила к щёкам.

— Ему только опыта набраться, — продолжил Рексоман. — Ты не боись, Алекс, я со своим полевым штабом поблизости буду, подскажу, если что. Скиньтесь по человеку со звена на резерв. Пусть прибудут к моей избе. А теперь — за работу, время! Отрядам — по мере готовности — выдвигаться, остальных не ждать! Удачи и победы! Порвём гадов!

Звеньевые встали из-за стола, но расходиться не спешили: обсуждали детали предстоящего боя, согласовывали взаимодействие. Я тоже поднялся, не зная, с кем заговорить и

куда идти. Витя, как назло, убежал к Мамаю, который раздавал ему и ещё двоим приданным ему звеньевым ценные указания. Чувствуя себя крайне неловко, я уже собрался было выйти из избы во двор, как вдруг услышал зычный голос сотника:

— Алекс, задержись на минутку!

Я обернулся — Рексоман пробирался ко мне, по пути пожимая руки звеньевых и ободряюще похлопывая их по спинам. Проходя мимо темноволосой девушки, он слегка приобнял её за талию и мягко увлёк за собой.

— Познакомься, Алекс, это Эсмеральда. Очаровательная девушка, сама доброта. Но в бою — пантера. Люди Шкипера её как огня боятся.

Девушка улыбнулась, протянула мне руку. Я осторожно пожал её.

— Эсмеральда тоже в «Рыцарях» играла, может, пересекались?

— Тебя как там звали? — спросила она.

— Найт, — вырвалось у меня.

— Это который Найт? Из «Белого Ордена»? — удивилась девушка.

— Да, было дело, — досадуя на свою откровенность, признал я.

— Так ты же, вроде, у них МИДом был, за внешнюю политику отвечал?

— Ого, какие таланты к нам на заставу ветром заносит! — восхитился Рексоман.

Все мои планы по сохранению инкогнито летели кувырком. Но теперь было уже поздно.

— А ты случайно не Эсмеральда из «Санёбиуса»? — спросил я.

— Она самая! — подтвердила девушка и довольно улыбнулась. — Ну, здравствуй, Найт. Вот так встреча!

Санёбиус был нашим главным врагом в «Рыцарях Средневековья». Народ там собрался интеллектуальный, энергичный и весьма циничный. Не брезговали никакими методами ради достижения целей. «Слабые — законная добыча сильных». Примерно так можно сформулировать их философию. Нам постоянно приходилось сражаться с их кланом, а мне ещё и вести с ними долгие и нудные переговоры, предлагая им прекращение огня с нашей стороны в обмен на их присоединение к выработанным нами рыцарским принципам честной игры. На наши принципы они, конечно, плевать хотели, поэтому переговоры успехом не увенчались. Непосредственно с Эсмеральдой мы не раз встречались в поединках, только

выглядела она раньше немного по-другому, потому и не узнал. Да и откуда я мог предположить, что встречу её здесь, на заставе!

— Здравствуй, Эсмеральда. Без коня и доспехов я тебя не узнал, — без особой радости сказал я.

— Да и я тебя без белого пера, признаться, тоже, — криво усмехнулась она.

— Ну-ну, мне тут старые разборки ни к чему, — быстро сказал Рексоман. — Что было, то прошло. Ну-ка забыли мне всё, и обнялись-поцеловались.

— Я бы его поцеловала, — усмехнулась Эсмеральда. — Да не знаю, захочет ли он. Белые рыцари все чистюли и высоконравственные личности. А я для него злодейка и беспредельщица.

— В общем, так, — строго произнёс Рексоман. — Алекс, я тебя с Эсмеральдой познакомил, потому что у вас игровой опыт похожий, она тебе адаптироваться у нас поможет. Увижу, что у заставы проблемы из-за ваших отношений — сразу отправлю назад к воеводе. Тебя, Алекс, отправлю — потому что Эсмеральда себя прекрасным бойцом и звеньевым зарекомендовала, и я предпочту оставить её. Всё понятно?

— Всё понятно, — буркнул я, чувствуя, как начинают гореть уши.

— Тогда вперёд. Звеньевые тебе сейчас людей пришлют, жди их во дворе, — сотник повысил голос. — Народ! А ну разойтись! Чтоб через три минуты у меня в избе никого не было! И не забудьте людей в резерв прислать!

Я стоял возле избы сотника в некоторой растерянности, а передо мной переминались с ноги на ногу девять дружинников. Рыцари и звеньевые разбежались по избам, оставив меня наедине с нежданно-негаданно свалившейся ответственностью.

— Ты, что ли, за звеньевого у нас будешь? — ехидно спросил один из дружинников, невысокий тощий брюнет, сплюнув себе под ноги.

Остальные одобрительно заулыбались. Ну понятно, когда сотник приказал скинуться на резерв, каждый звеньевой счёл за счастье избавиться от наиболее неприятных и неуправляемых типов в своей команде. И мне теперь этой бандой командовать придётся? У нас в «Белом Ордене» народ совсем другой был.

Я пропустил вопрос тощего дружинника мимо ушей и как можно строже спросил:

— Почему вас только девять? Где остальные?

— Не кричи, начальник, не глухие, — ответил мне хмурый толстяк с арбалетом в руках. — Нам фиолетово, сколько и кого. Когда выступаем?

— Выступаем по моей команде, — усмехнулся я. — А пока устроим перекличку: имя, звено. Или сразу скажите, кого здесь не хватает. Должно быть по одному от каждого звена. Звеньев двенадцать.

— А наше, значит, тринадцатое, — сказал тощий дружинник. — Везёт же нам.

— Ага. И командир у нас похоже тоже, тринадцатый, — поддержал его толстяк.

— Не, он скорее шестой, — сострил тощий, и оба засмеялись, довольные своим остроумием.

— Вы двое остаётесь на заставе, — сообщил я. — Валите в звено Очкарика. Мне такие остряки в резерве не нужны.

— Ты чё, командир, — примирительно сказал толстяк. — Шуток не понимаешь?

— На привале будешь шутить. Объясняю обстановку. Сейчас двадцать минут третьего. В три нас на заставе быть не должно.

— Это всё понятно, — сказал тощий. — Только ты не с того начинаешь, звеньевой. Ты по-человечески расскажи: кто такой, откуда, сколько уже в игре. А то мужики говорят, ты второй день играешь, и уже в командиры пролез. Объясни людям!

— Что ж, вопрос законный. Объясняю, — вздохнул я. — Звать меня Алекс, в Нереалии я второй день. Это правда.

Дружинники недовольно загудели, стали переглядываться.

Я мысленно навсегда простился с моей политикой анонимности в игре.

— До этого играл в «Рыцарях Средневековья». Паладин.

Толстяк от изумления едва не выронил арбалет.

— Гонишь! — сказал он.

— Найт меня зовут. Белый Орден. Если кто слышал.

— Я слышал, — негромко сказал молчавший до сих пор коротышка с окладистой бородой, больше всего походящий не на дружинника, а на гнома. — Борцы за справедливость. Супергерои. В общем, джедаи доморощенные.

— А драться эти джедаи умеют? — скептически спросил тощий дружинник.

— Не знаю, как джедаи, — раздался вдруг знакомый голос. — А вот Алекс в первый же день Шкиперу в городе морду начистил.

Как же приятно было увидеть Витю! А я уже хотел было обидеться, что он обо мне мгновенно забыл у воеводы и даже с назначением в звеньевые не поздравил. Оказывается, не забыл! За его спиной маячили два знакомых лица: Петя с Бруно.

— Здорово, резерв! — громко сказал Витя. — Принимай пополнение! Я тут подумал, тебе полезно и приятно будет знакомых ребят в звене увидеть. Так что отдаю обоих! От сердца

отрываю! Рад?

— Не то слово, как рад! — улыбнулся я.

— А я не очень рад, — честно сказал Петя. — Не люблю резерв. Скукотища.

— Сегодня скучно не будет, — успокоил его Витя. — Мы же их лагерь окружаем, где фронт, где резерв — не очень понятно будет. Успеешь повоевать.

— Ты серьёзно насчёт Шкипера, Витёк? — спросил тощий дружинник.

— Серьёзно, Федя. Вот такой ваш новый звеньевой везучий.

— Да уж, везучее некуда, — пробурчал толстяк с арбалетом.

— Короче, народ, — распорядился Витя. — Перекур пять минут. Мне с вашим звеньевым переговорить надо.

Мы отошли немного в сторонку, оставив бойцов обсуждать новости и перемывать мне косточки.

— Больше никого не жди, твоё звено укомплектовано, — сказал Витя. — Я двоих привёл — за себя и за Мурзу.

— Это одиннадцать, — заметил я.

— Двенадцатая — Эсмеральда. А у неё звено чисто девчачье. От неё никого не жди.

— А какая мне разница, какое звено. Должна человека прислать.

— Не связывайся с ней, Алекс, — посоветовал Витя. — Во-первых, характер у неё дикий. Во-вторых, я уже слышал, вы с ней ещё с «Рыцарей» не ладите. А в третьих, Рексоман к ней явно неравнодушен.

— Да уж, причин достаточно, — погрустнел я.

— Ну вот, видишь! — обрадовался Витя. — Жди сотника со штабом, вы выходите последними. А мне пора бежать — мы уже выдвигаемся.

— Вить!..

— Да? — обернулся он уже на бегу.

— Покажи, в какой избе Эсмеральда.

— Зачем тебе? Она у самых ворот, слева от входа. Может, уже на марше!

— Спасибо тебе!

Распорядившись звену продолжать перекур, я решительным шагом направился к избе слева от входа. Из ворот уже выходили колонной несколько звеньев. Впереди на белом в яблоках коне я узнал Мамая. Зрелище было эффектное! К счастью, Эсмеральда ещё не вышла с заставы, хотя её звено, состоящее сплошь из хорошеньких девушек весьма воинственного вида, уже стояло построившись по две в колонну, в полной готовности к походу.

— Ты не к нам случайно, новичок? — кокетливо спросила

одна из девушек, невысокая блондинка с луком и колчаном стрел за спиной.

— Чего надо, Найт? — неприязненно спросила Эсмеральда.

— Что за Найт? — спросила ещё одна крепкая рыжеволосая девушка, с внушительным боевым топором в руке.

— Я бы тоже не прочь узнать, что за Найт, — поддержала третья девушка, шатенка с перевязанной красной ленточкой волосами.

Пока подружки Эсмеральды переговаривались и строили предположения, я подошёл к их командирше поближе.

— Ты забыла мне бойца в резерв прислать.

— Какого бойца? — возмутилась она. — Отвали, Найт. Не видишь, у меня одни девчонки.

— Ты Рексомана хорошо слышала? — настаивал я. — С каждого звена по человеку.

— Не поняла, а куда это нужно по человеку со звена? — переспросила рыжеволосая.

— Стелла, помолчи, — поморщилась Эсмеральда. — А тебе, Найт, я уже сказала. Исчезни.

Положение было неприятное. Я чувствовал, как слегка дрожат руки, как всегда случалось, когда я сильно нервничал или попадал вот в такие вот неоднозначные ситуации. Но одновременно бурлящими волнами во мне поднималось дикое упрямство и непреклонное желание довести начатое дело до конца. Если я чувствовал свою правоту, конечно. В данном случае я её чувствовал. И поэтому громко объявил:

— Значит так, девушки. Я по приказу Рексомана. Из вашего звена один доброволец в резерв. Прямо сейчас пойдёт со мной.

— Белопёрый, ты нарываешься, — зловеще сказала Эсмеральда.

— Резерв будет базироваться рядом со штабом заставы. Рексоман лично пообещал присматривать.

— А что, может, мне пойти? — хохотнула длинная нескладная девушка с копьём в руке.

— Ага, иди, Ева, — поддержала её рыжая. — Видишь, мальчик какой настырный. С таким не пропадёшь.

— Разговорчики! — повысила голос Эсмеральда. — Найт, даю тебе десять секунд убраться, после этого обнулю тебя к такой-то бабушке и плевать мне на Рексомана.

— На кого это тебе плевать? — раздался громогласный голос у меня за спиной.

Я оглянулся: к нам вразвалочку приближался Персиваль собственной персоной. Увидев его я сразу вспомнил, что звено Эсмеральды вместе с двумя другими было придано ему под

командование.

— Ты Алексу послала человека? — строго спросил Персиваль.

— Кого я пошлю? — огрызнулась Эсмеральда. — У меня же бабы одни!

— Ответ понятен, — сказал рыцарь. — Короче, сама выберешь, или мне назначить?

— Персиваль, ты бы не лез на рожон, — неожиданно тихо сказала Эсмеральда. Но именно теперь от её голоса повеяло явной угрозой.

— Так. Ты, красавица, — Персиваль показал пальцем на рыжеволосую. — Или вот ты, чаровница, — теперь его перст указывал на приглянувшуюся мне лучницу с вьющимися светлыми волосами. — Одна из вас пойдёт с ним. Решайте сами.

— Стелла, стоять, — приказала Эсмеральда.

— Значит, ты, — подвёл итог Персиваль. — Как зовут?

— Агнешка, — представилась блондинка.

— Алекс, зачисляй в резерв. И шевелись, время идёт.

— Спасибо, Персиваль! — с чувством сказал я.

— Пустяки, — отмахнулся он.

А вот по тому, как сверкнула на нас глазами Эсмеральда я понял, что она мне этого не забудет. Ну, это ладно. Мне не привыкать с ней на ножах быть. Так даже спокойнее. Люблю ясность в отношениях.

Внутри крепость была не менее красивой и уютной, чем выглядела снаружи. Центральный терем, кроме часовенки, окружали несколько изб и сараев. Изнутри стены оказались двухъярусными, с приставными лесенками. Я сразу вспомнил фильм «Иван Васильевич меняет профессию», где герои бегали по таким же ярусам и в итоге спрыгнули вниз на стог сена. Сено, кстати, здесь тоже было, так же как и небольшая конюшня. По двору деловито сновали дружинники, откуда-то вкусно пахло походной кухней.

Наш отряд разделился: дружинники отправились по своим избам-казармам, рыцари — на доклад к сотнику. Нам с Витей Мамай тоже приказал зайти на доклад, но сначала доставить пленного в карцер. Его функцию выполняла небольшая каморка сразу за конюшней. Мы усадили его там на охапку соломы, и закрыли дверь-решётку, повесив на неё внушительный замок.

— Может, развязать его? — спросил я.

— Зачем? Чтобы он себя об стенку обнулил? — резонно возразил Витя.

Пленник с ненавистью сверкнул на нас глазами.

— Мы вас всех выкосим, подчистую, — пообещал он.

— Выкосите, выкосите, — согласился Витя. — Ты смотри тут,

не балуй. Здоровье береги.

— Видишь ту большую избу, — показал Витя, когда мы отошли от карцера. — Оттуда в случае чего мы всех спящих забираем. Помнишь, что я тебе вчера рассказывал перед сном?

— Помню, — улыбнулся я.

— Это на всякий случай тебе говорю, если в реал захочешь выйти.

— А в какую избу мне заселяться? Где жить буду? — спросил я.

— У нас это довольно условно, — ответил Витя. — Мы же в них не живём, сам понимаешь. Так, приписаны для порядку. В каждой избе — по два звена, так удобнее командовать.

— А мне в какое звено нужно? Может, в твоё?

— Буду рад, если в моё попадёшь, — улыбнулся Витя. — Это вообще-то Рексоман лично решает. Не волнуйся, сейчас он тебе сам скажет. Давай быстрее, хватит по сторонам глазеть. Сотник ждать не любит.

— Так как не глазеть, — возразил я. — Уж больно красивую вы крепость отгрохали. А ворота одни, запасных нету?

— Ворота одни, зато потайной лаз имеется, за конюшней, — сообщил Витя. — Вообще-то, крепость мы не сами строили.

— А кто же тогда?

— У князя друзей много на сервере, это типа как подарок от одного из них. От князя поморов. У них там умельцев много, приезжала целая команда.

— Хороший подарок, царский. То есть, княжеский! — оценил я.

— Да, княжеский. А мы им, кажется, фонтан какой-то навороченный подарили. Есть тут у нас один спец.

— Помню-помню, возле кузницы на площади тоже фонтан стоит. Его работа?

— Его, кого же ещё, — подтвердил Витя. — А в целом по городу штук пять наберётся.

Мы остановились у крыльца одной из избушек. Никакой охраны не было и в помине, да и зачем: мы на территории охраняемой заставы.

— В общем, ты не удивляйся, — предупредил Витя. — Рексоман мужик классный, только раздражительный. Может и матом обложить. Пусть тебя это не смущает.

— Ну, того, кто в наших автобусах по утрам ездил, это не смутит, — успокоил его я.

— Это хорошо. Ну тогда пошли.

Витя первым поднялся по ступеням и толкнул входную дверь.

За большим овальным столом с разложенной на нём картой

сидело с дюжину мужчин — включая уже знакомых мне рыцарей — и две девушки. Конечно же, они были симпатичными, в играх редко встречаешь других. Одна тёмненькая, а другая — светленькая. Девушки от природы так любят прихорашиваться, что в виртуале моментально овладевают всеми секретами настроек внешности и наконец реализуют свой идеал красоты. Или мужской идеал, не знаю, как правильнее. Лично я это только приветствую, и все мужское население виртуала тоже.

Во главе стола восседал стройный рыцарь с вытянутым аристократическим лицом. Непослушные вихры тёмных волос придавали его образу одновременно одухотворённость и некоторое мальчишество. При нашем появлении он прервал свою речь и осмотрел нас долгим пристальным взглядом.

— Проходи, Витя, — сказал он. — А это, я так понимаю, и есть наш новичок?

Мамай, сидевший по правую руку от него, утвердительно кивнул.

— Алекс, — представился я, чувствуя себя неловко под взглядами собравшихся. Тем более, что они сидели, а я стоял навытяжку, как перед приёмной комиссией.

— И ты проходи, Алекс, присаживайся, — милостиво разрешил Рексоман. — Извини, некогда церемонии разводить, позже с народом познакомишься.

Я облегчённо кивнул, и осторожно присел за стол рядом с Витей.

— Итак, други мои, коротко повторюсь специально для опоздавших, — сказал Рексоман. — Как видите, у нас тут экстренный военный совет. Разведчики обнаружили базу Шкипера. Часах в трёх ходьбы. Вот здесь.

Он ткнул пальцем в красный кружок на карте.

— Хорошо устроился, гад, — недовольно продолжил он. — По флангам у него болото, спереди — чаща, в тылу — гандарийская граница. Далее. После стычек в последние дни его банда ослаблена и силы восстановит не сразу. Алекс, тебе понятно, почему не сразу?

Я не ожидал, что он ко мне обратится, и смущённо пожал плечами.

— У него банда — сборная солянка, — пояснил Мамай. — Все из разных мест. Соответственно, когда их обнуляешь, они возвращаются в свои исходные точки, кто где. И возвращаются в банду по-разному — кто-то относительно быстро, а кто-то — только через день-другой.

— Спасибо, — кивнул Рексоман. — Теперь дальше. Пару часов назад возвращавшийся с Мамаем отряд попал в засаду —

там Шкипер снова людей потерял. Ну, это вы и сами знаете, участвовали. Короче, сейчас у них народу на базе должен оставаться самый минимум. А значит, мы можем это гнездо вычистить.

— Всё равно ведь вернутся, — вздохнул рыжеволосый здоровяк, сидящий как раз между двумя девушками.

— Вернутся, Артиус, работа у них такая, — согласился Рексоман. — А наша работа — их бить и с нашей земли выталкивать. Уничтожим базу — им придётся новую искать, обустраивать, это время займёт, а нам передышка тоже не помешает.

— Это точно, — подтвердил Добрыня.

— И потом, нам вообще надо тактику пересмотреть, как Шкиперу всё время удаётся у нас под носом окапываться, — продолжил сотник. — Ну да ладно, это тема следующего совета будет. А пока кратко обрисую диспозицию. Выдвигаемся четырьмя сводными отрядами. Мамай ведёт звенья Виктора, Артиуса и Смагарда. Боевая задача — выйти к Шкиперу в тыл, блокировать Гандарийскую границу, отрезать ему путь к отступлению.

— Сделаем, командир, — степенно кивнул Мамай.

— Второй отряд поведёт Добрыня, — продолжил Рексоман. — Кроме своего звена поведёшь звено Горыныча. Задача — ударить с фланга. С левого. А Василиса с третьим отрядом ударит с правого. Василиса, ты к своему звену берёшь звено Икара. Всё ясно?

— Всё ясно, — подтвердила светловолосая девушка.

— Жаль, что не вместе с Василисой, — задумчиво сказал Добрыня. Собравшиеся заулыбались.

— Разговорчики! — одёрнул его сотник. — Оставшиеся звенья Давида, Мурзы и Эсмеральды придаются Персивалю с его головорезами. Вы ударите с фронта. Очкарик, остаёшься на заставе. Задача твоего звена — охрана. Всех просыпающихся будешь собирать к себе в сводный отряд. Будьте начеку. Хронометраж такой: сейчас без десяти два. В три часа на заставе, кроме Очкарика, никого не должно быть. К шести на исходные позиции выходят Персиваль, Добрыня и Василиса. Слишком близко не подходить, внимательно все обшарить разведкой — у них наверняка патрули в лесу. Надо их заблаговременно обнаружить и снять по-тихому, чтобы тревогу не подняли. Ещё час даём тебе персонально, Мамай, чтобы ты поглубже в тыл успел зайти. Выдвигайся с заставы первым. В семь ноль-ноль Добрыня и Василиса одновременно бьют с флангов, в семь ноль-пять Персиваль наваливается с фронта. Вопросы?

— У меня вопрос, — сказала Василиса. — Кто у нас в резерве?

— В резерве у нас будет новый звеньевой, Алекс, — неожиданно для меня сказал Рексоман. — Справишься?

Я кивнул прежде, чем успел осмыслить его слова.

— Вот и хорошо, — одобрил сотник. — Алекс — воробей стреляный, в Нереалии недавно, но зарекомендовал себя хорошо. А до этого паладином был в «Рыцарях Средневековья». Мне воевода рекомендательную настрочил.

Кто-то восхищённо присвистнул. У меня кровь вдруг резко прилила к щёкам.

— Ему только опыта набраться, — продолжил Рексоман. — Ты не боись, Алекс, я со своим полевым штабом поблизости буду, подскажу, если что. Скиньтесь по человеку со звена на резерв. Пусть прибудут к моей избе. А теперь — за работу, время! Отрядам — по мере готовности — выдвигаться, остальных не ждать! Удачи и победы! Порвём гадов!

Звеньевые встали из-за стола, но расходиться не спешили: обсуждали детали предстоящего боя, согласовывали взаимодействие. Я тоже поднялся, не зная, с кем заговорить и куда идти. Витя, как назло, убежал к Мамаю, который раздавал ему и ещё двоим приданным ему звеньевым ценные указания. Чувствуя себя крайне неловко, я уже собрался было выйти из избы во двор, как вдруг услышал зычный голос сотника:

— Алекс, задержись на минутку!

Я обернулся — Рексоман пробирался ко мне, по пути пожимая руки звеньевых и ободряюще похлопывая их по спинам. Проходя мимо темноволосой девушки, он слегка приобнял её за талию и мягко увлёк за собой.

— Познакомься, Алекс, это Эсмеральда. Очаровательная девушка, сама доброта. Но в бою — пантера. Люди Шкипера её как огня боятся.

Девушка улыбнулась, протянула мне руку. Я осторожно пожал её.

— Эсмеральда тоже в «Рыцарях» играла, может, пересекались?

— Тебя как там звали? — спросила она.

— Найт, — вырвалось у меня.

— Это который Найт? Из «Белого Ордена»? — удивилась девушка.

— Да, было дело, — досадуя на свою откровенность, признал я.

— Так ты же, вроде, у них МИДом был, за внешнюю политику отвечал?

— Ого, какие таланты к нам на заставу ветром заносит! — восхитился Рексоман.

Все мои планы по сохранению инкогнито летели кувырком. Но теперь было уже поздно.

— А ты случайно не Эсмеральда из «Санёбиуса»? — спросил я.

— Она самая! — подтвердила девушка и довольно улыбнулась. — Ну, здравствуй, Найт. Вот так встреча!

Санёбиус был нашим главным врагом в «Рыцарях Средневековья». Народ там собрался интеллектуальный, энергичный и весьма циничный. Не брезговали никакими методами ради достижения целей. «Слабые — законная добыча сильных». Примерно так можно сформулировать их философию. Нам постоянно приходилось сражаться с их кланом, а мне ещё и вести с ними долгие и нудные переговоры, предлагая им прекращение огня с нашей стороны в обмен на их присоединение к выработанным нами рыцарским принципам честной игры. На наши принципы они, конечно, плевать хотели, поэтому переговоры успехом не увенчались. Непосредственно с Эсмеральдой мы не раз встречались в поединках, только выглядела она раньше немного по-другому, потому и не узнал. Да и откуда я мог предположить, что встречу её здесь, на заставе!

— Здравствуй, Эсмеральда. Без коня и доспехов я тебя не узнал, — без особой радости сказал я.

— Да и я тебя без белого пера, признаться, тоже, — криво усмехнулась она.

— Ну-ну, мне тут старые разборки ни к чему, — быстро сказал Рексоман. — Что было, то прошло. Ну-ка забыли мне всё, и обнялись-поцеловались.

— Я бы его поцеловала, — усмехнулась Эсмеральда. — Да не знаю, захочет ли он. Белые рыцари все чистюли и высоконравственные личности. А я для него злодейка и беспредельщица.

— В общем, так, — строго произнёс Рексоман. — Алекс, я тебя с Эсмеральдой познакомил, потому что у вас игровой опыт похожий, она тебе адаптироваться у нас поможет. Увижу, что у заставы проблемы из-за ваших отношений — сразу отправлю назад к воеводе. Тебя, Алекс, отправлю — потому что Эсмеральда себя прекрасным бойцом и звеньевым зарекомендовала, и я предпочту оставить её. Всё понятно?

— Всё понятно, — буркнул я, чувствуя, как начинают гореть уши.

— Тогда вперёд. Звеньевые тебе сейчас людей пришлют, жди их во дворе, — сотник повысил голос. — Народ! А ну разойтись!

Чтоб через три минуты у меня в избе никого не было! И не забудьте людей в резерв прислать!

Я стоял возле избы сотника в некоторой растерянности, а передо мной переминались с ноги на ногу девять дружинников. Рыцари и звеньевые разбежались по избам, оставив меня наедине с нежданно-негаданно свалившейся ответственностью.

— Ты, что ли, за звеньевого у нас будешь? — ехидно спросил один из дружинников, невысокий тощий брюнет, сплюнув себе под ноги.

Остальные одобрительно заулыбались. Ну понятно, когда сотник приказал скинуться на резерв, каждый звеньевой счёл за счастье избавиться от наиболее неприятных и неуправляемых типов в своей команде. И мне теперь этой бандой командовать придётся? У нас в «Белом Ордене» народ совсем другой был.

Я пропустил вопрос тощего дружинника мимо ушей и как можно строже спросил:

— Почему вас только девять? Где остальные?

— Не кричи, начальник, не глухие, — ответил мне хмурый толстяк с арбалетом в руках. — Нам фиолетово, сколько и кого. Когда выступаем?

— Выступаем по моей команде, — усмехнулся я. — А пока устроим перекличку: имя, звено. Или сразу скажите, кого здесь не хватает. Должно быть по одному от каждого звена. Звеньев двенадцать.

— А наше, значит, тринадцатое, — сказал тощий дружинник. — Везёт же нам.

— Ага. И командир у нас похоже тоже, тринадцатый, — поддержал его толстяк.

— Не, он скорее шестой, — сострил тощий, и оба засмеялись, довольные своим остроумием.

— Вы двое остаётесь на заставе, — сообщил я. — Валите в звено Очкарика. Мне такие остряки в резерве не нужны.

— Ты чё, командир, — примирительно сказал толстяк. — Шуток не понимаешь?

— На привале будешь шутить. Объясняю обстановку. Сейчас двадцать минут третьего. В три нас на заставе быть не должно.

— Это всё понятно, — сказал тощий. — Только ты не с того начинаешь, звеньевой. Ты по-человечески расскажи: кто такой, откуда, сколько уже в игре. А то мужики говорят, ты второй день играешь, и уже в командиры пролез. Объясни людям!

— Что ж, вопрос законный. Объясняю, — вздохнул я. — Звать меня Алекс, в Нереалии я второй день. Это правда.

Дружинники недовольно загудели, стали переглядываться.

Я мысленно навсегда простился с моей политикой

анонимности в игре.

— До этого играл в «Рыцарях Средневековья». Паладин.

Толстяк от изумления едва не выронил арбалет.

— Гонишь! — сказал он.

— Найт меня зовут. Белый Орден. Если кто слышал.

— Я слышал, — негромко сказал молчавший до сих пор коротышка с окладистой бородой, больше всего походящий не на дружинника, а на гнома. — Борцы за справедливость. Супергерои. В общем, джедаи доморощенные.

— А драться эти джедаи умеют? — скептически спросил тощий дружинник.

— Не знаю, как джедаи, — раздался вдруг знакомый голос. — А вот Алекс в первый же день Шкиперу в городе морду начистил.

Как же приятно было увидеть Витю! А я уже хотел было обидеться, что он обо мне мгновенно забыл у воеводы и даже с назначением в звеньевые не поздравил. Оказывается, не забыл! За его спиной маячили два знакомых лица: Петя с Бруно.

— Здорово, резерв! — громко сказал Витя. — Принимай пополнение! Я тут подумал, тебе полезно и приятно будет знакомых ребят в звене увидеть. Так что отдаю обоих! От сердца отрываю! Рад?

— Не то слово, как рад! — улыбнулся я.

— А я не очень рад, — честно сказал Петя. — Не люблю резерв. Скукотища.

— Сегодня скучно не будет, — успокоил его Витя. — Мы же их лагерь окружаем, где фронт, где резерв — не очень понятно будет. Успеешь повоевать.

— Ты серьёзно насчёт Шкипера, Витёк? — спросил тощий дружинник.

— Серьёзно, Федя. Вот такой ваш новый звеньевой везучий.

— Да уж, везучее некуда, — пробурчал толстяк с арбалетом.

— Короче, народ, — распорядился Витя. — Перекур пять минут. Мне с вашим звеньевым переговорить надо.

Мы отошли немного в сторонку, оставив бойцов обсуждать новости и перемывать мне косточки.

— Больше никого не жди, твоё звено укомплектовано, — сказал Витя. — Я двоих привёл — за себя и за Мурзу.

— Это одиннадцать, — заметил я.

— Двенадцатая — Эсмеральда. А у неё звено чисто девчачье. От неё никого не жди.

— А какая мне разница, какое звено. Должна человека прислать.

— Не связывайся с ней, Алекс, — посоветовал Витя. — Во-первых, характер у неё дикий. Во-вторых, я уже слышал, вы с ней

ещё с «Рыцарей» не ладите. А в третьих, Рексоман к ней явно неравнодушен.

— Да уж, причин достаточно, — погрустнел я.

— Ну вот, видишь! — обрадовался Витя. — Жди сотника со штабом, вы выходите последними. А мне пора бежать — мы уже выдвигаемся.

— Вить!..

— Да? — обернулся он уже на бегу.

— Покажи, в какой избе Эсмеральда.

— Зачем тебе? Она у самых ворот, слева от входа. Может, уже на марше!

— Спасибо тебе!

Распорядившись звену продолжать перекур, я решительным шагом направился к избе слева от входа. Из ворот уже выходили колонной несколько звеньев. Впереди на белом в яблоках коне я узнал Мамая. Зрелище было эффектное! К счастью, Эсмеральда ещё не вышла с заставы, хотя её звено, состоящее сплошь из хорошеньких девушек весьма воинственного вида, уже стояло построившись по две в колонну, в полной готовности к походу.

— Ты не к нам случайно, новичок? — кокетливо спросила одна из девушек, невысокая блондинка с луком и колчаном стрел за спиной.

— Чего надо, Найт? — неприязненно спросила Эсмеральда.

— Что за Найт? — спросила ещё одна крепкая рыжеволосая девушка, с внушительным боевым топором в руке.

— Я бы тоже не прочь узнать, что за Найт, — поддержала третья девушка, шатенка с перевязанной красной ленточкой волосами.

Пока подружки Эсмеральды переговаривались и строили предположения, я подошёл к их командирше поближе.

— Ты забыла мне бойца в резерв прислать.

— Какого бойца? — возмутилась она. — Отвали, Найт. Не видишь, у меня одни девчонки.

— Ты Рексомана хорошо слышала? — настаивал я. — С каждого звена по человеку.

— Не поняла, а куда это нужно по человеку со звена? — переспросила рыжеволосая.

— Стелла, помолчи, — поморщилась Эсмеральда. — А тебе, Найт, я уже сказала. Исчезни.

Положение было неприятное. Я чувствовал, как слегка дрожат руки, как всегда случалось, когда я сильно нервничал или попадал вот в такие вот неоднозначные ситуации. Но одновременно бурлящими волнами во мне поднималось дикое упрямство и непреклонное желание довести начатое дело до

конца. Если я чувствовал свою правоту, конечно. В данном случае я её чувствовал. И поэтому громко объявил:

— Значит так, девушки. Я по приказу Рексомана. Из вашего звена один доброволец в резерв. Прямо сейчас пойдёт со мной.

— Белопёрый, ты нарываешься, — зловеще сказала Эсмеральда.

— Резерв будет базироваться рядом со штабом заставы. Рексоман лично пообещал присматривать.

— А что, может, мне пойти? — хохотнула длинная нескладная девушка с копьём в руке.

— Ага, иди, Ева, — поддержала её рыжая. — Видишь, мальчик какой настырный. С таким не пропадёшь.

— Разговорчики! — повысила голос Эсмеральда. — Найт, даю тебе десять секунд убраться, после этого обнулю тебя к такой-то бабушке и плевать мне на Рексомана.

— На кого это тебе плевать? — раздался громогласный голос у меня за спиной.

Я оглянулся: к нам вразвалочку приближался Персиваль собственной персоной. Увидев его я сразу вспомнил, что звено Эсмеральды вместе с двумя другими было придано ему под командование.

— Ты Алексу послала человека? — строго спросил Персиваль.

— Кого я пошлю? — огрызнулась Эсмеральда. — У меня же бабы одни!

— Ответ понятен, — сказал рыцарь. — Короче, сама выберешь, или мне назначить?

— Персиваль, ты бы не лез на рожон, — неожиданно тихо сказала Эсмеральда. Но именно теперь от её голоса повеяло явной угрозой.

— Так. Ты, красавица, — Персиваль показал пальцем на рыжеволосую. — Или вот ты, чаровница, — теперь его перст указывал на приглянувшуюся мне лучницу с вьющимися светлыми волосами. — Одна из вас пойдёт с ним. Решайте сами.

— Стелла, стоять, — приказала Эсмеральда.

— Значит, ты, — подвёл итог Персиваль. — Как зовут?

— Агнешка, — представилась блондинка.

— Алекс, зачисляй в резерв. И шевелись, время идёт.

— Спасибо, Персиваль! — с чувством сказал я.

— Пустяки, — отмахнулся он.

А вот по тому, как сверкнула на нас глазами Эсмеральда я понял, что она мне этого не забудет. Ну, это ладно. Мне не привыкать с ней на ножах быть. Так даже спокойнее. Люблю ясность в отношениях.

Глава шестая. Лесной бой

Возле избы сотника, кроме моих бойцов, переминались с ноги на ногу ещё несколько дружинников, должно быть, штабные. Тут же стояла телега, с уже знакомым мне по переходу из Смоленска возницей. Похоже, Рексоман рассчитывает на богатый трофей. Хотя, если план сработает, трофея будет достаточно. И телега будет очень кстати.

Наше появление в расположении вверенного мне звена произвело настоящий фурор. Бойцы встретили нас одобрительным гулом и восхищёнными возгласами. Ну, если быть точным, то не нас, а Агнешку — но мой авторитет тоже явно вырос. Во всяком случае, ни одной скользкой шуточки в мой адрес отпущено не было, и даже Федя бросил на меня одновременно довольный и удивлённый взгляд.

Бородатый коротышка, которого я про себя называл гномом, негромко сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А звеньевой-то наш не промах!

Я решил не терять инициативы и с некоторой ленцой в голосе произнёс:

— Звено, стройся!

— Говори, командир, чего хочешь, — сказал мне Петя. — Не принято у нас строиться.

— Строиться — не значит в шеренгу, — пояснил я. — Это значит — оторвались от Агнешки, повернулись ко мне и послушали внимательно. Успеете ещё познакомиться.

Бойцы нехотя отвели взгляды от смущённой девушки.

— Она насовсем у нас, или как? — спросил Федя.

— Она-то насовсем, — сказал я. — А вот насчёт остальных я ещё не решил. Посмотрим на вас в деле сначала.

— Ого, а гонору тебе не занимать, — улыбнулся Бруно.

— Звено теперь полностью укомплектовано, — продолжил я. — Боевая задача пока простая: сопровождаем штаб, ждём дальнейших распоряжений.

— Как думаешь, командир, дойдёт до реальной драки или так в тылу и просидим? — спросил хмурый толстяк с арбалетом.

— Тебя как звать? — спросил я.

— Макарычем.

— Обязательно дойдёт, Макарыч. Бросят в самое пекло. А вот кто действительно в тылу просидит — так это люди Очкарика. Уборка территории и всё такое. Если кто передумал с нами идти, может остаться.

К моей радости, желающих остаться не оказалось. Бойцы

ухмылялись, испытующе смотрели друг на друга. У меня даже появилась надежда, что мы сможем стать настоящей командой.

Дверь избы негромко скрипнула, и на крыльце появился сотник. Вместо ожидаемых мною доспех на нем была лишь вполне обычная на вид кольчуга, разве что сияла уж больно ярко. К крыльцу немедленно подбежал важного вида подросток в холщовой рубахе, ведя под уздцы вороного коня. Рексоман похлопал коня по крупу, а затем неуловимым движением взлетел в седло. Цепко осмотрелся по сторонам, слегка щурясь на солнце. Наконец, удовлетворённо сказал мне:

— Бойцов инструктируешь? Ну-ну!

— Звено к походу готово, — доложил я.

— Ну, раз готово, будем выдвигаться, — приказал он. — Но, родимый!

Конь гордо поднял голову, тряхнул гривой. Затем важно фыркнул и торжественно зашагал в сторону ворот. За ним потянулись штабные, тронулась с места и заскрипела колёсами телега. Я посмотрел на своих бойцов, сделал приглашающий жест рукой и первым пошёл вперёд.

На позицию вышли к началу седьмого. За это время я успел сходить в реал, перекусить и отдохнуть — благо, персонаж в Нереалии оказался способен выполнять простейшие действия самостоятельно. Например, следовать за другим указанным персонажем или за телегой. Бруно объяснил мне, как это делается. Потом остаётся только следить за часами, чтобы не «проспать» нужный момент и вовремя зайти в игру.

Судя по тишине и отсутствию разговоров, я вернулся одним из первых. Слева и справа шагали мои бойцы, впереди всё так же скрипела телега, ещё дальше на коне гарцевал Рексоман. Интересно, он тоже выходил в реал? Может, в магазин сбегал за кефиром или там младшего братика из детского сада забрал. Интересно было бы узнать. Вот только редко в виртуале люди откровенничают. Твоя реальная жизнь — тайна за семью замками, и расспрашивать человека об этом является верхом неприличия. Другое дело, если человек сам рассказывает. Но для этого, как правило, пуд соли вначале надо «съесть», стать ему едва ли не братом. Вот в «Белом Ордене» у нас было настоящее братство… Мы не только по виртуалу знакомы были. По крайней мере, руководящий состав. Хотя было и у нас одно исключение, лорд Керис. Живёт в Киеве — вот и всё, что мы о нём знали. И никогда не расспрашивали. Мало ли, какие у человека причины хранить инкогнито.

Рексоман поднял руку, давая знак остановиться, и лихо спрыгнул с коня. Один из штабных немедленно взял вороного под

уздцы и отвёл в сторону, привязал к сосне.

— Располагайся, народ. Перекур пока, — скомандовал я, и направился к сотнику, расстилавшему на телеге уже знакомую мне карту.

— Какие будут указания? — спросил я его.

— Пока никаких, Алекс, — задумчиво сказал Рексоман. — Как сам думаешь, где Шкипер пробиваться будет?

— Ну, во фронт точно бить не будет.

— Это понятно. Понимает, что там у нас главные силы сосредоточены.

— На Мамая он попрёт, ясен пень, — вступил в разговор один из штабных, высокий нескладный парень с золотистым медальоном на шее.

— Не факт, Марат, не факт, — Рексоман почесал подбородок. — Оно, конечно, заманчиво — граница там, уйти можно, но он же не дурак, понимает — перекроем мы ему этот путь.

— Но в болото он тоже не полезет, — сказал я. — Слева и справа болото.

— В болоте тропы бывают, — поучительно сказал второй штабной, который привязывал коня. — И вообще, кто знает, как по болоту ходить — пройти сможет.

— Семён прав, — Рексоман сверлил взглядом карту. — Только в спешке можно и оступиться. В болоте как — шаг влево, шаг вправо — и тю-тю. Не будет он так рисковать — кому охота, чтоб его трясина засосала.

— Вот уж неприятный способ обнулиться, — поддержал его Марат.

— Ну тогда или на Мамая, рискнув пойти на прорыв, или в проёмы, — подытожил я.

— В какие проёмы? — не понял сотник.

— Ну вот здесь, просвет между болотом и отрядом Мамая, с левой стороны, — показал я. — И справа точно такой же. На стыках между соседними частями всегда с обороной проблемы, это же классика военного искусства. Добрыня будет думать, что Мамай стык прикроет, а Мамай — что Добрыня. В результате там вообще может никого из наших не оказаться.

Марат посмотрел на меня уважительно.

— Я согласен с Алексом, — лаконично сказал Семён. — Это наиболее вероятные пути прорыва.

— Тогда нам нужно бы эти проёмы прикрыть, — сделал вывод Рексоман.

— Люди уже на позициях, — напомнил Марат. — Все, кроме Мамая. Поздно что-то менять.

— А связи нет у вас? Рации какой-нибудь, — спросил я. — То

есть, у нас.

— Алекс, во-первых, для связи у нас всегда остаются личные сообщения, а также обычная связь через реал, — терпеливо сообщил Рексоман. — Во-вторых, если ты забыл, технологии денег стоят. Князь покупает только самые необходимые. И в-третьих, я не собираюсь сейчас дёргать никого из командиров отрядов, у них свои задачи. Решим вопрос теми силами, которые есть у нас.

— А как это происходит, с технологиями? — спросил я.

— Он второй день в игре, — напомнил сотник в ответ на вопросительный взгляд Марата.

— У нас своей академии наук нет, к сожалению, — пояснил Марат. — Поэтому мы можем технологии только покупать. Или обменивать. А потом она через ратушу инсталлируется для того, чтобы любой гражданин Смоленска мог ей пользоваться. Есть ещё нюансы всякие, например, индекс технологического развития. Он по формуле вычисляется на основе имеющихся технологий. И если наш индекс на столько-то процентов ниже, скажем, синекрионского — то они на нас напасть не могут по закону игры. Это правильно, иначе у нас бы шансов не было. Кстати, поэтому они обычно чужими руками действуют. Но мы можем не бояться, что к нам завтра кто-то с пулемётами нагрянет. Или даже с мушкетами. Я считаю, это одно из важнейших правил в Нереалии.

— И правильно! — кивнул Семён. — Не хватало ещё тут от гранат уворачиваться.

— Ближе к делу, — попросил Рексоман. — Давайте насчёт проёмов решать. Похоже, Алекс, это твоя будет задача. И лучше время не терять, выдвигаться немедленно.

— Маршрут? — спросил я.

— Мы сейчас тут, в тылу нашего левого фланга, на юго-западе от Шкипера, — показал Рексоман. — Дуй на северо-запад, на стык Добрыни с Мамаем. Если там тихо будет — иди дальше, на северо-восток, на стык Мамая и Василисы. По дороге старайся в бой не вступать — твоя задача вовремя на первый стык попасть, это значит, к семи или чуть позже. В полвосьмого может быть уже поздно — упустим птичку, проскользнёт в эти самые проёмы.

— Понял.

— Семён, давай-ка с ними, — приказал Рексоман. — Ты человек опытный, если что подсобишь, и мечом, и советом.

— Сделаю, — кивнул Семён.

— Да, и ещё — смотрите, по болоту осторожно. Времени у вас достаточно — так что берите палки, щупайте дорогу, ну, как на болоте полагается. Справитесь?

— Я из Белоруссии родом, — улыбнулся я. — С болотами с детства знаком. Справимся.

Звено продвигалось довольно медленно. Я шёл впереди, прощупывая трясину длинной жердью. Вообще-то, у каждого было по жерди, но на то он и командир, чтобы впереди идти. К тому же, меня одолела романтика родных мест и партизанских троп, воспетых в Белоруссии. Болотистая местность передана была идеально, точно такие воспоминания у меня с детства и остались, когда с отцом или с пацанами чуть дальше разумного в чащу забредали.

Сразу за мной шёл Семён, время от времени корректируя траекторию нашего движения. У него с собой был компас, который, к счастью, не требовал отдельной платной технологии. По дороге он рассказал мне, что существует так называемый «базовый пакет», который ты получаешь при создании нового королевства и куда входят многие основополагающие или просто полезные вещи. Например, огонь, вода, воздух, законы физики, типа притяжения земли или магнетизма полюсов лежали, так сказать, в самой основе игровой вселенной. Вообще, за несколькими исключениями, в этот пакет входит всё, что можно сделать руками. Например, всё необходимое для стандартных ремёсел — для гончаров, портных, сапожников и так далее. Мне сразу вспомнился обширный список возможных профессий при регистрации. А ещё я понял, что в каждом королевстве список доступных профессий разный — всё зависит от купленных или исследованных технологий. Оказывается, можно и самим многое «открыть», если в королевстве работает академия наук со множеством учёных и приличным бюджетом. В таком случае можно звено за звеном «разматывать» цепочку открытий, когда одно вытекает из другого. Эту идею создатели игры, похоже, позаимствовали в классических компьютерных пошаговых стратегиях. Что ж, идея хорошая, а игра от этого только интереснее.

Мы шли где-то в тылах Добрыни. Интересно, а как он тут прошёл? Или он шёл восточнее, и там трясины нет? Надо будет спросить у него потом. На часах было уже без десяти минут семь, когда за спиной у меня кто-то вскрикнул и начал материться. Я оглянулся — Федя по пояс провалился в серую жижу. Я немедленно поднял руку, приказывая отряду остановиться.

На мой взгляд, Федя погружался в трясину слишком уж быстро. Впрочем, в реальной жизни я такого никогда не наблюдал, так что оспаривать правдоподобность происходящего не стал бы. Нелепо барахтаясь и пытаясь руками ухватиться за низкорослую болотную растительность, боец скрылся в болоте

уже по грудь. От меня он был довольно далеко, а бегать по болоту нельзя.

— Бруно, Агнешка! — скомандовал я двум его соседям. — Жерди! Аккуратно! Под мышки ему!

Мучительно медленно тянулись к Феде спасительные жерди. Когда он ухватился за них, над предательской жижей виднелись лишь его голова и плечи. Вот одна жердь выскользнула из его руки, и Агнешка чуть не упала, потеряв равновесие. Тогда Федя обеими руками ухватился за вторую жердь, а Бруно, не дожидаясь моего приказа, лёг на живот, и очень медленно и осторожно стал подтягивать жердь к себе. Через несколько мгновений к нему присоединилась Агнешка. Остальные молча наблюдали за этой сценой, не зная, как помочь, и опасаясь сделать неверное движение и самим позорно обнулиться в этом болоте.

Через несколько томительно долгих минут Федя лежал на относительно твёрдой поверхности тропы, отдуваясь и всё ещё сжимая обеими руками спасительную жердь.

— Ты в порядке? — крикнул ему я.

Он неловко поднялся, отряхнул с себя куски грязи, оставаясь вымазанным болотной жижей по самые плечи.

— Полшага в сторону сделал, и капец, — мрачно сказал он.

Я глянул на часы. Без малого семь часов.

— Времени у нас в обрез, — сказал я. — Так что в темпе двигаемся дальше. Старайтесь идти след в след.

Мы как раз вышли из трясины на твёрдую землю — небольшую полянку на опушке леса, когда откуда-то справа от нас донеслись крики и металлический звон.

— Атака началась точно по времени, — сказал Семён, посмотрев на часы.

— Далеко нам ещё? — спросил я.

— Вообще-то, не очень, — Мы уже на опушке, остаётся ещё на полкилометра примерно в лес углубиться — это и будет брешь.

— А я бы тут прорывалась, — неожиданно сказала подошедшая Агнешка. — По самой кромке болота.

— Это почему же? — спросил Семён.

— Вероятность меньше, что засаду встретишь, — пожала плечами она. — Никто не подумает, что ты по болоту на прорыв пойдёшь. Если засада и будет — то в лесу. А у болота засаде и спрятаться-то негде.

— Пожалуй, Агнешка права, — подумав, согласился я. — Я бы тоже здесь прорывался.

— Может, разделимся? — предложил Семён.

— Нас четырнадцать человек, — возразил я, — сколько будет людей со Шкипером, мы не знаем. Разделиться — значит

рисковать провалить задание. Какой толк, если они ползвена перебьют и спокойно пойдут дальше?

— А если они всё звено перебьют? — философски заметил Макарыч, очень колоритно смотревшийся со своим арбалетом на плече.

— Всех вместе сложнее перебить, — сказал я и повысил голос. — Народ, слушай мою команду!

— Да слышим, командир, слышим, — сказал Бруно. — Чего глотку-то рвать.

— Значицца так, — смущённо продолжил я. — Устраиваем засаду здесь. Агнешка и Макарыч — отойдите подальше и выберите себе позиции сами, чтобы полянка вами хорошо простреливалась. Петя, Бруно, Федя — залягте тут, или в болоте — придумайте что-нибудь, чтоб вас видно не было. Можете в воду и дышать через соломинку, мне все равно — главное, чтоб вас не засекли раньше времени.

— Может, сам заляжешь, — проворчал Бруно.

— И сам залягу, не беспокойся, — ответил ему я. — Остальные — в лес, в кусты, или на деревья — разберётесь сами, не маленькие. Семён — останься со мной. Вопросы?

— Какой будет условный сигнал? — спросила Агнешка.

— Условный сигнал? — смутился я. — Прокричу кукушкой. Три раза. До того времени не высовываться и не стрелять.

— Может, лучше совой? — с сомнением сказал Бруно.

— Разговорчики! — рассердился я. — Всем занять свои позиции!

Я лежал на животе за небольшим кустом, наполовину погрузившись в зеленовато-серую липкую жижу, прикрывшись сверху ветками. Рядом со мной лежал Семён, предупредивший, что выскочит в реал читать конспект по сопромату, но будет рядом с компом и по моему сигналу немедленно вернётся в игру. Сигналом должен стать крепкий тычок кулаком под ребра. Я поглядел на него, и мне неудержимо захотелось пнуть его прямо сейчас, чтобы он тоже насладился ощущением хлюпающего и чавкающего болота под собой.

Нехотя отогнав эту заманчивую мысль, я снова задумался над тем, правильно ли мы выбрали место для засады. Мои бойцы спрятались так мастерски, что ни одного из них я не мог разглядеть. Да и не ожидает Шкипер нас тут увидеть. В этой части плана всё замечательно. А вот само направление… Что ж, вероятность того, что прорыв произойдёт на северо-восточном направлении, оставалась. Придётся рискнуть. Разорваться на две части невозможно, точнее, неэффективно. В худшем случае — упустим их, но даже Рексоман не сможет нас ни в чем упрекнуть:

одной пробкой две бутылки не заткнёшь.

Ветерок донёс чей-то негромкий разговор, и я с досадой подумал, что надо было как следует всех предупредить, чтоб помалкивали и не выдавали засаду. Но мне казалось, это и так должно быть понятно. Тем временем голоса как будто приближались, и один из них, с характерной хрипотцой, явно никому из моего звена не принадлежал. Шкипер! Или кто-то из его людей.

Адреналин в крови резко подпрыгнул, и сердце громко застучало. Я ткнул Семёна в бок, потом для надёжности ткнул ещё разок, но уже посильнее.

— Ты чего моего перса бьёшь! — зашипел Семён, видно, с большой неохотой вынужденный экстренно вернуться в игру. — Синяков ему наставишь!

— Тихо! — шепнул ему я. — Идут!

Сначала показались два бойца, быстро шагающих по направлению к болоту и цепко оглядывающихся по сторонам. Боевое охранение, понял я. Повернулся к Семёну и приставил палец к губам. Он кивнул. Пропустив авангард, мы стали дожидаться остальных — и вскоре среди деревьев начали мелькать многочисленные фигуры. Я насчитал более трёх десятков. Неплохую команду Шкипер решил вывести с поля боя. Самого его видно пока не было, по крайней мере, мне не удалось разглядеть. Я подождал, пока весь отряд вышел на опушку, став идеальной мишенью для наших стрелков, и громко кукукнул. Потом ещё раз, и ещё. Как бы в ответ два бойца из отряда Шкипера упали, как подкошенные. Молодцы Макарыч с Агнешкой. За те несколько секунд, которые понадобились шкиперовцам на то, чтобы понять, что происходит и оправиться от шока, стрелки успели сделать ещё один залп — и ещё один боец упал на траву. Второй схватился за руку и громко завыл. Теперь дело за нами. Я вскочил на ноги и понёсся вперёд, чувствуя, как в ботинках неприятно хлюпает вода. Рядом бежал Семён, выставив перед собой меч. Со всех сторон к поляне бежали мои бойцы, размахивая оружием и надрывая горло в боевом кличе. Кроме «ура» можно было различить также просто звериный рёв и поток нецензурных ругательств. Хорошее у меня звено.

Ещё через несколько секунд я перестал воспринимать общую картинку боя, так как оказался очень занят фехтованием с конкретным врагом: приземистым бандитом с чёрной банданой на голове и с боевым топориком в руке. Он умудрился почти мгновенно достать мою левую ногу, а затем чиркнуть по правому плечу. Боль я не успел почувствовать, но ярость проснулась настоящая — и я с ожесточением принялся делать выпады и

увороты. Силы были явно не равны — вскоре я понял, что меня теснят обратно к болоту, чтобы не оставить и последнего шанса. Неожиданно на выручку мне пришёл Семён — своим длинным мечом он мгновенно поменял картину схватки — и вот уже бандит вынужден отступать назад на поляну, где общий бой распался на десяток индивидуальных дуэлей.

— Шкипера видел? — крикнул ему я.

— Пока не до того было! — крикнул он мне в ответ, сделал обманное движение и достал наконец противника мечом.

Пока тот падал, я заметил знакомую высокую фигуру, не спеша направляющуюся к нам от опушки леса. Платка на Шкипере не было, зато отчётливо виден был наколотый с левой стороны шеи тёмно-синий якорь. Он презрительно переступал через разбросанную по поляне амуницию, не вступая ни с кем в схватку и глядя прямо на нас с Семёном.

— Стойте, где стоите! — крикнул он, и от этого крика мне стало не по себе. Я прямо физически ощутил тёмные вязкие волны ненависти и властности, исходящие от него.

Стряхнув это наваждение, я принял боевую стойку, выставив вперёд кинжал. То же самое сделал и Семён. По его бледному лицу я понял, что и он чувствует себя не в своей тарелке. Шкипер подошёл к нам шагов на десять, остановился и резко выхватил из-за спины два изогнутых клинка. Мы с Семёном переглянулись и медленно пошли вперёд.

— Я тебя запомнил, салага, — глядя прямо мне в глаза, сказал Шкипер. — Как там тебя зовут? Вчера тебе повезло, но сегодня не уйдёшь.

— Алексом зовут. Хорошо, что запомнил, — облизнув внезапно пересохшие губы, сказал я. — Буду сниться тебе в кошмарах.

Шкипер захохотал, а потом начал с умопомрачительной скоростью и резким свистом чертить в воздухе круги своими клинками.

— Нападайте, детки! — сквозь смех сказал он.

Семён сунулся было вперёд, но Шкипер сделал неуловимое для моих глаз движение — и меч Семёна полетел куда-то в сторону.

— Передай своему князю, чтоб подыскивал себе другую игру, — сказал Шкипер, и его клинки молнией пронеслись у меня перед глазами.

А потом в них потемнело и картинка пропала.

Возле избы сотника, кроме моих бойцов, переминались с ноги на ногу ещё несколько дружинников, должно быть, штабные. Тут же стояла телега, с уже знакомым мне по переходу из Смоленска

возницей. Похоже, Рексоман рассчитывает на богатый трофей. Хотя, если план сработает, трофея будет достаточно. И телега будет очень кстати.

Наше появление в расположении вверенного мне звена произвело настоящий фурор. Бойцы встретили нас одобрительным гулом и восхищёнными возгласами. Ну, если быть точным, то не нас, а Агнешку — но мой авторитет тоже явно вырос. Во всяком случае, ни одной скользкой шуточки в мой адрес отпущено не было, и даже Федя бросил на меня одновременно довольный и удивлённый взгляд.

Бородатый коротышка, которого я про себя называл гномом, негромко сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А звеньевой-то наш не промах!

Я решил не терять инициативы и с некоторой ленцой в голосе произнёс:

— Звено, стройся!

— Говори, командир, чего хочешь, — сказал мне Петя. — Не принято у нас строиться.

— Строиться — не значит в шеренгу, — пояснил я. — Это значит — оторвались от Агнешки, повернулись ко мне и послушали внимательно. Успеете ещё познакомиться.

Бойцы нехотя отвели взгляды от смущённой девушки.

— Она насовсем у нас, или как? — спросил Федя.

— Она-то насовсем, — сказал я. — А вот насчёт остальных я ещё не решил. Посмотрим на вас в деле сначала.

— Ого, а гонору тебе не занимать, — улыбнулся Бруно.

— Звено теперь полностью укомплектовано, — продолжил я. — Боевая задача пока простая: сопровождаем штаб, ждём дальнейших распоряжений.

— Как думаешь, командир, дойдёт до реальной драки или так в тылу и просидим? — спросил хмурый толстяк с арбалетом.

— Тебя как звать? — спросил я.

— Макарычем.

— Обязательно дойдёт, Макарыч. Бросят в самое пекло. А вот кто действительно в тылу просидит — так это люди Очкарика. Уборка территории и всё такое. Если кто передумал с нами идти, может остаться.

К моей радости, желающих остаться не оказалось. Бойцы ухмылялись, испытующе смотрели друг на друга. У меня даже появилась надежда, что мы сможем стать настоящей командой.

Дверь избы негромко скрипнула, и на крыльце появился сотник. Вместо ожидаемых мною доспех на нем была лишь вполне обычная на вид кольчуга, разве что сияла уж больно ярко. К крыльцу немедленно подбежал важного вида подросток в

холщовой рубахе, ведя под уздцы вороного коня. Рексоман похлопал коня по крупу, а затем неуловимым движением взлетел в седло. Цепко осмотрелся по сторонам, слегка щурясь на солнце. Наконец, удовлетворённо сказал мне:

— Бойцов инструктируешь? Ну-ну!

— Звено к походу готово, — доложил я.

— Ну, раз готово, будем выдвигаться, — приказал он. — Но, родимый!

Конь гордо поднял голову, тряхнул гривой. Затем важно фыркнул и торжественно зашагал в сторону ворот. За ним потянулись штабные, тронулась с места и заскрипела колёсами телега. Я посмотрел на своих бойцов, сделал приглашающий жест рукой и первым пошёл вперёд.

На позицию вышли к началу седьмого. За это время я успел сходить в реал, перекусить и отдохнуть — благо, персонаж в Нереалии оказался способен выполнять простейшие действия самостоятельно. Например, следовать за другим указанным персонажем или за телегой. Бруно объяснил мне, как это делается. Потом остаётся только следить за часами, чтобы не «проспать» нужный момент и вовремя зайти в игру.

Судя по тишине и отсутствию разговоров, я вернулся одним из первых. Слева и справа шагали мои бойцы, впереди всё так же скрипела телега, ещё дальше на коне гарцевал Рексоман. Интересно, он тоже выходил в реал? Может, в магазин сбегал за кефиром или там младшего братика из детского сада забрал. Интересно было бы узнать. Вот только редко в виртуале люди откровенничают. Твоя реальная жизнь — тайна за семью замками, и расспрашивать человека об этом является верхом неприличия. Другое дело, если человек сам рассказывает. Но для этого, как правило, пуд соли вначале надо «съесть», стать ему едва ли не братом. Вот в «Белом Ордене» у нас было настоящее братство… Мы не только по виртуалу знакомы были. По крайней мере, руководящий состав. Хотя было и у нас одно исключение, лорд Керис. Живёт в Киеве — вот и всё, что мы о нём знали. И никогда не расспрашивали. Мало ли, какие у человека причины хранить инкогнито.

Рексоман поднял руку, давая знак остановиться, и лихо спрыгнул с коня. Один из штабных немедленно взял вороного под уздцы и отвёл в сторону, привязал к сосне.

— Располагайся, народ. Перекур пока, — скомандовал я, и направился к сотнику, расстилавшему на телеге уже знакомую мне карту.

— Какие будут указания? — спросил я его.

— Пока никаких, Алекс, — задумчиво сказал Рексоман. —

Как сам думаешь, где Шкипер пробиваться будет?

— Ну, во фронт точно бить не будет.

— Это понятно. Понимает, что там у нас главные силы сосредоточены.

— На Мамая он попрёт, ясен пень, — вступил в разговор один из штабных, высокий нескладный парень с золотистым медальоном на шее.

— Не факт, Марат, не факт, — Рексоман почесал подбородок. — Оно, конечно, заманчиво — граница там, уйти можно, но он же не дурак, понимает — перекроем мы ему этот путь.

— Но в болото он тоже не полезет, — сказал я. — Слева и справа болото.

— В болоте тропы бывают, — поучительно сказал второй штабной, который привязывал коня. — И вообще, кто знает, как по болоту ходить — пройти сможет.

— Семён прав, — Рексоман сверлил взглядом карту. — Только в спешке можно и оступиться. В болоте как — шаг влево, шаг вправо — и тю-тю. Не будет он так рисковать — кому охота, чтоб его трясина засосала.

— Вот уж неприятный способ обнулиться, — поддержал его Марат.

— Ну тогда или на Мамая, рискнув пойти на прорыв, или в проёмы, — подытожил я.

— В какие проёмы? — не понял сотник.

— Ну вот здесь, просвет между болотом и отрядом Мамая, с левой стороны, — показал я. — И справа точно такой же. На стыках между соседними частями всегда с обороной проблемы, это же классика военного искусства. Добрыня будет думать, что Мамай стык прикроет, а Мамай — что Добрыня. В результате там вообще может никого из наших не оказаться.

Марат посмотрел на меня уважительно.

— Я согласен с Алексом, — лаконично сказал Семён. — Это наиболее вероятные пути прорыва.

— Тогда нам нужно бы эти проёмы прикрыть, — сделал вывод Рексоман.

— Люди уже на позициях, — напомнил Марат. — Все, кроме Мамая. Поздно что-то менять.

— А связи нет у вас? Рации какой-нибудь, — спросил я. — То есть, у нас.

— Алекс, во-первых, для связи у нас всегда остаются личные сообщения, а также обычная связь через реал, — терпеливо сообщил Рексоман. — Во-вторых, если ты забыл, технологии денег стоят. Князь покупает только самые необходимые. И в-третьих, я не собираюсь сейчас дёргать никого из командиров

отрядов, у них свои задачи. Решим вопрос теми силами, которые есть у нас.

— А как это происходит, с технологиями? — спросил я.

— Он второй день в игре, — напомнил сотник в ответ на вопросительный взгляд Марата.

— У нас своей академии наук нет, к сожалению, — пояснил Марат. — Поэтому мы можем технологии только покупать. Или обменивать. А потом она через ратушу инсталлируется для того, чтобы любой гражданин Смоленска мог ей пользоваться. Есть ещё нюансы всякие, например, индекс технологического развития. Он по формуле вычисляется на основе имеющихся технологий. И если наш индекс на столько-то процентов ниже, скажем, синекрионского — то они на нас напасть не могут по закону игры. Это правильно, иначе у нас бы шансов не было. Кстати, поэтому они обычно чужими руками действуют. Но мы можем не бояться, что к нам завтра кто-то с пулемётами нагрянет. Или даже с мушкетами. Я считаю, это одно из важнейших правил в Нереалии.

— И правильно! — кивнул Семён. — Не хватало ещё тут от гранат уворачиваться.

— Ближе к делу, — попросил Рексоман. — Давайте насчёт проёмов решать. Похоже, Алекс, это твоя будет задача. И лучше время не терять, выдвигаться немедленно.

— Маршрут? — спросил я.

— Мы сейчас тут, в тылу нашего левого фланга, на юго-западе от Шкипера, — показал Рексоман. — Дуй на северо-запад, на стык Добрыни с Мамаем. Если там тихо будет — иди дальше, на северо-восток, на стык Мамая и Василисы. По дороге старайся в бой не вступать — твоя задача вовремя на первый стык попасть, это значит, к семи или чуть позже. В полвосьмого может быть уже поздно — упустим птичку, проскользнёт в эти самые проёмы.

— Понял.

— Семён, давай-ка с ними, — приказал Рексоман. — Ты человек опытный, если что подсобишь, и мечом, и советом.

— Сделаю, — кивнул Семён.

— Да, и ещё — смотрите, по болоту осторожно. Времени у вас достаточно — так что берите палки, щупайте дорогу, ну, как на болоте полагается. Справитесь?

— Я из Белоруссии родом, — улыбнулся я. — С болотами с детства знаком. Справимся.

Звено продвигалось довольно медленно. Я шёл впереди, прощупывая трясину длинной жердью. Вообще-то, у каждого было по жерди, но на то он и командир, чтобы впереди идти. К тому же, меня одолела романтика родных мест и партизанских троп,

воспетых в Белоруссии. Болотистая местность передана была идеально, точно такие воспоминания у меня с детства и остались, когда с отцом или с пацанами чуть дальше разумного в чащу забредали.

Сразу за мной шёл Семён, время от времени корректируя траекторию нашего движения. У него с собой был компас, который, к счастью, не требовал отдельной платной технологии. По дороге он рассказал мне, что существует так называемый «базовый пакет», который ты получаешь при создании нового королевства и куда входят многие основополагающие или просто полезные вещи. Например, огонь, вода, воздух, законы физики, типа притяжения земли или магнетизма полюсов лежали, так сказать, в самой основе игровой вселенной. Вообще, за несколькими исключениями, в этот пакет входит всё, что можно сделать руками. Например, всё необходимое для стандартных ремёсел — для гончаров, портных, сапожников и так далее. Мне сразу вспомнился обширный список возможных профессий при регистрации. А ещё я понял, что в каждом королевстве список доступных профессий разный — всё зависит от купленных или исследованных технологий. Оказывается, можно и самим многое «открыть», если в королевстве работает академия наук со множеством учёных и приличным бюджетом. В таком случае можно звено за звеном «разматывать» цепочку открытий, когда одно вытекает из другого. Эту идею создатели игры, похоже, позаимствовали в классических компьютерных пошаговых стратегиях. Что ж, идея хорошая, а игра от этого только интереснее.

Мы шли где-то в тылах Добрыни. Интересно, а как он тут прошёл? Или он шёл восточнее, и там трясины нет? Надо будет спросить у него потом. На часах было уже без десяти минут семь, когда за спиной у меня кто-то вскрикнул и начал материться. Я оглянулся — Федя по пояс провалился в серую жижу. Я немедленно поднял руку, приказывая отряду остановиться.

На мой взгляд, Федя погружался в трясину слишком уж быстро. Впрочем, в реальной жизни я такого никогда не наблюдал, так что оспаривать правдоподобность происходящего не стал бы. Нелепо барахтаясь и пытаясь руками ухватиться за низкорослую болотную растительность, боец скрылся в болоте уже по грудь. От меня он был довольно далеко, а бегать по болоту нельзя.

— Бруно, Агнешка! — скомандовал я двум его соседям. — Жерди! Аккуратно! Под мышки ему!

Мучительно медленно тянулись к Феде спасительные жерди. Когда он ухватился за них, над предательской жижей виднелись

лишь его голова и плечи. Вот одна жердь выскользнула из его руки, и Агнешка чуть не упала, потеряв равновесие. Тогда Федя обеими руками ухватился за вторую жердь, а Бруно, не дожидаясь моего приказа, лёг на живот, и очень медленно и осторожно стал подтягивать жердь к себе. Через несколько мгновений к нему присоединилась Агнешка. Остальные молча наблюдали за этой сценой, не зная, как помочь, и опасаясь сделать неверное движение и самим позорно обнулиться в этом болоте.

Через несколько томительно долгих минут Федя лежал на относительно твёрдой поверхности тропы, отдуваясь и всё ещё сжимая обеими руками спасительную жердь.

— Ты в порядке? — крикнул ему я.

Он неловко поднялся, отряхнул с себя куски грязи, оставаясь вымазанным болотной жижей по самые плечи.

— Полшага в сторону сделал, и капец, — мрачно сказал он.

Я глянул на часы. Без малого семь часов.

— Времени у нас в обрез, — сказал я. — Так что в темпе двигаемся дальше. Старайтесь идти след в след.

Мы как раз вышли из трясины на твёрдую землю — небольшую полянку на опушке леса, когда откуда-то справа от нас донеслись крики и металлический звон.

— Атака началась точно по времени, — сказал Семён, посмотрев на часы.

— Далеко нам ещё? — спросил я.

— Вообще-то, не очень, — Мы уже на опушке, остаётся ещё на полкилометра примерно в лес углубиться — это и будет брешь.

— А я бы тут прорывалась, — неожиданно сказала подошедшая Агнешка. — По самой кромке болота.

— Это почему же? — спросил Семён.

— Вероятность меньше, что засаду встретишь, — пожала плечами она. — Никто не подумает, что ты по болоту на прорыв пойдёшь. Если засада и будет — то в лесу. А у болота засаде и спрятаться-то негде.

— Пожалуй, Агнешка права, — подумав, согласился я. — Я бы тоже здесь прорывался.

— Может, разделимся? — предложил Семён.

— Нас четырнадцать человек, — возразил я, — сколько будет людей со Шкипером, мы не знаем. Разделиться — значит рисковать провалить задание. Какой толк, если они ползвена перебьют и спокойно пойдут дальше?

— А если они всё звено перебьют? — философски заметил Макарыч, очень колоритно смотревшийся со своим арбалетом на плече.

— Всех вместе сложнее перебить, — сказал я и повысил

голос. — Народ, слушай мою команду!

— Да слышим, командир, слышим, — сказал Бруно. — Чего глотку-то рвать.

— Значицца так, — смущённо продолжил я. — Устраиваем засаду здесь. Агнешка и Макарыч — отойдите подальше и выберите себе позиции сами, чтобы полянка вами хорошо простреливалась. Петя, Бруно, Федя — залягте тут, или в болоте — придумайте что-нибудь, чтоб вас видно не было. Можете в воду и дышать через соломинку, мне все равно — главное, чтоб вас не засекли раньше времени.

— Может, сам заляжешь, — проворчал Бруно.

— И сам залягу, не беспокойся, — ответил ему я. — Остальные — в лес, в кусты, или на деревья — разберётесь сами, не маленькие. Семён — останься со мной. Вопросы?

— Какой будет условный сигнал? — спросила Агнешка.

— Условный сигнал? — смутился я. — Прокричу кукушкой. Три раза. До того времени не высовываться и не стрелять.

— Может, лучше совой? — с сомнением сказал Бруно.

— Разговорчики! — рассердился я. — Всем занять свои позиции!

Я лежал на животе за небольшим кустом, наполовину погрузившись в зеленовато-серую липкую жижу, прикрывшись сверху ветками. Рядом со мной лежал Семён, предупредивший, что выскочит в реал читать конспект по сопромату, но будет рядом с компом и по моему сигналу немедленно вернётся в игру. Сигналом должен стать крепкий тычок кулаком под ребра. Я поглядел на него, и мне неудержимо захотелось пнуть его прямо сейчас, чтобы он тоже насладился ощущением хлюпающего и чавкающего болота под собой.

Нехотя отогнав эту заманчивую мысль, я снова задумался над тем, правильно ли мы выбрали место для засады. Мои бойцы спрятались так мастерски, что ни одного из них я не мог разглядеть. Да и не ожидает Шкипер нас тут увидеть. В этой части плана всё замечательно. А вот само направление… Что ж, вероятность того, что прорыв произойдёт на северо-восточном направлении, оставалась. Придётся рискнуть. Разорваться на две части невозможно, точнее, неэффективно. В худшем случае — упустим их, но даже Рексоман не сможет нас ни в чем упрекнуть: одной пробкой две бутылки не заткнёшь.

Ветерок донёс чей-то негромкий разговор, и я с досадой подумал, что надо было как следует всех предупредить, чтоб помалкивали и не выдавали засаду. Но мне казалось, это и так должно быть понятно. Тем временем голоса как будто приближались, и один из них, с характерной хрипотцой, явно

никому из моего звена не принадлежал. Шкипер! Или кто-то из его людей.

Адреналин в крови резко подпрыгнул, и сердце громко застучало. Я ткнул Семёна в бок, потом для надёжности ткнул ещё разок, но уже посильнее.

— Ты чего моего перса бьёшь! — зашипел Семён, видно, с большой неохотой вынужденный экстренно вернуться в игру. — Синяков ему наставишь!

— Тихо! — шепнул ему я. — Идут!

Сначала показались два бойца, быстро шагающих по направлению к болоту и цепко оглядывающихся по сторонам. Боевое охранение, понял я. Повернулся к Семёну и приставил палец к губам. Он кивнул. Пропустив авангард, мы стали дожидаться остальных — и вскоре среди деревьев начали мелькать многочисленные фигуры. Я насчитал более трёх десятков. Неплохую команду Шкипер решил вывести с поля боя. Самого его видно пока не было, по крайней мере, мне не удалось разглядеть. Я подождал, пока весь отряд вышел на опушку, став идеальной мишенью для наших стрелков, и громко кукукнул. Потом ещё раз, и ещё. Как бы в ответ два бойца из отряда Шкипера упали, как подкошенные. Молодцы Макарыч с Агнешкой. За те несколько секунд, которые понадобились шкиперовцам на то, чтобы понять, что происходит и оправиться от шока, стрелки успели сделать ещё один залп — и ещё один боец упал на траву. Второй схватился за руку и громко завыл. Теперь дело за нами. Я вскочил на ноги и понёсся вперёд, чувствуя, как в ботинках неприятно хлюпает вода. Рядом бежал Семён, выставив перед собой меч. Со всех сторон к поляне бежали мои бойцы, размахивая оружием и надрывая горло в боевом кличе. Кроме «ура» можно было различить также просто звериный рёв и поток нецензурных ругательств. Хорошее у меня звено.

Ещё через несколько секунд я перестал воспринимать общую картинку боя, так как оказался очень занят фехтованием с конкретным врагом: приземистым бандитом с чёрной банданой на голове и с боевым топориком в руке. Он умудрился почти мгновенно достать мою левую ногу, а затем чиркнуть по правому плечу. Боль я не успел почувствовать, но ярость проснулась настоящая — и я с ожесточением принялся делать выпады и увороты. Силы были явно не равны — вскоре я понял, что меня теснят обратно к болоту, чтобы не оставить и последнего шанса. Неожиданно на выручку мне пришёл Семён — своим длинным мечом он мгновенно поменял картину схватки — и вот уже бандит вынужден отступать назад на поляну, где общий бой распался на десяток индивидуальных дуэлей.

— Шкипера видел? — крикнул ему я.

— Пока не до того было! — крикнул он мне в ответ, сделал обманное движение и достал наконец противника мечом.

Пока тот падал, я заметил знакомую высокую фигуру, не спеша направляющуюся к нам от опушки леса. Платка на Шкипере не было, зато отчётливо виден был наколотый с левой стороны шеи тёмно-синий якорь. Он презрительно переступал через разбросанную по поляне амуницию, не вступая ни с кем в схватку и глядя прямо на нас с Семёном.

— Стойте, где стоите! — крикнул он, и от этого крика мне стало не по себе. Я прямо физически ощутил тёмные вязкие волны ненависти и властности, исходящие от него.

Стряхнув это наваждение, я принял боевую стойку, выставив вперёд кинжал. То же самое сделал и Семён. По его бледному лицу я понял, что и он чувствует себя не в своей тарелке. Шкипер подошёл к нам шагов на десять, остановился и резко выхватил из-за спины два изогнутых клинка. Мы с Семёном переглянулись и медленно пошли вперёд.

— Я тебя запомнил, салага, — глядя прямо мне в глаза, сказал Шкипер. — Как там тебя зовут? Вчера тебе повезло, но сегодня не уйдёшь.

— Алексом зовут. Хорошо, что запомнил, — облизнув внезапно пересохшие губы, сказал я. — Буду сниться тебе в кошмарах.

Шкипер захохотал, а потом начал с умопомрачительной скоростью и резким свистом чертить в воздухе круги своими клинками.

— Нападайте, детки! — сквозь смех сказал он.

Семён сунулся было вперёд, но Шкипер сделал неуловимое для моих глаз движение — и меч Семёна полетел куда-то в сторону.

— Передай своему князю, чтоб подыскивал себе другую игру, — сказал Шкипер, и его клинки молнией пронеслись у меня перед глазами.

А потом в них потемнело и картинка пропала.

Глава седьмая. Загадочная Чарген

Когда в глазах снова прояснилось, передо мной была уже знакомая стена из крупного тёмно-серого камня. В помещении, как и в первый раз, было полутемно. Я повернулся, и вздрогнул от неожиданности — за спиной молча стоял дед Тимофей в своём привычном бордовом балахоне.

— Тридцать восьмой, — хмуро произнёс старик вместо приветствия.

— Здорово, дед Тимофей! — радостно поздоровался я.

— И тебе не хворать. Отойди в сторону.

— Чего? — не понял я.

— В сторону отойди, говорю, — раздражённо повторил писарь. — Приёмник блокируешь.

Я в недоумении отошёл ближе к окну и осмотрел себя. Как и в первый раз, на мне были свободные холщовые штаны и такая же рубаха. В карманах и на поясе пусто — всё осталось там, на болоте, на поживу людям Шкипера.

— Тридцать девятый, — монотонным голосом произнёс писарь.

В высоком, атлетического сложения брюнете, появившемся в круге приёмника, я без труда узнал Семёна. Странно было видеть его без кольчуги, шлема и меча.

— Привет, Алекс, — кивнул мне он. — И тебе, Тимофей, здравствуй.

— Здоровее видали, — огрызнулся писарь. — Выйди из круга.

Семён улыбнулся и сделал шаг в сторону. На его месте тотчас же появился незнакомый мне толстяк с круглым добродушным лицом.

— День добрый! — поздоровался он.

— Сороковой! Что ж вы за вояки такие! — в сердцах сказал дед Тимофей. — Так скоро всю заставу вашу тут приму.

— Ну, мы же не на пикнике обнулились, сам понимаешь, — попытался оправдаться Семён.

— Да плевать мне, где вы обнулились, — отрезал писарь. — Драться надо лучше! Кто подходы к городу прикрывать будет? Мне что ли, старику, прикажете? Так поди лучше вашего справлюсь! Скройтесь с глаз моих!

Мы с Семёном переглянулись и сочли за лучшее ретироваться.

Во дворе ратуши кипела жизнь. Только что прошедшие через приёмник дружинники стояли кучками, оживлённо общались, жестикулировали. Должно быть, обсуждали детали боя и

выясняли кто, где и при каких обстоятельствах был обнулён. Немного странно было видеть столько народу в одинаковой стандартной одежде, но тут уж ничего не поделаешь.

В центре двора стояло два внушительных бочонка. На одном было написано «квас», на другом — «пиво». Тут же неподалёку было накрыто несколько столов, на которых стояли кружки, и разложена была нехитрая закуска: бутерброды, рыбка, баранки, сухарики.

— Ничего себе, — поразился я. — И что, у вас всегда так обнулившихся дружинников встречают?

— Не всегда, конечно, но бывает, — поделился опытом Семён. — Воевода наш мужик с понятием. Да и ситуация не самая обычная — не каждый день у нас такие крупные операции с серьёзными потерями. Надо народ поблагодарить и морально поддержать.

— Я за пивом, вы будете? — спросил добродушный толстяк, прибывший одновременно с нами. — За знакомство выпили бы! Меня Афанасием зовут.

Мы с Семёном тоже представились.

— Мне к воеводе сейчас, — сказал Семён. — И Алекс со мной пойдёт. Ты пока начинай, Афанасий, мы подойдём попозже.

В кабинете воеводы было многолюдно. Я даже не сразу его разглядел из-за широких спин столпившихся вокруг стола дружинников. Семён похлопал одного из них по плечу и отодвинул слегка в сторону. Теперь стала видна карта, разложенная на столе. Один из дружинников (кажется, звеньевой с заставы, я пока по именам всех не запомнил) водил по ней пальцем, что-то объясняя воеводе.

— День добрый! — громко сказал Семён. — Ну что, как обстановка?

— Ну вот, и штаб заставы уже прибыл, — мрачно сказал Зигурд. — Может, ещё и Рексоман с тобой явился?

— Нет, не явился, — спокойно ответил мой спутник. — Мы с Алексом были.

— С новеньким? И где он?

— Тут! — я подошёл поближе к столу.

— Поздравляю с повышением! — улыбнулся мне Зигурд. — Мне уже доложили. Ты же звеньевой теперь?

— Так точно, — подтвердил я.

— Давай тогда, докладывай, звеньевой. И на карте сразу показывай.

Я присмотрелся к линиям и топографическим знакам, взял лежащий на столе карандаш и обвёл на карте небольшой кружок. Найти нужное место было не трудно: на карте нанесена была уже

практически вся диспозиция частей перед боем.

— В общем, моё звено должно было заткнуть вот эту брешь. Шкипер вышел прямо на нас, численность его отряда превышала нашу раза в четыре.

— Значит, ушёл он? — уточнил воевода.

— Думаю, ушёл, — ответил за меня Семён. — Нам его было не остановить. Тут рыцарь нужен был, а лучше два.

— Что, настолько хорош? — недоверчиво спросил Зигурд.

Семён промолчал, но ответ и так явственно читался на его лице.

— Думаю, мы его отряд зато здорово потрепали, — сообщил я.

— Потрепали, — с горечью повторил Зигурд. — Хорошенький результат. Ещё вопрос, кто кого потрепал. Давай, Икар, обобщи-ка всё, что тут докладывали. Хочется общую картинку услышать.

Звеньевой, тот самый, чьё имя я сразу не смог вспомнить, прочистил горло и сообщил:

— Операция началась точно по плану, в установленное время. Все отряды вышли на исходные позиции и атаковали вовремя. Пункты наблюдения в лесу, к счастью, разведчики обнаружили и обнулили заранее, противника удалось застать врасплох.

— Повезло, что врасплох, а то не половина, а вся застава у Тимофея бы оказалась, — вставил Зигурд.

— Численность отряда Шкипера превысила две сотни человек, — продолжил Икар.

— Откуда у него столько? — не выдержал кто-то из дружинников.

— В его лагере, в палатках обнаружены горы первосортной амуниции и отборного оружия, — это то, что мы уже успели найти. Возможно, ещё кто-то прибудет и дополнит информацию.

За счёт элемента внезапности удалось нанести противнику серьёзный урон в живой силе. Остальные скрылись в лесах и болотах. Лагерь с богатыми трофеями остался за нами.

— Спасибо, Икар, — воевода поднялся с места. — Короче, подведу итог. Лагерь Шкипера нашли. Молодцы. Операцию спланировали удовлетворительно. Дрались хорошо, сделали, что могли, у меня претензий нет. Зато вопросы есть.

Мы молчали, внимательно слушая Зигурда.

— Вопрос первый, — продолжил он. — Откуда у Шкипера такая прорва людей? Это же маленькая армия! Вопрос второй: откуда у него столько первоклассной амуниции, и кто его ею снабжает. Вопрос третий: что он с этим батальоном и вооружением собирался делать в нашем княжестве? Это уже не

мелкий разбой, и даже не партизанские вылазки. Это больше действия регулярной армии напоминает.

А ведь воевода прав! Масштаб и вправду не подходил для шайки лесных бандитов.

— Слушай мой приказ, — воевода обвёл нас взглядом. — Уже девятый час, сегодня, к сожалению, поздно возвращаться — людям в реал пора, отдыхать. А утром — марш-бросок на заставу. Некогда нам пиры разводить. Тут собрались только ветераны — прошу вас с вечера все подготовить. Чтобы для всех в казарме место нашлось, а с утра все знали, кто сам идёт, кого на телегах везёте. Дам две телеги, больше не могу. Как доберётесь — сразу отправляйте назад, транспорт нам самим тут нужен, кроме вашей ещё и другие заставы есть. Вопросы?

По кабинету прокатился шепоток, но вслух никто ничего не сказал.

— Тогда разойдись, — сказал Зигурд. — Семён, передай Рексоману, чтобы утроил патрули. Заставу перевести в боевую готовность. На дорогах выставить блок-посты. Лес постоянно прочёсывать. Не нравится мне всё это.

Во дворе, возле бочонка с пивом, я нашёл своё звено почти в полном составе. На лицах читалось неподдельное счастье, какое можно испытать только среди друзей, пройдя с ними через хорошую драку или любое другое серьёзное испытание. Так рождается боевое братство. А ведь ещё сегодня утром звена, как боевой единицы, не существовало!

— А вот и командир! — радостно хлопнул меня по спине Бруно. — Давай, выпьем все вместе!

Бойцы обступили меня, кто-то сунул в руку кружку с пенящимся напитком. Я посмотрел на довольно улыбающуюся Агнешку, на которой очень хорошо смотрелись даже стандартные штаны и рубаха, и поднял руку.

— За резерв! — провозгласил я, и народ дружно подхватил:

— За резерв!!

Мы с грохотом сдвинули кружки, и я сделал несколько жадных глотков. Давненько я ничего не пил. И не ел. Пиво оказалось отличным, с привкусом мёда, и холодным — как раз то, что надо.

— А эффектно вы на Шкипера шли со своими ножичками, — сказал Федя. — Не сдрейфили.

— Ага, а этот ниндзя с наколкой на шее мечами, как пропеллерами работал, — поддержал тему «гном».

— Давайте, что ли, знакомиться, кого ещё по имени не знаю, — предложил я. — А то я тебя «гномом» называю, уж извини.

— Нормально, мне гномы нравятся, — не обиделся боец. — А

вообще, по нику я — Вакс.

— Приятно! Так, Агнешка, Федя, Бруно, Петя… — я осмотрелся по сторонам.

— Саид, — назвал себя смуглый брюнет, который до сих пор всегда молчал и был единственным, кто не пил пива вместе со всеми.

— Жека, — ткнул себя в грудь невысокий коренастый парень, слегка кудрявый и оттого похожий на цыгана.

— Мельник, — представился богатырского роста и сложения мужик, заросший рыжей щетиной.

Учитывая, что он только что вышел из приёмника, получалось, что щетину он себе нарисовал умышленно, когда делал аватар. Надо и мне свою стандартную внешность как-то разнообразить, подумал я.

— Остальные, я так понимаю, остались в лесу? — спросил я.

— Драпанули остальные, — сказала Агнешка. — Точнее, отступили. Кроме Макарыча. Я последняя обнулилась, у них только пятки уже сверкали.

— А тебя как достали, ты же в укрытии была? — спросил Бруно.

— Как, как… — поморщилась Агнешка. — Залезли на дерево и сдёрнули вниз.

— А Макарыч?

— Макарыч оставался ещё, не знаю, что с ним.

— Значицца, так, — подвёл итог я. — Воевода нам объявил благодарность, мы всё правильно сделали и урон противнику нанесли.

— Прикольно формулируешь, командир, — хохотнул Федя, наливая себе из краника в бочке очередную кружку.

— Сейчас отдыхать, а завтра с утра выдвигаемся в срочном порядке обратно на заставу, — продолжил я. — В лагере Шкипера было двести человек и тонна амуниции. Воевода считает, что-то затевается.

— О-о! — сказал Бруно. — Если уж воевода засуетился…

— Нам оружие выдадут, или мы так пойдём? — спросил Вакс.

— Зигурд ничего не сказал, наверное, решил, что на нас трофеев хватит, — предположил я. — Кто мне скажет, как перса настроить, чтобы завтра сам на заставу топал? Выспаться хочу и дела кое-какие поделать. К полудню появлюсь.

— Не боись, командир. Позаботимся о твоём персе, — сказал Петя. — Уложим на телегу, доберёшься с комфортом.

— Спасибо, друзья, — с чувством сказал я.

— Один за всех! — звонко сказала Агнешка. — И все за одного!

Бойцы засмеялись и снова с треском сдвинули кружки.

Я аккуратно снял и положил на стол кибер-остео, прислушался. В зале работал телевизор, наверное, родители смотрят какое-нибудь очередное развлекательное шоу. Вообще-то, попадаются среди этих шоу и интересные, но мне сама идея не нравится: прилипать к телевизору каждый вечер и быть как бы его придатком. Просто смотреть в экран, улыбаться и постоянно что-то жевать. Нет уж, по мне так лучше лежать в кресле перед компьютером, но чтобы мозг на полную катушку работал, как это возможно только в хорошей виртуальной игре. Ну, или на очень интересной работе, типа научно-исследовательской, или любой другой аналитической. На такую бы я согласился. Если зарплата соответствующая. Только я ни МФТИ, ни МГИМО не оканчивал, и в разведку меня тоже никто пока не звал. Так что остаётся виртуал.

Я вышел из комнаты, посетил туалет и ванную, а затем обосновался на кухне. В одной сковороде соблазнительно красовались загорелые котлетки, в другой ждала меня жареная картошка. Я наложил себе полную тарелку и хотел было вернуться в свою комнату. Но не тут-то было. В дверях стояла мама и укоризненно смотрела на меня.

— Ну вот, опять ночью питаешься, — сказала она. — Ну кто же так делает, Саш?

— Ммм, — неопределённо ответил я, дожёвывая котлету.

— Опять в компьютере своём весь день проторчал?

— Я новую игру нашёл, — признался я. — Такая интересная!

— Новая? — грустно спросила мама. — И чем она от старой отличается? Может, мы тебя с отцом чаще видеть теперь будем? Или ты с друзьями чаще встречаться начнёшь, девушку заведёшь или там спортом станешь заниматься?

— В общем, классная игра, военно-экономическая, — закончил я свою мысль, затем включил чайник, бросил в чашку пакетик чая.

— Не пей на ночь, не уснёшь! — сказала мама.

— Ладно, — я решил не спорить. — Просто кипятка налью, с вареньем смешаю.

— Как с работой дела?

— Нормально, — буркнул я. — Завтра один заказик доделаю с утра.

— Эх, Саша, Саша, — покачала головой мама. — И почему ты не поищешь нормальную работу, чтобы зарабатывать, как все приличные люди? С твоим образованием!

Вообще-то, с моим стандартным экономическим образованием найти нормальную работу, чтобы зарабатывать, как

приличные люди, шансов мало. А гнуть спину на «дядю» за копейки, да ещё под руководством какого-нибудь психически неадекватного карьериста, мне совсем не улыбалось. Уж лучше буду как сейчас — индивидуальным предпринимателем, клепать потихоньку сайтики, заниматься их рекламой и продвижением. Тоже не айс, но зато я независимый. Работаю, сколько хочу. А главное, играю, сколько хочу. Пожалуй, вторая причина даже важнее.

Я, конечно, не стал повторять все это вслух, тем более, что не раз уже с родителями на эту тему спорил. Вместо этого я подхватил горячую чашку и тарелку, и мама выпустила меня с кухни.

— Отцу хоть «здрасте» скажи! — бросила она вдогонку.

Я коротко заглянул в зал — отец сидел на диване с кружкой пива в руке и смотрел в телевизор. На экране девица в короткой юбке и с пышными кудрявыми волосами исполняла какую-то смутно знакомую ностальгическую песню советских времён.

— Всё смотришь? — риторически спросил я. — Спокойной ночи!

— Только недавно с работы пришёл, — не отрываясь от экрана, сказал отец. — Спокойной ночи!

С чувством выполненного долга я прошёл в свою комнату, наскоро поужинал и залез в постель. В голове мелькали образы сегодняшнего насыщенного дня. Картинки заставы, похода по болоту, короткого боя на поляне. Вспоминались лица моих бойцов. Я уже чувствовал за них ответственность. Как они там разместились в казармах, как там с утра всё организуется? Завтра надо многое успеть, подумал я, прежде, чем погрузиться в сон.

Как обычно, уложиться в намеченное время не удалось. Проснулся рано, но довольно долго «раскачивался» — пил кофе, читал новости, просматривал почту и сообщения в социальных сетях. Потом занялся сайтом клиента, но провозился дольше, чем собирался. Заказчика, как назло, тоже на месте не оказалось, пришлось ждать, перезванивать. Наконец, переговорил с ним — но пришлось заново меню на сайте переделывать — не понравилось моё графическое решение. Так всегда: предлагаешь клиентам что-то серьёзное и функциональное, а им подавай яркую и эффектную безвкусицу. Как говорится, хозяин — барин. За ваши деньги — любой каприз. И уж совсем непредвиденно позвонила с работы мама и попросила сбегать в магазин, кое-что из продуктов купить. Отказаться я не мог, и так, можно сказать, на шее у родителей сижу. Одним словом, до Нереалии я добрался лишь к трём часам.

Я лежал на длинной лавке, а вокруг меня, если я правильно

помню название, располагалась горница. Короче, очнулся я в избе. Ну ясно, сам переход я уже «проспал». Бойцы перенесли моего перса с телеги в выделенную нашему звену избу. Это хорошо, начинаем потихоньку на заставе обживаться. Очень хотелось увидеть настоящую русскую печь, но таковой не оказалось, сходство с настоящей избой было всё же довольно поверхностным. Ну, понятное дело, как мне Витя сказал — не жить же нам здесь. Зато я нашёл на лавках ещё несколько знакомых: Петя, Саид и Мельник тоже до сих пор не удосужились вернуться в игру. Ладно, пора и делом заняться.

С крыльца моему взору предстал замечательный вид на внутренний двор крепости. Застава жила своей жизнью. Деловито сновали взад и вперёд дружинники, откуда-то пахло кашей, мускулистый парень обливал возле конюшни лошадей водой из ведра и растирал им бока чем-то вроде губки.

— Проснулся? — раздался знакомый голос.

Я посмотрел вниз: прислонившись спиной к стене, возле избы сидели Федя, Бруно и Макарыч.

— А говорил, к полудню будешь, — продолжил Бруно.

— Здорово, мужики, — я развёл руками. — Раньше никак не получалось.

— Ладно, чего уж там, — сказал Федя. — Всё в норме, все добрались, нового ничего нет.

— Витя заходил, — проинформировал Макарыч. — Сказал, как появишься — чтоб к сотнику заглянул, доложился.

— Давно? — вздохнул я.

— С полчаса где-то. Только ты оденься сперва.

Я глянул на себя — на мне всё ещё была стандартная одежда «от деда Тимофея».

— А где тут переодеться можно?

— Склад в той стороне, — показал рукой Федя. — Там сейчас, как в ГУМе перед Новым годом: всё завешено и завалено вещами. Хороший трофей в лагере Шкипера собрали.

— Это хорошо! — согласился я. — А где наши все?

— Кто где, — ответил Бруно. — Агнешка к своим пошла пообщаться, некоторые дрыхнут ещё, ты сам в хате видел, а кто-то тренируется.

— В смысле, тренируется?

— В смысле, дерёшься, опыт зарабатываешь, — пояснил Макарыч. — Ты меч уже поднимаешь?

— Не знаю, наверное, ещё нет.

— Ну вот. Для этого опыт нужен. А это только в бою или на тренировках. Те же бои, только между своими. Заодно и технике подучишься у ветеранов.

— Ты у Макарыча учись — мало кто лучше из арбалета стреляет, — засмеялся Бруно. — Кстати, арбалет тоже не каждый подымет, для этого опыт набрать надо, и умение.

— Ладно, вернусь от сотника — потренируемся, — пообещал я.

— Кстати, держи-ка! — Макарыч порылся за пазухой и достал какой-то свёрток. — Подобрал на полянке.

Я развернул тряпицу — в ней лежал мой кинжал в ножнах!

— Вот это да! Макарыч… Спасибо тебе душевное! Это же надо!

— Давай, звеньевой, не задерживайся, — пряча улыбку, буркнул Макарыч. — Потренируемся, а вечером шашлыки жарить будем, обещали пиво выкатить. В честь победы.

Складом оказалось довольно просторное помещение, встроенное в стену крепости. Вероятно, это был и склад, и арсенал одновременно, так как часть помещения была полностью заставлена стеллажами и стойками для разнообразного оружия. Чего тут только не было! Луки и арбалеты, мечи и кинжалы, боевые топоры, булавы, кистени и шипастые палицы. Правда, вид немного портил второпях сваленные на столах и прямо на полу в беспорядке вещи — кольчуги, кожаные штаны и куртки, доспехи, пояса и много ещё чего, не успел подробно рассмотреть.

Навстречу мне вышла миловидная девушка, с длинными прямыми волосами до пояса. Волосы были жгуче-чёрные и приятно гармонировали с её смугловатой, или просто загорелой кожей.

— Переодеться? — догадалась девушка, бросив на меня беглый взгляд.

Я смутился, вспомнив, что так и не поработал над своей внешностью в графическом редакторе — если честно, просто забыл. Не до того было.

— Мне бы переодеться, ну и амуницию тоже, — попросил я.

Девушка достала из шкафа журнал, перелистала.

— Зовут как? Из какого звена?

— Меня Алексом зовут. А вас?

— Меня — Чарген, — улыбнулась девушка. — Так какое звено?

— Я вообще-то сам звеньевой. Звено резерва, — весомо сказал я и не удержался, спросил: — А Чарген — это по-каковски?

— Это по-цыгански, — ответила девушка, не отрываясь от журнала.

— Красиво! Даже очень! А что ваше имя означает? Если не секрет, конечно.

— Это означает звезда, — Чарген украдкой взглянула на меня

умными карими глазами. — Так, нашла вас. Только утром внесли в списки, первый раз будете амуницию брать.

— Кинжал у меня есть, мне бы всё остальное.

— Ну что ж, у нас сегодня всего достаточно, — девушка выразительно развела руки. — Всегда бы так. Берите, что нравится — я запишу.

Я походил между столами, шкафами и стеллажами, и выбрал себе крепкие холщовые штаны, просторную рубаху, широкий кожаный пояс, крепкие ботинки. Из амуниции взял хорошую кольчугу с мелкими колечками в три слоя. Подумал немного и решил присовокупить сюда же металлический шлем. Неохота мне было снова к деду Тимофею возвращаться, уж очень неприятная это процедура. А посему надо о защите серьёзно позаботиться.

— Примерить можно вон там, за ширмой, — предложила мне Чарген, очаровательно улыбаясь.

— Спасибо, — поблагодарил я, держа в руках всю эту груду вещей.

Все пришлось в пору, как на меня шитое. В зеркале на меня довольно глядел вполне лихой боец. Я приторочил к поясу ножны с кинжалом, надел шлем, сдвинул его слегка на бок, чтобы не быть похожим на салагу-новобранца, и вышел из-за ширмы.

— Ой, как вам всё идёт! — всплеснула руками Чарген.

— Спасибо на добром слове, — смутился я.

— А я знаю, чего ещё не хватает! — неожиданно сказала она.

— Чего же?

— Сейчас, одну секунду!

Она исчезла в дальнем конце комнаты, начала открывать и закрывать дверцы какого-то шкафа.

— Вот! — воскликнула она. — Смотрите!

В руках у неё была накидка из лёгкой алой ткани. В уголках было что-то вроде брошек, которые соединялись красивой серебристой цепочкой.

— Повернитесь-ка спиной! — скомандовала она.

— Да вы что! — возмутился я. — Не одену я её! Бойцы засмеют.

— Не засмеют. А если и засмеют, какая вам разница, — возразила Чарген. — Плащ в любом случае положен рыцарям и командирам, начиная от десятника.

— Но я же не десятник! И не рыцарь!

Она молча смотрела на меня, и мне показалось, что она что-то изучает. Кто их разберёт, этих цыган. Но до чего же красива! Глаз не отвести.

— Будешь десятником. И рыцарем будешь. Возьми пока с собой, — вдруг сказала она, сложила накидку и сунула мне в

руки. — А сейчас ступай. Увидимся ещё с тобой. Скоро.

Ничего не понимая, я кивнул, неловко поблагодарил и вышел за дверь. Меня ждал Рексоман. И мои ребята.

Когда в глазах снова прояснилось, передо мной была уже знакомая стена из крупного тёмно-серого камня. В помещении, как и в первый раз, было полутемно. Я повернулся, и вздрогнул от неожиданности — за спиной молча стоял дед Тимофей в своём привычном бордовом балахоне.

— Тридцать восьмой, — хмуро произнёс старик вместо приветствия.

— Здорово, дед Тимофей! — радостно поздоровался я.

— И тебе не хворать. Отойди в сторону.

— Чего? — не понял я.

— В сторону отойди, говорю, — раздражённо повторил писарь. — Приёмник блокируешь.

Я в недоумении отошёл ближе к окну и осмотрел себя. Как и в первый раз, на мне были свободные холщовые штаны и такая же рубаха. В карманах и на поясе пусто — всё осталось там, на болоте, на поживу людям Шкипера.

— Тридцать девятый, — монотонным голосом произнёс писарь.

В высоком, атлетического сложения брюнете, появившемся в круге приёмника, я без труда узнал Семёна. Странно было видеть его без кольчуги, шлема и меча.

— Привет, Алекс, — кивнул мне он. — И тебе, Тимофей, здравствуй.

— Здоровее видали, — огрызнулся писарь. — Выйди из круга.

Семён улыбнулся и сделал шаг в сторону. На его месте тотчас же появился незнакомый мне толстяк с круглым добродушным лицом.

— День добрый! — поздоровался он.

— Сороковой! Что ж вы за вояки такие! — в сердцах сказал дед Тимофей. — Так скоро всю заставу вашу тут приму.

— Ну, мы же не на пикнике обнулились, сам понимаешь, — попытался оправдаться Семён.

— Да плевать мне, где вы обнулились, — отрезал писарь. — Драться надо лучше! Кто подходы к городу прикрывать будет? Мне что ли, старику, прикажете? Так поди лучше вашего справлюсь! Скройтесь с глаз моих!

Мы с Семёном переглянулись и сочли за лучшее ретироваться.

Во дворе ратуши кипела жизнь. Только что прошедшие через приёмник дружинники стояли кучками, оживлённо общались, жестикулировали. Должно быть, обсуждали детали боя и

выясняли кто, где и при каких обстоятельствах был обнулён. Немного странно было видеть столько народу в одинаковой стандартной одежде, но тут уж ничего не поделаешь.

В центре двора стояло два внушительных бочонка. На одном было написано «квас», на другом — «пиво». Тут же неподалёку было накрыто несколько столов, на которых стояли кружки, и разложена была нехитрая закуска: бутерброды, рыбка, баранки, сухарики.

— Ничего себе, — поразился я. — И что, у вас всегда так обнулившихся дружинников встречают?

— Не всегда, конечно, но бывает, — поделился опытом Семён. — Воевода наш мужик с понятием. Да и ситуация не самая обычная — не каждый день у нас такие крупные операции с серьёзными потерями. Надо народ поблагодарить и морально поддержать.

— Я за пивом, вы будете? — спросил добродушный толстяк, прибывший одновременно с нами. — За знакомство выпили бы! Меня Афанасием зовут.

Мы с Семёном тоже представились.

— Мне к воеводе сейчас, — сказал Семён. — И Алекс со мной пойдёт. Ты пока начинай, Афанасий, мы подойдём попозже.

В кабинете воеводы было многолюдно. Я даже не сразу его разглядел из-за широких спин столпившихся вокруг стола дружинников. Семён похлопал одного из них по плечу и отодвинул слегка в сторону. Теперь стала видна карта, разложенная на столе. Один из дружинников (кажется, звеньевой с заставы, я пока по именам всех не запомнил) водил по ней пальцем, что-то объясняя воеводе.

— День добрый! — громко сказал Семён. — Ну что, как обстановка?

— Ну вот, и штаб заставы уже прибыл, — мрачно сказал Зигурд. — Может, ещё и Рексоман с тобой явился?

— Нет, не явился, — спокойно ответил мой спутник. — Мы с Алексом были.

— С новеньким? И где он?

— Тут! — я подошёл поближе к столу.

— Поздравляю с повышением! — улыбнулся мне Зигурд. — Мне уже доложили. Ты же звеньевой теперь?

— Так точно, — подтвердил я.

— Давай тогда, докладывай, звеньевой. И на карте сразу показывай.

Я присмотрелся к линиям и топографическим знакам, взял лежащий на столе карандаш и обвёл на карте небольшой кружок. Найти нужное место было не трудно: на карте нанесена была уже

практически вся диспозиция частей перед боем.

— В общем, моё звено должно было заткнуть вот эту брешь. Шкипер вышел прямо на нас, численность его отряда превышала нашу раза в четыре.

— Значит, ушёл он? — уточнил воевода.

— Думаю, ушёл, — ответил за меня Семён. — Нам его было не остановить. Тут рыцарь нужен был, а лучше два.

— Что, настолько хорош? — недоверчиво спросил Зигурд.

Семён промолчал, но ответ и так явственно читался на его лице.

— Думаю, мы его отряд зато здорово потрепали, — сообщил я.

— Потрепали, — с горечью повторил Зигурд. — Хорошенький результат. Ещё вопрос, кто кого потрепал. Давай, Икар, обобщи-ка всё, что тут докладывали. Хочется общую картинку услышать.

Звеньевой, тот самый, чьё имя я сразу не смог вспомнить, прочистил горло и сообщил:

— Операция началась точно по плану, в установленное время. Все отряды вышли на исходные позиции и атаковали вовремя. Пункты наблюдения в лесу, к счастью, разведчики обнаружили и обнулили заранее, противника удалось застать врасплох.

— Повезло, что врасплох, а то не половина, а вся застава у Тимофея бы оказалась, — вставил Зигурд.

— Численность отряда Шкипера превысила две сотни человек, — продолжил Икар.

— Откуда у него столько? — не выдержал кто-то из дружинников.

— В его лагере, в палатках обнаружены горы первосортной амуниции и отборного оружия, — это то, что мы уже успели найти. Возможно, ещё кто-то прибудет и дополнит информацию.

За счёт элемента внезапности удалось нанести противнику серьёзный урон в живой силе. Остальные скрылись в лесах и болотах. Лагерь с богатыми трофеями остался за нами.

— Спасибо, Икар, — воевода поднялся с места. — Короче, подведу итог. Лагерь Шкипера нашли. Молодцы. Операцию спланировали удовлетворительно. Дрались хорошо, сделали, что могли, у меня претензий нет. Зато вопросы есть.

Мы молчали, внимательно слушая Зигурда.

— Вопрос первый, — продолжил он. — Откуда у Шкипера такая прорва людей? Это же маленькая армия! Вопрос второй: откуда у него столько первоклассной амуниции, и кто его ею снабжает. Вопрос третий: что он с этим батальоном и вооружением собирался делать в нашем княжестве? Это уже не

мелкий разбой, и даже не партизанские вылазки. Это больше действия регулярной армии напоминает.

А ведь воевода прав! Масштаб и вправду не подходил для шайки лесных бандитов.

— Слушай мой приказ, — воевода обвёл нас взглядом. — Уже девятый час, сегодня, к сожалению, поздно возвращаться — людям в реал пора, отдыхать. А утром — марш-бросок на заставу. Некогда нам пиры разводить. Тут собрались только ветераны — прошу вас с вечера все подготовить. Чтобы для всех в казарме место нашлось, а с утра все знали, кто сам идёт, кого на телегах везёте. Дам две телеги, больше не могу. Как доберётесь — сразу отправляйте назад, транспорт нам самим тут нужен, кроме вашей ещё и другие заставы есть. Вопросы?

По кабинету прокатился шепоток, но вслух никто ничего не сказал.

— Тогда разойдись, — сказал Зигурд. — Семён, передай Рексоману, чтобы утроил патрули. Заставу перевести в боевую готовность. На дорогах выставить блок-посты. Лес постоянно прочёсывать. Не нравится мне всё это.

Во дворе, возле бочонка с пивом, я нашёл своё звено почти в полном составе. На лицах читалось неподдельное счастье, какое можно испытать только среди друзей, пройдя с ними через хорошую драку или любое другое серьёзное испытание. Так рождается боевое братство. А ведь ещё сегодня утром звена, как боевой единицы, не существовало!

— А вот и командир! — радостно хлопнул меня по спине Бруно. — Давай, выпьем все вместе!

Бойцы обступили меня, кто-то сунул в руку кружку с пенящимся напитком. Я посмотрел на довольно улыбающуюся Агнешку, на которой очень хорошо смотрелись даже стандартные штаны и рубаха, и поднял руку.

— За резерв! — провозгласил я, и народ дружно подхватил:

— За резерв!!

Мы с грохотом сдвинули кружки, и я сделал несколько жадных глотков. Давненько я ничего не пил. И не ел. Пиво оказалось отличным, с привкусом мёда, и холодным — как раз то, что надо.

— А эффектно вы на Шкипера шли со своими ножичками, — сказал Федя. — Не сдрейфили.

— Ага, а этот ниндзя с наколкой на шее мечами, как пропеллерами работал, — поддержал тему «гном».

— Давайте, что ли, знакомиться, кого ещё по имени не знаю, — предложил я. — А то я тебя «гномом» называю, уж извини.

— Нормально, мне гномы нравятся, — не обиделся боец. — А

вообще, по нику я — Вакс.

— Приятно! Так, Агнешка, Федя, Бруно, Петя… — я осмотрелся по сторонам.

— Саид, — назвал себя смуглый брюнет, который до сих пор всегда молчал и был единственным, кто не пил пива вместе со всеми.

— Жека, — ткнул себя в грудь невысокий коренастый парень, слегка кудрявый и оттого похожий на цыгана.

— Мельник, — представился богатырского роста и сложения мужик, заросший рыжей щетиной.

Учитывая, что он только что вышел из приёмника, получалось, что щетину он себе нарисовал умышленно, когда делал аватар. Надо и мне свою стандартную внешность как-то разнообразить, подумал я.

— Остальные, я так понимаю, остались в лесу? — спросил я.

— Драпанули остальные, — сказала Агнешка. — Точнее, отступили. Кроме Макарыча. Я последняя обнулилась, у них только пятки уже сверкали.

— А тебя как достали, ты же в укрытии была? — спросил Бруно.

— Как, как… — поморщилась Агнешка. — Залезли на дерево и сдёрнули вниз.

— А Макарыч?

— Макарыч оставался ещё, не знаю, что с ним.

— Значицца, так, — подвёл итог я. — Воевода нам объявил благодарность, мы всё правильно сделали и урон противнику нанесли.

— Прикольно формулируешь, командир, — хохотнул Федя, наливая себе из краника в бочке очередную кружку.

— Сейчас отдыхать, а завтра с утра выдвигаемся в срочном порядке обратно на заставу, — продолжил я. — В лагере Шкипера было двести человек и тонна амуниции. Воевода считает, что-то затевается.

— О-о! — сказал Бруно. — Если уж воевода засуетился…

— Нам оружие выдадут, или мы так пойдём? — спросил Вакс.

— Зигурд ничего не сказал, наверное, решил, что на нас трофеев хватит, — предположил я. — Кто мне скажет, как перса настроить, чтобы завтра сам на заставу топал? Выспаться хочу и дела кое-какие поделать. К полудню появлюсь.

— Не боись, командир. Позаботимся о твоём персе, — сказал Петя. — Уложим на телегу, доберёшься с комфортом.

— Спасибо, друзья, — с чувством сказал я.

— Один за всех! — звонко сказала Агнешка. — И все за одного!

Бойцы засмеялись и снова с треском сдвинули кружки.

Я аккуратно снял и положил на стол кибер-остео, прислушался. В зале работал телевизор, наверное, родители смотрят какое-нибудь очередное развлекательное шоу. Вообще-то, попадаются среди этих шоу и интересные, но мне сама идея не нравится: прилипать к телевизору каждый вечер и быть как бы его придатком. Просто смотреть в экран, улыбаться и постоянно что-то жевать. Нет уж, по мне так лучше лежать в кресле перед компьютером, но чтобы мозг на полную катушку работал, как это возможно только в хорошей виртуальной игре. Ну, или на очень интересной работе, типа научно-исследовательской, или любой другой аналитической. На такую бы я согласился. Если зарплата соответствующая. Только я ни МФТИ, ни МГИМО не оканчивал, и в разведку меня тоже никто пока не звал. Так что остаётся виртуал.

Я вышел из комнаты, посетил туалет и ванную, а затем обосновался на кухне. В одной сковороде соблазнительно красовались загорелые котлетки, в другой ждала меня жареная картошка. Я наложил себе полную тарелку и хотел было вернуться в свою комнату. Но не тут-то было. В дверях стояла мама и укоризненно смотрела на меня.

— Ну вот, опять ночью питаешься, — сказала она. — Ну кто же так делает, Саш?

— Ммм, — неопределённо ответил я, дожёвывая котлету.

— Опять в компьютере своём весь день проторчал?

— Я новую игру нашёл, — признался я. — Такая интересная!

— Новая? — грустно спросила мама. — И чем она от старой отличается? Может, мы тебя с отцом чаще видеть теперь будем? Или ты с друзьями чаще встречаться начнёшь, девушку заведёшь или там спортом станешь заниматься?

— В общем, классная игра, военно-экономическая, — закончил я свою мысль, затем включил чайник, бросил в чашку пакетик чая.

— Не пей на ночь, не уснёшь! — сказала мама.

— Ладно, — я решил не спорить. — Просто кипятка налью, с вареньем смешаю.

— Как с работой дела?

— Нормально, — буркнул я. — Завтра один заказик доделаю с утра.

— Эх, Саша, Саша, — покачала головой мама. — И почему ты не поищешь нормальную работу, чтобы зарабатывать, как все приличные люди? С твоим образованием!

Вообще-то, с моим стандартным экономическим образованием найти нормальную работу, чтобы зарабатывать, как

приличные люди, шансов мало. А гнуть спину на «дядю» за копейки, да ещё под руководством какого-нибудь психически неадекватного карьериста, мне совсем не улыбалось. Уж лучше буду как сейчас — индивидуальным предпринимателем, клепать потихоньку сайтики, заниматься их рекламой и продвижением. Тоже не айс, но зато я независимый. Работаю, сколько хочу. А главное, играю, сколько хочу. Пожалуй, вторая причина даже важнее.

Я, конечно, не стал повторять все это вслух, тем более, что не раз уже с родителями на эту тему спорил. Вместо этого я подхватил горячую чашку и тарелку, и мама выпустила меня с кухни.

— Отцу хоть «здрасте» скажи! — бросила она вдогонку.

Я коротко заглянул в зал — отец сидел на диване с кружкой пива в руке и смотрел в телевизор. На экране девица в короткой юбке и с пышными кудрявыми волосами исполняла какую-то смутно знакомую ностальгическую песню советских времён.

— Всё смотришь? — риторически спросил я. — Спокойной ночи!

— Только недавно с работы пришёл, — не отрываясь от экрана, сказал отец. — Спокойной ночи!

С чувством выполненного долга я прошёл в свою комнату, наскоро поужинал и залез в постель. В голове мелькали образы сегодняшнего насыщенного дня. Картинки заставы, похода по болоту, короткого боя на поляне. Вспоминались лица моих бойцов. Я уже чувствовал за них ответственность. Как они там разместились в казармах, как там с утра всё организуется? Завтра надо многое успеть, подумал я, прежде, чем погрузиться в сон.

Как обычно, уложиться в намеченное время не удалось. Проснулся рано, но довольно долго «раскачивался» — пил кофе, читал новости, просматривал почту и сообщения в социальных сетях. Потом занялся сайтом клиента, но провозился дольше, чем собирался. Заказчика, как назло, тоже на месте не оказалось, пришлось ждать, перезванивать. Наконец, переговорил с ним — но пришлось заново меню на сайте переделывать — не понравилось моё графическое решение. Так всегда: предлагаешь клиентам что-то серьёзное и функциональное, а им подавай яркую и эффектную безвкусицу. Как говорится, хозяин — барин. За ваши деньги — любой каприз. И уж совсем непредвиденно позвонила с работы мама и попросила сбегать в магазин, кое-что из продуктов купить. Отказаться я не мог, и так, можно сказать, на шее у родителей сижу. Одним словом, до Нереалии я добрался лишь к трём часам.

Я лежал на длинной лавке, а вокруг меня, если я правильно

помню название, располагалась горница. Короче, очнулся я в избе. Ну ясно, сам переход я уже «проспал». Бойцы перенесли моего перса с телеги в выделенную нашему звену избу. Это хорошо, начинаем потихоньку на заставе обживаться. Очень хотелось увидеть настоящую русскую печь, но таковой не оказалось, сходство с настоящей избой было всё же довольно поверхностным. Ну, понятное дело, как мне Витя сказал — не жить же нам здесь. Зато я нашёл на лавках ещё несколько знакомых: Петя, Саид и Мельник тоже до сих пор не удосужились вернуться в игру. Ладно, пора и делом заняться.

С крыльца моему взору предстал замечательный вид на внутренний двор крепости. Застава жила своей жизнью. Деловито сновали взад и вперёд дружинники, откуда-то пахло кашей, мускулистый парень обливал возле конюшни лошадей водой из ведра и растирал им бока чем-то вроде губки.

— Проснулся? — раздался знакомый голос.

Я посмотрел вниз: прислонившись спиной к стене, возле избы сидели Федя, Бруно и Макарыч.

— А говорил, к полудню будешь, — продолжил Бруно.

— Здорово, мужики, — я развёл руками. — Раньше никак не получалось.

— Ладно, чего уж там, — сказал Федя. — Всё в норме, все добрались, нового ничего нет.

— Витя заходил, — проинформировал Макарыч. — Сказал, как появишься — чтоб к сотнику заглянул, доложился.

— Давно? — вздохнул я.

— С полчаса где-то. Только ты оденься сперва.

Я глянул на себя — на мне всё ещё была стандартная одежда «от деда Тимофея».

— А где тут переодеться можно?

— Склад в той стороне, — показал рукой Федя. — Там сейчас, как в ГУМе перед Новым годом: всё завешено и завалено вещами. Хороший трофей в лагере Шкипера собрали.

— Это хорошо! — согласился я. — А где наши все?

— Кто где, — ответил Бруно. — Агнешка к своим пошла пообщаться, некоторые дрыхнут ещё, ты сам в хате видел, а кто-то тренируется.

— В смысле, тренируется?

— В смысле, дерёшься, опыт зарабатываешь, — пояснил Макарыч. — Ты меч уже поднимаешь?

— Не знаю, наверное, ещё нет.

— Ну вот. Для этого опыт нужен. А это только в бою или на тренировках. Те же бои, только между своими. Заодно и технике подучишься у ветеранов.

— Ты у Макарыча учись — мало кто лучше из арбалета стреляет, — засмеялся Бруно. — Кстати, арбалет тоже не каждый подымет, для этого опыт набрать надо, и умение.

— Ладно, вернусь от сотника — потренируемся, — пообещал я.

— Кстати, держи-ка! — Макарыч порылся за пазухой и достал какой-то свёрток. — Подобрал на полянке.

Я развернул тряпицу — в ней лежал мой кинжал в ножнах!

— Вот это да! Макарыч… Спасибо тебе душевное! Это же надо!

— Давай, звеньевой, не задерживайся, — пряча улыбку, буркнул Макарыч. — Потренируемся, а вечером шашлыки жарить будем, обещали пиво выкатить. В честь победы.

Складом оказалось довольно просторное помещение, встроенное в стену крепости. Вероятно, это был и склад, и арсенал одновременно, так как часть помещения была полностью заставлена стеллажами и стойками для разнообразного оружия. Чего тут только не было! Луки и арбалеты, мечи и кинжалы, боевые топоры, булавы, кистени и шипастые палицы. Правда, вид немного портил второпях сваленные на столах и прямо на полу в беспорядке вещи — кольчуги, кожаные штаны и куртки, доспехи, пояса и много ещё чего, не успел подробно рассмотреть.

Навстречу мне вышла миловидная девушка, с длинными прямыми волосами до пояса. Волосы были жгуче-чёрные и приятно гармонировали с её смугловатой, или просто загорелой кожей.

— Переодеться? — догадалась девушка, бросив на меня беглый взгляд.

Я смутился, вспомнив, что так и не поработал над своей внешностью в графическом редакторе — если честно, просто забыл. Не до того было.

— Мне бы переодеться, ну и амуницию тоже, — попросил я.

Девушка достала из шкафа журнал, перелистала.

— Зовут как? Из какого звена?

— Меня Алексом зовут. А вас?

— Меня — Чарген, — улыбнулась девушка. — Так какое звено?

— Я вообще-то сам звеньевой. Звено резерва, — весомо сказал я и не удержался, спросил: — А Чарген — это по-каковски?

— Это по-цыгански, — ответила девушка, не отрываясь от журнала.

— Красиво! Даже очень! А что ваше имя означает? Если не секрет, конечно.

— Это означает звезда, — Чарген украдкой взглянула на меня

умными карими глазами. — Так, нашла вас. Только утром внесли в списки, первый раз будете амуницию брать.

— Кинжал у меня есть, мне бы всё остальное.

— Ну что ж, у нас сегодня всего достаточно, — девушка выразительно развела руки. — Всегда бы так. Берите, что нравится — я запишу.

Я походил между столами, шкафами и стеллажами, и выбрал себе крепкие холщовые штаны, просторную рубаху, широкий кожаный пояс, крепкие ботинки. Из амуниции взял хорошую кольчугу с мелкими колечками в три слоя. Подумал немного и решил присовокупить сюда же металлический шлем. Неохота мне было снова к деду Тимофею возвращаться, уж очень неприятная это процедура. А посему надо о защите серьёзно позаботиться.

— Примерить можно вон там, за ширмой, — предложила мне Чарген, очаровательно улыбаясь.

— Спасибо, — поблагодарил я, держа в руках всю эту груду вещей.

Все пришлось в пору, как на меня шитое. В зеркале на меня довольно глядел вполне лихой боец. Я приторочил к поясу ножны с кинжалом, надел шлем, сдвинул его слегка на бок, чтобы не быть похожим на салагу-новобранца, и вышел из-за ширмы.

— Ой, как вам всё идёт! — всплеснула руками Чарген.

— Спасибо на добром слове, — смутился я.

— А я знаю, чего ещё не хватает! — неожиданно сказала она.

— Чего же?

— Сейчас, одну секунду!

Она исчезла в дальнем конце комнаты, начала открывать и закрывать дверцы какого-то шкафа.

— Вот! — воскликнула она. — Смотрите!

В руках у неё была накидка из лёгкой алой ткани. В уголках было что-то вроде брошек, которые соединялись красивой серебристой цепочкой.

— Повернитесь-ка спиной! — скомандовала она.

— Да вы что! — возмутился я. — Не одену я её! Бойцы засмеют.

— Не засмеют. А если и засмеют, какая вам разница, — возразила Чарген. — Плащ в любом случае положен рыцарям и командирам, начиная от десятника.

— Но я же не десятник! И не рыцарь!

Она молча смотрела на меня, и мне показалось, что она что-то изучает. Кто их разберёт, этих цыган. Но до чего же красива! Глаз не отвести.

— Будешь десятником. И рыцарем будешь. Возьми пока с собой, — вдруг сказала она, сложила накидку и сунула мне в

руки. — А сейчас ступай. Увидимся ещё с тобой. Скоро.

Ничего не понимая, я кивнул, неловко поблагодарил и вышел за дверь. Меня ждал Рексоман. И мои ребята.

Глава восьмая. Вероломное нападение

Я поднялся по ступенькам на крыльцо хорошо знакомой мне штабной избы Рексомана и толкнул дверь. В горнице за широким столом сидели сотник, Добрыня и Мамай. Перед ними стоял Персиваль, крепко держа за руку пленённого мною вчера щуплого бандита. Судя по всему, допрос был в самом разгаре. Рексоман кивнул мне и рукой показал на стул.

— Так откуда у вас столько оружия в лагере оказалось? Кто снабдил? — скучным голосом спросил Мамай.

— Клад нашли, — ехидно ответил пленник.

— Не гандарийцы вам случайно клад-то подбросили?

— Говорю, клад. Гы! — шкиперовец явно находчивостью не блистал.

— А хочешь, мы тебя в карцере до конца года оставим? — вкрадчивым голосом спросил Рексоман.

— Да мне плевать, — равнодушно сказал пленный. — Меня вытащат. Скоро всех вас обнулим. И князя вашего заодно.

— Как звать тебя? Это же, надеюсь, не тайна? — спросил Добрыня.

— Анархист две тыщи восемь.

— Ничего себе имечко, — ухмыльнулся Мамай. — А скажи-ка ты нам, мил человек, про кого ты все время нам толкуешь? Кто это мы? Мы придём, мы обнулим… Кто именно? Банду вашу мы разбили, базу ликвидировали. Как обнулять собираетесь?

— Ничего я вам не скажу. Нашли стукача, — презрительно сказал Анархист.

— Есть предложение, — Рексоман подался вперёд. — Мы тебя отпускаем на все четыре стороны. Топай домой. Или, на твой выбор, обнуляем в честной дуэли, и ты мгновенно возвращаешься к себе в родной город.

— А взамен что хотите? — насторожился пленный.

— А взамен ты нам говоришь одну-единственную вещь: кто поставил оружие.

Анархист задумался. Предложение немедленно вернуться домой выглядело более, чем заманчиво. Куда привлекательнее, чем неизвестно сколько сидеть в карцере, выпадая на это время полностью из игры. А играть он любил. Это я с уверенностью могу сказать — в виртуальных играх, в принципе, не встретишь людей, которые не любили бы играть. Другие здесь не задерживаются.

— Чем докажешь? — нахально спросил Анархист.

— Слово командира заставы и рыцаря, — Рексоман торжественно встал в полный рост. — Ты слышал когда-нибудь, чтобы смоленские рыцари своё слово нарушали?

Анархист снова задумался. Персиваль кашлянул, переступил с ноги на ногу и взял пленного за предплечье левой рукой.

— Затекла, — прокомментировал он, похлопывая правой рукой по бедру.

— Решай быстрее, Анархист, некогда мне тут с тобой лясы точить, — поторопил пленного Рексоман.

— Ладно! — сдался тот. — Скажу, но немного.

Мне почему-то сразу подумалось, что персом руководит совсем ребёнок, школьник. Когда долго играешь, начинаешь распознавать такие вот нюансы в речи.

— Говори! — потребовал сотник.

— Короче, я только слышал, что Шкипер в город ходил, в Смоленск ваш, — быстро сказал пленный. — Типа вызвали его или что-то в этом роде. А потом ночью гандарийцы подошли, а может, и ещё кто-то с ними, я не знаю — просто помогал им телеги с амуницией разгружать. Вот и все, потом меня в засаду послали, дальше я не в курсе. А только точно скажу: отожмут у вас скоро Смоленск. У нас только и разговоров, как трофеи делить будем.

Рексоман снова сел за стол и задумался.

— Отпускайте! — напомнил о себе пленник. — А лучше обнулите.

Персиваль вопросительно глянул на сотника.

— Дайте ему кинжал, — сказал тот. — Пусть с ним Алекс сразится, ему опыт нужно зарабатывать.

Я такого поворота не ожидал, но спорить не стал, опыт и вправду нужен.

— Выведи его пока, Персиваль. Подождите минуток пять, пусть мне Алекс доложится сначала, — приказал Рексоман.

— Понял! — ответил Персиваль и вывел пленного во двор.

Мамай шумно выдохнул, провёл рукой по лбу, будто вытирая пот.

— И где только Шкипер этих малолеток набирает? — с недоумением спросил он.

— Ну, во-первых, до сих пор мы у него малолеток не замечали, — задумчиво сказал Рексоман. — А во-вторых, если у него банда до двухсот с лишним человек выросла, то её вполне могли наши соседи людьми накачать так же, как и оружием.

— Конечно могли, — поддержал его Добрыня. — Гребут людей, где могут, и пачками к нам засылают. Вопрос, с какой

целью.

— Вопрос, чего они добиться хотят, — сказал Мамай. — И кто это Шкипера в Смоленск вызвал? Вроде как, на службе у князя не состоит. Что происходит вообще? Одно дело — беспредельничать помаленьку, это часть игры, понять можно. Другое дело — если они тут армию у нас под носом собирают.

— А может, я как раз тогда и встретил Шкипера у ратуши, когда его вызывали? — спросил я.

— У ратуши, говоришь? — переспросил Рексоман. — Думаете, случайность?

— Не верю я наместнику ни на грамм, — сказал Мамай. — Это он замутить что-то решил.

— А Шкипер у него на побегушках? — скептически спросил сотник. — Не по понятиям это, не станет он унижаться.

— Это смотря сколько ему советник пообещал, — заметил Добрыня. — Шкипер деньги любит.

— Ага, и власть, — добавил Мамай. — Отожмём, мол, город, и будешь в нём править. Ради такого он бы наместнику сапоги лизал.

— А что значит «отожмём»? — не понял я. — Вот и Анархист то же самое сказал.

— Это когда город больше недели осаждают, — пояснил Добрыня. — Если противнику не удаётся ратушу и её контрольный пункт с боем захватить, то есть ещё вариант победы через осаду города. У защитников есть семь дней, чтобы снять её или откупиться.

— А если не получается?

— Если не получается, то княжество официально переходит в собственность нападающей стороны. Ратуша закрывается. Дружина распускается. То есть противник расширяет свою территорию за наш счёт, получает дополнительные ресурсы, накопленные ценности и так далее.

— Так ведь создание княжества денег стоило! Они что, пропадут?

— Половину первоначально вложенной суммы пайщикам по правилам возвращает победитель, — грустно сказал Мамай. — Часто он ещё и доплатит, чтобы ты сдался поскорее. А вот кто потраченное время вернёт? Это же месяцы, а то и годы реальной жизни! Люди душу вкладывают, строят, служат — и всё насмарку.

— Всем желающим предложат остаться, сменить подданство, — усмехнулся Добрыня. — Соблазн большой, многие останутся. Если у тебя дом свой или там мастерская, торговля, аптека — тогда выгоднее остаться на месте. И играть дальше.

— По мне так лучше вообще с игрой покончить, чем на своей

земле чужому князю кланяться! — сказал Мамай и сжал кулаки.

— Ладно, над этим всем ещё поразмыслить надо, — сотник почесал затылок. — Двести человек город не отожмут, пусть даже вооружённые до зубов. Чую, тут другое. Хитрость какая-то. Давай, Алекс, доложись пока, тебя Персиваль ждёт.

Я прочистил горло:

— Ну, докладывать особо нечего. Прошли болото, окопались на опушке леса. Шкипер вышел прямо на нас, с ним ещё человек сорок. Потрепали их, как могли, потом меня обнулили.

— Молодец, Алекс, ты ведь прав оказался, — сказал сотник. — если бы раньше додумались, куда Шкипер прорываться станет, может, взяли бы его. Или хотя бы обнулили.

— Для этого кто-то из рыцарей должен был с Алексом идти, — заметил Мамай. — А нам и без того дел хватило.

— Да, битва жаркая была, — мечтательно произнёс Добрыня.

— Семён вам, наверное, уже передал приказ воеводы? — спросил я.

— Да, уже доложил, — Рексоман встал, подошёл к окну, где стояла кадка с водой, зачерпнул ковшиком. — Пить хочешь?

— Нет, спасибо, — отказался я.

— А я люблю, хорошая водица — колодезная, студёная! — Рексоман с наслаждением сделал несколько глотков. — В общем, у нас тут как раз на эту тему малый совет был. С завтрашнего дня усиливаем патрулирование дорог. А ещё предпримем небольшой разведывательный рейд к самой границе. И немного дальше. Поступаешь в распоряжение Мамая. Дальше он сам расскажет. Его идея была.

— В общем, наведаемся в одну деревеньку, — сообщил Мамай. — Без лишнего шума. Понаблюдаем. Задача — отследить перемещение сил противника. Или их скопление.

— Ну, правильная, в общем-то, мысль, — поддержал я. — Разведка должна быть обязательно. Только почему наше звено? Вроде как на разведке не специализировались. Потом, мы ещё только срабатываемся.

— Вот и сработаетесь, — не терпящим возражений голосом сказал Рексоман. — Заодно и поспециализируетесь.

— В восемь утра выходим, предупреди там своих, — добавил Мамай.

— Предупрежу, — без особого энтузиазма сказал я.

— Ты бы потренировался сегодня в фехтовании, Алекс, — попросил Добрыня. — Завтра может пригодиться.

— В любой момент может пригодиться, — поправил его Мамай.

— Понял, — согласился я, вставая. — Пойду тренироваться.

Персиваль сидел на ступеньке крыльца, Анархист нервно прохаживался взад и вперёд здесь же неподалёку.

— Закончили? — спросил Персиваль. — Что так долго?

— Да так, слово за слово, — неопределённо сказал я, спускаясь во двор и щурясь на ярком солнце.

— Ясно. Здесь драться будешь, или отойдём куда?

— Меня ребята ждут, пойдём-ка лучше к нашей избе, — попросил я.

— Ну, как скажешь, — великодушно согласился Персиваль. — Эй, беспредельщик!

— Анархист, — хмуро поправил пленный.

— Давай, шевели копытами. Скоро домой отправишься.

Бойцы встретили нас настороженно. Кроме Феди, Макарыча и Бруно возле стеночки теперь сидели Петя и богатырь-Мельник.

— Новенький, что ли? — спросил Федя, глядя на пленного.

— Размечтался, — огрызнулся Анархист.

— Ишь ты, какой, — усмехнулся Макарыч. — Шкиперовец?

— Вот, обнулить надо красавца, — пробасил Персиваль. — Рексоман вашему звеньевому поручил пофехтовать, чтоб опыта набирался.

— Даже так? — оживились бойцы. — Это интересно!

— Дайте ему кто-нибудь кинжал, — приказал Персиваль.

Петя протянул кинжал Анархисту, я положил алую свёрнутую накидку на ступеньку и достал свой кинжал.

— А он сам себя сейчас не обнулит случайно? — спросил я.

— Это было бы позорно, и он это знает, — спокойно ответил мне Персиваль. — Давайте, начнём уже. Дуэль до первого серьёзного укола, лёгкие царапины не считаются. Пропустил укол — обнулился. Настройте там свои интерфейсы.

— А что, это ещё и регулировать можно? Размер критического повреждения? — спросил я.

— В настоящем бою — нет, а в учебном — конечно, можно, — объяснил Персиваль. — Нам на тренировках кровь не нужна, да и цель у нас спортивная, а не бои без правил до обнуления устраивать.

— Ясно. Как это настроить?

— Просто приказываешь своему интерфейсу, при условии, что оба соперника согласны. Это нужно сказать вслух.

— Я согласен, — сказал я.

— Согласен. Давай, нападай уже! — пригласил Анархист и принял боевую стойку, немного покачиваясь из стороны в сторону.

Я тоже слегка пригнул колени, выставил вперёд руки. В правой у меня был кинжал, левая служила для равновесия.

— Не напрягайся так, — посоветовал Макарыч. — Пружинь.

Пружинь, легко сказать. Ладно, пора вспомнить навыки из «Рыцарей Средневековья». Правда, там я в последнее время в тяжёлых доспехах, с мечом и щитом воевал, соответственно, навыки немного другие, но ничего, справлюсь. Я сделал обманное движение и резко выбросил руку с кинжалом вперёд. Анархист в последний момент уклонился, подался в сторону и контратаковал.

Бойцы довольно загудели, подбадривая нас. Краем глаза я заметил, как с разных сторон к нам подходят ещё зрители. Тоже мне, нашли развлечение. Это же не бесплатный цирк.

Анархист внезапно сделал выпад, и мне пришлось сделать шаг назад. Он продолжал наступать, размахивая рукой с кинжалом, перемежая настоящие и ложные выпады. При этом его ноги постоянно были в движении, он как бы пританцовывал на месте, делая то полшага влево, то возвращаясь назад, то полшага вправо, то снова назад. А он не так-то прост, этот Анархист. Мне в лесу тогда просто повезло.

— Алекс, энергичнее, прощупывай его оборону, ищи слабые места, — посоветовал Персиваль.

Я собрался и внезапно упал боком на землю, перекатился шкиперовцу за спину и хотел уже ткнуть его кинжалом снизу, но он невероятно быстро развернулся и успел прежде чиркнуть меня кинжалом по предплечью. Кибер-остео послушно выдал мне в нервные центры порцию положенной боли, хотя, конечно, лишь отдалённо напоминающей по интенсивности настоящую. Тем не менее, приятного в этом было мало.

— Не суетись, звеньевой, — крикнул Федя. — Ногами работай! Что застыл на месте?

— Сейчас обнулю вашего звеньевого, — довольно оскалился Анархист, — придётся кого-то поопытнее против меня выставлять.

— Если ты по прошлой игре что-то помнишь — тут может не сработать, — сказал Персиваль. — И мышцы тут ещё не натренированы, скорость, ловкость, сила и так далее низкие — у тебя же уровень маленький.

Ну, замечательно. Теперь ещё и мой прошлый опыт здесь не считается. Ну уж нет. Мышцы, может, ещё не накачал, но в голове-то память и навыки остаются! Я подпустил Анархиста поближе, делая вид, что отступаю под его натиском. На каждый его удар я ставил блок, но не контратаковал. Выждав удобный момент, когда он так увлёкся атакой, что расслабился и потерял бдительность в обороне, я с силой пнул его в коленную чашечку, а когда он взвыл и невольно развернулся, аккуратно кольнул его

в мягкое место. Зрители захохотали, а Анархист успел злобно оскалиться, сверкнув на меня глазами, прежде чем его силуэт начал терять плотность и, наконец, растворился в воздухе.

— Молодец, звеньевой! — похвалил Макарыч. — Смекалка — это половина дела!

— Молоток! Круто! — радовались за меня зрители.

— Ну, может, не совсем чисто. Но, в общем, думаю, хорошим станешь рыцарем. Со временем, — пробасил Персиваль.

В этот вечер фехтования у меня было больше, чем достаточно. Каждый хотел со мной сразиться, чему-нибудь научить. Когда Персиваль, похлопав меня лапищей по плечу, ушёл — бойцы сочли, что наступил подходящий момент открыть школу по работе с кинжалом. Оказывается, это целое искусство. Меня учили различным стойкам — левосторонним, правосторонним, фронтальным, причём с разными вариациями. Показывали, как правильно держать дистанцию с противником. Рисовали на земле линии для разных шагов и движений. Снова и снова показывали виды ударов, с выпадами и без. Спорили между собой, как правильно называется тот или иной приём. В общем, к концу второго часа занятий у меня уже голова шла кругом от всех этих премудростей, но зато я понял, что раз освоив это искусство, можно всю жизнь совершенствоваться и это не только в игре пригодится, но и в реальном мире жизнь может спасти. Не знаю, сколько очков на мой виртуальный счёт боевого опыта прибавили сегодняшние занятия, но чувствовал я себя уже намного увереннее. Мне даже показалось, что движения стали легче и точнее. Федя сказал, это нормально, именно так рост по уровням в боевых навыках и отражается. Это как же я летать буду, когда доберусь до рыцарского уровня? Мне стало дико интересно. Что ж, есть, куда стремиться.

Наконец, ветерок принёс дым от костра, и мы вспомнили про обещанный в честь вчерашней победы праздник. Кольчугу, шлем и плащ я оставил в избе, остальные тоже побросали на пол всё, что потяжелее. Не воевать идём — отдыхать.

В центре двора, подальше от деревянных стен, был сложен костёр, вокруг него на брёвнах сидели дружинники, громко обсуждая вчерашний бой. Тут же, неподалёку, стояли несколько мангалов, на которых уже подрумянивались аппетитные кусочки мяса и рыбы. Запах стоял такой, что у меня не только в виртуале, но и в реале, должно быть, заурчало в желудке. Довершал праздничную картину солидный пивной бочонок, рядом с которым стояла небольшая очередь бойцов с кружками.

— Вот это я понимаю! — радостно сказал Макарыч. — Мужики, займите место на брёвнах. Я за пивом!

— Займите место на всё звено! — сказал я. — Остальные же тоже подойдут!

— Будет сделано, командир! — отсалютовал довольный Бруно. — Пива захватите на меня, лады?

Мы взяли из расставленных прямо на земле ящиков по кружке и стали в очередь за пивом.

— Интересно, откуда всё это? — спросил я.

— Ну, пиво из столицы сегодня привезли, с обозом, — сказал Федя. — Мясо, думаю, тоже. По такому поводу.

— Хотя тут не очень далеко ферма есть, — вставил Петя. — Мы им помогаем, они нам.

— В смысле, помогаем? — не понял я.

— Как рабочая сила — если дрова нужны, или построить чего. Ещё когда урожай снимать. Ну и защита мы для них, это само собой.

— А они нам продукты, — объяснил Макарыч. — По себестоимости. А иногда и просто так, типа шефская помощь.

— Хорошая помощь! — сказал я.

— А то! — согласился Петя.

Мы набрали полные кружки пива, не забыли и про Бруно. Он занял для звена целых два бревна. Мы сдвинули кружки, пригубили вкусное прохладное пиво и отправились за мясом. Едва успели вернуться и рассесться, нетерпеливо кусая отлично прожаренные ломтики, как кто-то, к моему удивлению, заиграл на гитаре. Никогда не встречал такого, ни в «Рыцарях Средневековья», ни в других играх. Я привстал, чтобы получше разглядеть гитариста, — он чем-то похож был на Бруно — тоже длинные волосы, худощавая фигура. Интересно, где он тут гитару достал? Надо будет спросить при случае. Я и сам играю, точнее, аккомпанирую. Русский рок, в основном.

— Как гитариста зовут? — спросил я.

— Славой зовут, — подсказал всезнающий Макарыч. — Давида звено.

Постепенно к нам на брёвнышки подтянулось практически всё звено. Рядом со мной, слева и справа, сидели Макарыч, Федя, Бруно с Петей, Мельник и Саид. На соседнем бревне сидели Вакс с Жекой и ещё три дружинника, имена которых я так до сих пор и не узнал. Я так обрадовался их появлению, что решил даже не поднимать тему с их бегством с поляны во время последнего боя. Будем считать, это было не бегство, а отступление. Последней пришла Агнешка — потеснила Петю, села рядом с Бруно, завела какую-то оживлённую беседу, уж не знаю, о чём. Солнце скрылось за верхушками деревьев, но никто не уходил — так хорошо было тёплым летним вечером сидеть возле костра среди друзей и

слушать гитару. Слава пел о любви. О боях, о смысле жизни, о цене, точнее, бесценности дружбы. Ему подпевали, но гитару никто не просил, как это частенько бывает в подобных ситуациях в реале. Наверное, искусство игры надо было предварительно тренировать, как и любое другое в Нереалии. Я спросил об этом Макарыча, он кивнул и пояснил, что Слава, вообще-то, менестрель, а боец — это его вторая профессия. Поэтому он всего лишь рядовой боец, хотя менестрель уже какого-то там заоблачного уровня. В это я легко мог поверить, слыша его игру.

Но вот он заиграл что-то испанское, со специфическим боем по струнам и характерным ритмом фламенко. Рядом с костром немедленно появилась, словно из ниоткуда, Чарген. На ней было красивое белое платье, очень эффектное на её смуглой коже. Длинные волосы закрывали плечи и свободно спадали до пояса. Она начала медленно двигаться в такт музыке, изящно вздымая руки и щелкая пальцами, вместо кастаньет. Блики от костра прыгали по её лицу, создавая затейливую игру света и тени, завораживая и гипнотизируя вместе с её движениями. Думаю, не было в этот момент ни одного мужчины, чей взгляд не был бы восторженно прикован к ней. Девушки, судя по Агнешке, тоже смотрели внимательно, с выражением лёгкой зависти и ревности на лице. В какой-то момент мне показалось, что Чарген смотрит только на меня, и что отблески огня, как искорки, прыгают в её глазах. А может, это были первые появляющиеся на небе звёзды.

Улыбка вдруг сошла с её губ, и я не сразу понял, что это выросло у неё на плече. Она вскрикнула, схватилась за плечо рукой, и только сейчас я осознал, что воздух наполнился странным свистом. Звук шёл одновременно со всех сторон, как в кинотеатре, и вызывал безотчётный страх. Как в замедленной съёмке опускались с небес горящие стрелы, вонзаясь в землю, брёвна и людей. Прямо передо мной выцветало лицо изумлённого незнакомого бойца, стрела попала ему в шею.

— Воздух!! — запоздало закричал кто-то. — В укрытие!!

Бойцы срывались с мест, опрокидывая соседей. Того и гляди, затопчут. Но, главное — воздухом дело явно не ограничится. А мы без амуниции! Я вскочил на ноги:

— Резерв! За мной!! — и понёсся, не оглядываясь, по направлению к нашей избе.

Застава пылала. Не знаю уж, кто и как продумывал оборону, но ничего, похоже, не сработало: кто-то сумел застать нас врасплох и, к тому же, поджечь деревянные стены. Я оглянулся: за мной грузно бежал Мельник, а за ним тесной кучкой и все остальные. Может, кого-то не было, считать было некогда. Навстречу спешили дружинники с вёдрами, полными воды, а

вдогонку нам летел медный звон забившегося в отчаяньи, как раненая птица, церковного колокола.

Я поднялся по ступенькам на крыльцо хорошо знакомой мне штабной избы Рексомана и толкнул дверь. В горнице за широким столом сидели сотник, Добрыня и Мамай. Перед ними стоял Персиваль, крепко держа за руку пленённого мною вчера щуплого бандита. Судя по всему, допрос был в самом разгаре. Рексоман кивнул мне и рукой показал на стул.

— Так откуда у вас столько оружия в лагере оказалось? Кто снабдил? — скучным голосом спросил Мамай.

— Клад нашли, — ехидно ответил пленник.

— Не гандарийцы вам случайно клад-то подбросили?

— Говорю, клад. Гы! — шкиперовец явно находчивостью не блистал.

— А хочешь, мы тебя в карцере до конца года оставим? — вкрадчивым голосом спросил Рексоман.

— Да мне плевать, — равнодушно сказал пленный. — Меня вытащат. Скоро всех вас обнулим. И князя вашего заодно.

— Как звать тебя? Это же, надеюсь, не тайна? — спросил Добрыня.

— Анархист две тыщи восемь.

— Ничего себе имечко, — ухмыльнулся Мамай. — А скажи-ка ты нам, мил человек, про кого ты все время нам толкуешь? Кто это мы? Мы придём, мы обнулим… Кто именно? Банду вашу мы разбили, базу ликвидировали. Как обнулять собираетесь?

— Ничего я вам не скажу. Нашли стукача, — презрительно сказал Анархист.

— Есть предложение, — Рексоман подался вперёд. — Мы тебя отпускаем на все четыре стороны. Топай домой. Или, на твой выбор, обнуляем в честной дуэли, и ты мгновенно возвращаешься к себе в родной город.

— А взамен что хотите? — насторожился пленный.

— А взамен ты нам говоришь одну-единственную вещь: кто поставил оружие.

Анархист задумался. Предложение немедленно вернуться домой выглядело более, чем заманчиво. Куда привлекательнее, чем неизвестно сколько сидеть в карцере, выпадая на это время полностью из игры. А играть он любил. Это я с уверенностью могу сказать — в виртуальных играх, в принципе, не встретишь людей, которые не любили бы играть. Другие здесь не задерживаются.

— Чем докажешь? — нахально спросил Анархист.

— Слово командира заставы и рыцаря, — Рексоман торжественно встал в полный рост. — Ты слышал когда-нибудь, чтобы смоленские рыцари своё слово нарушали?

Анархист снова задумался. Персиваль кашлянул, переступил с ноги на ногу и взял пленного за предплечье левой рукой.

— Затекла, — прокомментировал он, похлопывая правой рукой по бедру.

— Решай быстрее, Анархист, некогда мне тут с тобой лясы точить, — поторопил пленного Рексоман.

— Ладно! — сдался тот. — Скажу, но немного.

Мне почему-то сразу подумалось, что персом руководит совсем ребёнок, школьник. Когда долго играешь, начинаешь распознавать такие вот нюансы в речи.

— Говори! — потребовал сотник.

— Короче, я только слышал, что Шкипер в город ходил, в Смоленск ваш, — быстро сказал пленный. — Типа вызвали его или что-то в этом роде. А потом ночью гандарийцы подошли, а может, и ещё кто-то с ними, я не знаю — просто помогал им телеги с амуницией разгружать. Вот и все, потом меня в засаду послали, дальше я не в курсе. А только точно скажу: отожмут у вас скоро Смоленск. У нас только и разговоров, как трофеи делить будем.

Рексоман снова сел за стол и задумался.

— Отпускайте! — напомнил о себе пленник. — А лучше обнулите.

Персиваль вопросительно глянул на сотника.

— Дайте ему кинжал, — сказал тот. — Пусть с ним Алекс сразится, ему опыт нужно зарабатывать.

Я такого поворота не ожидал, но спорить не стал, опыт и вправду нужен.

— Выведи его пока, Персиваль. Подождите минуток пять, пусть мне Алекс доложится сначала, — приказал Рексоман.

— Понял! — ответил Персиваль и вывел пленного во двор.

Мамай шумно выдохнул, провёл рукой по лбу, будто вытирая пот.

— И где только Шкипер этих малолеток набирает? — с недоумением спросил он.

— Ну, во-первых, до сих пор мы у него малолеток не замечали, — задумчиво сказал Рексоман. — А во-вторых, если у него банда до двухсот с лишним человек выросла, то её вполне могли наши соседи людьми накачать так же, как и оружием.

— Конечно могли, — поддержал его Добрыня. — Гребут людей, где могут, и пачками к нам засылают. Вопрос, с какой целью.

— Вопрос, чего они добиться хотят, — сказал Мамай. — И кто это Шкипера в Смоленск вызвал? Вроде как, на службе у князя не состоит. Что происходит вообще? Одно дело — беспредельничать

помаленьку, это часть игры, понять можно. Другое дело — если они тут армию у нас под носом собирают.

— А может, я как раз тогда и встретил Шкипера у ратуши, когда его вызывали? — спросил я.

— У ратуши, говоришь? — переспросил Рексоман. — Думаете, случайность?

— Не верю я наместнику ни на грамм, — сказал Мамай. — Это он замутить что-то решил.

— А Шкипер у него на побегушках? — скептически спросил сотник. — Не по понятиям это, не станет он унижаться.

— Это смотря сколько ему советник пообещал, — заметил Добрыня. — Шкипер деньги любит.

— Ага, и власть, — добавил Мамай. — Отожмём, мол, город, и будешь в нём править. Ради такого он бы наместнику сапоги лизал.

— А что значит «отожмём»? — не понял я. — Вот и Анархист то же самое сказал.

— Это когда город больше недели осаждают, — пояснил Добрыня. — Если противнику не удаётся ратушу и её контрольный пункт с боем захватить, то есть ещё вариант победы через осаду города. У защитников есть семь дней, чтобы снять её или откупиться.

— А если не получается?

— Если не получается, то княжество официально переходит в собственность нападающей стороны. Ратуша закрывается. Дружина распускается. То есть противник расширяет свою территорию за наш счёт, получает дополнительные ресурсы, накопленные ценности и так далее.

— Так ведь создание княжества денег стоило! Они что, пропадут?

— Половину первоначально вложенной суммы пайщикам по правилам возвращает победитель, — грустно сказал Мамай. — Часто он ещё и доплатит, чтобы ты сдался поскорее. А вот кто потраченное время вернёт? Это же месяцы, а то и годы реальной жизни! Люди душу вкладывают, строят, служат — и всё насмарку.

— Всем желающим предложат остаться, сменить подданство, — усмехнулся Добрыня. — Соблазн большой, многие останутся. Если у тебя дом свой или там мастерская, торговля, аптека — тогда выгоднее остаться на месте. И играть дальше.

— По мне так лучше вообще с игрой покончить, чем на своей земле чужому князю кланяться! — сказал Мамай и сжал кулаки.

— Ладно, над этим всем ещё поразмыслить надо, — сотник почесал затылок. — Двести человек город не отожмут, пусть даже вооружённые до зубов. Чую, тут другое. Хитрость какая-то. Давай,

Алекс, доложись пока, тебя Персиваль ждёт.

Я прочистил горло:

— Ну, докладывать особо нечего. Прошли болото, окопались на опушке леса. Шкипер вышел прямо на нас, с ним ещё человек сорок. Потрепали их, как могли, потом меня обнулили.

— Молодец, Алекс, ты ведь прав оказался, — сказал сотник. — если бы раньше додумались, куда Шкипер прорываться станет, может, взяли бы его. Или хотя бы обнулили.

— Для этого кто-то из рыцарей должен был с Алексом идти, — заметил Мамай. — А нам и без того дел хватило.

— Да, битва жаркая была, — мечтательно произнёс Добрыня.

— Семён вам, наверное, уже передал приказ воеводы? — спросил я.

— Да, уже доложил, — Рексоман встал, подошёл к окну, где стояла кадка с водой, зачерпнул ковшиком. — Пить хочешь?

— Нет, спасибо, — отказался я.

— А я люблю, хорошая водица — колодезная, студёная! — Рексоман с наслаждением сделал несколько глотков. — В общем, у нас тут как раз на эту тему малый совет был. С завтрашнего дня усиливаем патрулирование дорог. А ещё предпримем небольшой разведывательный рейд к самой границе. И немного дальше. Поступаешь в распоряжение Мамая. Дальше он сам расскажет. Его идея была.

— В общем, наведаемся в одну деревеньку, — сообщил Мамай. — Без лишнего шума. Понаблюдаем. Задача — отследить перемещение сил противника. Или их скопление.

— Ну, правильная, в общем-то, мысль, — поддержал я. — Разведка должна быть обязательно. Только почему наше звено? Вроде как на разведке не специализировались. Потом, мы ещё только срабатываемся.

— Вот и сработаетесь, — не терпящим возражений голосом сказал Рексоман. — Заодно и поспециализируетесь.

— В восемь утра выходим, предупреди там своих, — добавил Мамай.

— Предупрежу, — без особого энтузиазма сказал я.

— Ты бы потренировался сегодня в фехтовании, Алекс, — попросил Добрыня. — Завтра может пригодиться.

— В любой момент может пригодиться, — поправил его Мамай.

— Понял, — согласился я, вставая. — Пойду тренироваться.

Персиваль сидел на ступеньке крыльца, Анархист нервно прохаживался взад и вперёд здесь же неподалёку.

— Закончили? — спросил Персиваль. — Что так долго?

— Да так, слово за слово, — неопределённо сказал я,

спускаясь во двор и щурясь на ярком солнце.

— Ясно. Здесь драться будешь, или отойдём куда?

— Меня ребята ждут, пойдём-ка лучше к нашей избе, — попросил я.

— Ну, как скажешь, — великодушно согласился Персиваль. — Эй, беспредельщик!

— Анархист, — хмуро поправил пленный.

— Давай, шевели копытами. Скоро домой отправишься.

Бойцы встретили нас настороженно. Кроме Феди, Макарыча и Бруно возле стеночки теперь сидели Петя и богатырь-Мельник.

— Новенький, что ли? — спросил Федя, глядя на пленного.

— Размечтался, — огрызнулся Анархист.

— Ишь ты, какой, — усмехнулся Макарыч. — Шкиперовец?

— Вот, обнулить надо красавца, — пробасил Персиваль. — Рексоман вашему звеньевому поручил пофехтовать, чтоб опыта набирался.

— Даже так? — оживились бойцы. — Это интересно!

— Дайте ему кто-нибудь кинжал, — приказал Персиваль.

Петя протянул кинжал Анархисту, я положил алую свёрнутую накидку на ступеньку и достал свой кинжал.

— А он сам себя сейчас не обнулит случайно? — спросил я.

— Это было бы позорно, и он это знает, — спокойно ответил мне Персиваль. — Давайте, начнём уже. Дуэль до первого серьёзного укола, лёгкие царапины не считаются. Пропустил укол — обнулился. Настройте там свои интерфейсы.

— А что, это ещё и регулировать можно? Размер критического повреждения? — спросил я.

— В настоящем бою — нет, а в учебном — конечно, можно, — объяснил Персиваль. — Нам на тренировках кровь не нужна, да и цель у нас спортивная, а не бои без правил до обнуления устраивать.

— Ясно. Как это настроить?

— Просто приказываешь своему интерфейсу, при условии, что оба соперника согласны. Это нужно сказать вслух.

— Я согласен, — сказал я.

— Согласен. Давай, нападай уже! — пригласил Анархист и принял боевую стойку, немного покачиваясь из стороны в сторону.

Я тоже слегка пригнул колени, выставил вперёд руки. В правой у меня был кинжал, левая служила для равновесия.

— Не напрягайся так, — посоветовал Макарыч. — Пружинь.

Пружинь, легко сказать. Ладно, пора вспомнить навыки из «Рыцарей Средневековья». Правда, там я в последнее время в тяжёлых доспехах, с мечом и щитом воевал, соответственно,

навыки немного другие, но ничего, справлюсь. Я сделал обманное движение и резко выбросил руку с кинжалом вперёд. Анархист в последний момент уклонился, подался в сторону и контратаковал.

Бойцы довольно загудели, подбадривая нас. Краем глаза я заметил, как с разных сторон к нам подходят ещё зрители. Тоже мне, нашли развлечение. Это же не бесплатный цирк.

Анархист внезапно сделал выпад, и мне пришлось сделать шаг назад. Он продолжал наступать, размахивая рукой с кинжалом, перемежая настоящие и ложные выпады. При этом его ноги постоянно были в движении, он как бы пританцовывал на месте, делая то полшага влево, то возвращаясь назад, то полшага вправо, то снова назад. А он не так-то прост, этот Анархист. Мне в лесу тогда просто повезло.

— Алекс, энергичнее, прощупывай его оборону, ищи слабые места, — посоветовал Персиваль.

Я собрался и внезапно упал боком на землю, перекатился шкиперовцу за спину и хотел уже ткнуть его кинжалом снизу, но он невероятно быстро развернулся и успел прежде чиркнуть меня кинжалом по предплечью. Кибер-остео послушно выдал мне в нервные центры порцию положенной боли, хотя, конечно, лишь отдалённо напоминающей по интенсивности настоящую. Тем не менее, приятного в этом было мало.

— Не суетись, звеньевой, — крикнул Федя. — Ногами работай! Что застыл на месте?

— Сейчас обнулю вашего звеньевого, — довольно оскалился Анархист, — придётся кого-то поопытнее против меня выставлять.

— Если ты по прошлой игре что-то помнишь — тут может не сработать, — сказал Персиваль. — И мышцы тут ещё не натренированы, скорость, ловкость, сила и так далее низкие — у тебя же уровень маленький.

Ну, замечательно. Теперь ещё и мой прошлый опыт здесь не считается. Ну уж нет. Мышцы, может, ещё не накачал, но в голове-то память и навыки остаются! Я подпустил Анархиста поближе, делая вид, что отступаю под его натиском. На каждый его удар я ставил блок, но не контратаковал. Выждав удобный момент, когда он так увлёкся атакой, что расслабился и потерял бдительность в обороне, я с силой пнул его в коленную чашечку, а когда он взвыл и невольно развернулся, аккуратно кольнул его в мягкое место. Зрители захохотали, а Анархист успел злобно оскалиться, сверкнув на меня глазами, прежде чем его силуэт начал терять плотность и, наконец, растворился в воздухе.

— Молодец, звеньевой! — похвалил Макарыч. — Смекалка —

это половина дела!

— Молоток! Круто! — радовались за меня зрители.

— Ну, может, не совсем чисто. Но, в общем, думаю, хорошим станешь рыцарем. Со временем, — пробасил Персиваль.

В этот вечер фехтования у меня было больше, чем достаточно. Каждый хотел со мной сразиться, чему-нибудь научить. Когда Персиваль, похлопав меня лапищей по плечу, ушёл — бойцы сочли, что наступил подходящий момент открыть школу по работе с кинжалом. Оказывается, это целое искусство. Меня учили различным стойкам — левосторонним, правосторонним, фронтальным, причём с разными вариациями. Показывали, как правильно держать дистанцию с противником. Рисовали на земле линии для разных шагов и движений. Снова и снова показывали виды ударов, с выпадами и без. Спорили между собой, как правильно называется тот или иной приём. В общем, к концу второго часа занятий у меня уже голова шла кругом от всех этих премудростей, но зато я понял, что раз освоив это искусство, можно всю жизнь совершенствоваться и это не только в игре пригодится, но и в реальном мире жизнь может спасти. Не знаю, сколько очков на мой виртуальный счёт боевого опыта прибавили сегодняшние занятия, но чувствовал я себя уже намного увереннее. Мне даже показалось, что движения стали легче и точнее. Федя сказал, это нормально, именно так рост по уровням в боевых навыках и отражается. Это как же я летать буду, когда доберусь до рыцарского уровня? Мне стало дико интересно. Что ж, есть, куда стремиться.

Наконец, ветерок принёс дым от костра, и мы вспомнили про обещанный в честь вчерашней победы праздник. Кольчугу, шлем и плащ я оставил в избе, остальные тоже побросали на пол всё, что потяжелее. Не воевать идём — отдыхать.

В центре двора, подальше от деревянных стен, был сложен костёр, вокруг него на брёвнах сидели дружинники, громко обсуждая вчерашний бой. Тут же, неподалёку, стояли несколько мангалов, на которых уже подрумянивались аппетитные кусочки мяса и рыбы. Запах стоял такой, что у меня не только в виртуале, но и в реале, должно быть, заурчало в желудке. Довершал праздничную картину солидный пивной бочонок, рядом с которым стояла небольшая очередь бойцов с кружками.

— Вот это я понимаю! — радостно сказал Макарыч. — Мужики, займите место на брёвнах. Я за пивом!

— Займите место на всё звено! — сказал я. — Остальные же тоже подойдут!

— Будет сделано, командир! — отсалютовал довольный Бруно. — Пива захватите на меня, лады?

Мы взяли из расставленных прямо на земле ящиков по кружке и стали в очередь за пивом.

— Интересно, откуда всё это? — спросил я.

— Ну, пиво из столицы сегодня привезли, с обозом, — сказал Федя. — Мясо, думаю, тоже. По такому поводу.

— Хотя тут не очень далеко ферма есть, — вставил Петя. — Мы им помогаем, они нам.

— В смысле, помогаем? — не понял я.

— Как рабочая сила — если дрова нужны, или построить чего. Ещё когда урожай снимать. Ну и защита мы для них, это само собой.

— А они нам продукты, — объяснил Макарыч. — По себестоимости. А иногда и просто так, типа шефская помощь.

— Хорошая помощь! — сказал я.

— А то! — согласился Петя.

Мы набрали полные кружки пива, не забыли и про Бруно. Он занял для звена целых два бревна. Мы сдвинули кружки, пригубили вкусное прохладное пиво и отправились за мясом. Едва успели вернуться и рассесться, нетерпеливо кусая отлично прожаренные ломтики, как кто-то, к моему удивлению, заиграл на гитаре. Никогда не встречал такого, ни в «Рыцарях Средневековья», ни в других играх. Я привстал, чтобы получше разглядеть гитариста, — он чем-то похож был на Бруно — тоже длинные волосы, худощавая фигура. Интересно, где он тут гитару достал? Надо будет спросить при случае. Я и сам играю, точнее, аккомпанирую. Русский рок, в основном.

— Как гитариста зовут? — спросил я.

— Славой зовут, — подсказал всезнающий Макарыч. — Давида звено.

Постепенно к нам на брёвнышки подтянулось практически всё звено. Рядом со мной, слева и справа, сидели Макарыч, Федя, Бруно с Петей, Мельник и Саид. На соседнем бревне сидели Вакс с Жекой и ещё три дружинника, имена которых я так до сих пор и не узнал. Я так обрадовался их появлению, что решил даже не поднимать тему с их бегством с поляны во время последнего боя. Будем считать, это было не бегство, а отступление. Последней пришла Агнешка — потеснила Петю, села рядом с Бруно, завела какую-то оживлённую беседу, уж не знаю, о чём. Солнце скрылось за верхушками деревьев, но никто не уходил — так хорошо было тёплым летним вечером сидеть возле костра среди друзей и слушать гитару. Слава пел о любви. О боях, о смысле жизни, о цене, точнее, бесценности дружбы. Ему подпевали, но гитару никто не просил, как это частенько бывает в подобных ситуациях в реале. Наверное, искусство игры надо было предварительно

тренировать, как и любое другое в Нереалии. Я спросил об этом Макарыча, он кивнул и пояснил, что Слава, вообще-то, менестрель, а боец — это его вторая профессия. Поэтому он всего лишь рядовой боец, хотя менестрель уже какого-то там заоблачного уровня. В это я легко мог поверить, слыша его игру.

Но вот он заиграл что-то испанское, со специфическим боем по струнам и характерным ритмом фламенко. Рядом с костром немедленно появилась, словно из ниоткуда, Чарген. На ней было красивое белое платье, очень эффектное на её смуглой коже. Длинные волосы закрывали плечи и свободно спадали до пояса. Она начала медленно двигаться в такт музыке, изящно вздымая руки и щелкая пальцами, вместо кастаньет. Блики от костра прыгали по её лицу, создавая затейливую игру света и тени, завораживая и гипнотизируя вместе с её движениями. Думаю, не было в этот момент ни одного мужчины, чей взгляд не был бы восторженно прикован к ней. Девушки, судя по Агнешке, тоже смотрели внимательно, с выражением лёгкой зависти и ревности на лице. В какой-то момент мне показалось, что Чарген смотрит только на меня, и что отблески огня, как искорки, прыгают в её глазах. А может, это были первые появляющиеся на небе звёзды.

Улыбка вдруг сошла с её губ, и я не сразу понял, что это выросло у неё на плече. Она вскрикнула, схватилась за плечо рукой, и только сейчас я осознал, что воздух наполнился странным свистом. Звук шёл одновременно со всех сторон, как в кинотеатре, и вызывал безотчётный страх. Как в замедленной съёмке опускались с небес горящие стрелы, вонзаясь в землю, брёвна и людей. Прямо передо мной выцветало лицо изумлённого незнакомого бойца, стрела попала ему в шею.

— Воздух!! — запоздало закричал кто-то. — В укрытие!!

Бойцы срывались с мест, опрокидывая соседей. Того и гляди, затопчут. Но, главное — воздухом дело явно не ограничится. А мы без амуниции! Я вскочил на ноги:

— Резерв! За мной!! — и понёсся, не оглядываясь, по направлению к нашей избе.

Застава пылала. Не знаю уж, кто и как продумывал оборону, но ничего, похоже, не сработало: кто-то сумел застать нас врасплох и, к тому же, поджечь деревянные стены. Я оглянулся: за мной грузно бежал Мельник, а за ним тесной кучкой и все остальные. Может, кого-то не было, считать было некогда. Навстречу спешили дружинники с вёдрами, полными воды, а вдогонку нам летел медный звон забившегося в отчаяньи, как раненая птица, церковного колокола.

Глава девятая. Пылающая застава

Забежав в избу, я первым делом нашёл свою кольчугу, натянул её, нахлобучил на голову шлем. Не думал, что он так быстро может мне пригодиться. Но защита от стрел будет хорошая. Повертел в руках подаренную Чарген алую накидку — пропадёт ведь, если тут оставлю, а жаль! Махнул рукой и нацепил её поверх кольчуги. Пока бойцы, следуя моему примеру, переоблачались, я мысленно их пересчитал. Звено почти в полном составе — не было только Саида и одного из тех троих, что до сих пор оставались для меня безымянными. Моё упущение. Я решил исправить это немедленно.

— Как зовут? — сначала я подошёл к вертлявому парню с растрёпанными волосами, небольшой бородкой и усами.

Кольчуга на нём была чёрного цвета. Наверное, выкрасил для фасону. А может, на огне коптил. Кто его знает.

— Ярл, — представился он.

— Что-то знакомое, — задумался я.

— Это, типа, мелкий барон в средних веках, — скромно пояснил Ярл. — В Англии.

— А чего кольчуга чёрная?

— Драконья сталь, — стрельнув глазами в сторону, сообщил боец. — Непробиваемая.

— Ага, непробиваемая, — передразнил его товарищ, невысокого роста брюнет с короткой стрижкой. — Не слушай его. Он немного т-того. Выдумщик.

Ярл демонстративно поджал губы и скрестил руки на груди.

— Так, а тебя самого как зовут? — спросил я.

— К-кольцем кличут, — слегка заикаясь, ответил боец.

Времени для подробного знакомства не было. Отложим на потом.

— Слушай мою команду, — я обвёл взглядом звено.

Все молча смотрели на меня с непривычно серьёзными лицами. Даже вечно ироничный Федя. Даже кокетливая Агнешка. Надо же, как быстро может все меняться в нашем мире. А уж в виртуальном — тем более.

— Ситуация всем ясна, не будем зря тратить время, — отрывисто сказал я. — После артподготовки обычно следует атака пехоты. Мы теперь в броне и вооружены, нам надо спешить нашим на подмогу. Будем прорываться к избе сотника за дальнейшими указаниями, там наверняка штаб. Вопросы?

— Два вопроса, командир, — Макарыч переложил арбалет прикладом на левую руку.

— Давай.

— Что будем делать, если заставу придётся сдать?

— Уйдём в лес, а потом в Смоленск, — немного подумав, ответил я. — А второй вопрос?

— Зачем ты накидку нацепил? — лицо Макарыча было непроницаемым.

— Чарген подарила, — решил не юлить и не придумывать ничего я.

— Чарген? — удивлённо протянул Макарыч. — Что ж… Она зря не подарит. Тогда носи!

— Спасибо, — я мысленно перекрестился, сильно и резко выдохнул воздух. — За мной, ребята!

Сизый едкий дым стелился над землёй, запах гари забивал ноздри. Впереди полыхало зарево пожара. По-прежнему звонил колокол, но появился также и новый звук — ударов металла о металл. Где-то там уже вовсю шла драка. Я хотел скомандовать что-то типа «оружие к бою», но увидел, что мои бойцы и так ощетинились кинжалами и топориками. Потому мы просто молча неслись по направлению к избе Рексомана, не останавливаясь и стараясь ни на что не отвлекаться.

Один раз прямо навстречу нам выскочили два бойца в одинаковых длинных кольчугах, наколенниках и налокотниках. Довершали обмундирование рогатые шлемы. В руках каждый из бойцов держал длинный кинжал и небольшой круглый щит. Первый споткнулся и упал, сражённый наповал болтом из арбалета Макарыча. Второй получил сходу два удара топориком от Вакса, но оба пришлись на щит. Тогда в дело вступил Мельник, свалив противника прямым попаданием кистени по рогатому шлему.

— Это гандарийцы! — крикнул мне Макарыч. — Их дружина!

— Точно не Шкипер? — переспросил я.

— Да ты что, командир! — подбежал ко мне Федя. — Ты посмотри на амуницию! Это их регулярная армия!

— Ладно, разберёмся потом! — скомандовал я. — Вперёд!

Краем глаза я заметил, что бойцы подобрали у гандарийцев и деньги, и кинжалы, и щиты. Это правильно, зачем добру пропадать.

Пробиваться к штабу пришлось с боем — на него наседал целый отряд гандарийцев. Мы пришлись очень кстати, с разбегу врезавшись в их тылы, и заставив их воевать на два фронта. Бойцы работали кинжалами с ожесточением, которого я вовсе не ожидал увидеть. Я вдруг с удивлением понял, что и для меня эти рогатые шлемы стали символом чего-то омерзительного. У нас в «Рыцарях» таких называли беспредельщиками. Ведь они

спланировали циничную бойню! Как ещё можно было назвать их шоу с горящими стрелами, которыми они выкашивали людей во время отдыха. Все могу понять: да, это игра, да, военная, но все это подло выглядело, и за всем стояла какая-то необъяснимая хладнокровная жестокость. Ну что ж, жалости к беспредельщикам у меня не будет. За нами правда, а значит, мы должны победить. Это чувство наполнило незнакомой прежде силой мышцы, и рука с твёрдостью стального рычага наносила точные удары по рогатым захватчикам.

Рядом со мной споткнулся и упал, пронзённый кинжалом насквозь, Жека. Вскрикнул от боли и схватился за плечо Вакс. Кольц с Ярлом работали, как машины, и вокруг них уже собралась небольшая горка оставшейся после обнулённых гандарийцев амуниции. Время от времени возле уха свистели стрелы и болты — это Агнешка с Макарычем прицельно били по врагу с некоторого расстояния от схватки. Под нашим напором гандарийцы дрогнули и отступили по направлению к крепостной стене, освободив нам путь к избе сотника.

— За мной! — крикнул я и первым устремился в образовавшийся проход.

Державшие оборону дружинники расступились перед нами. На первый взгляд, защитников было не более нескольких десятков человек. Я сразу увидел Мамая — в полном боевом облачении, с перепачканным сажей и копотью лицом.

— Явился? — крикнул он. — Сколько с тобой?

— Всё звено! — крикнул в ответ я. — Почти!

— Молодец! — одобрительно кивнул Мамай. — Алекс, времени нет, надо собрать в кулак, что сможем. Потом вдарим в направлении конюшни, там потайной лаз. Готовность десять минут. Давай сюда стрелков, пойдём боевым каре, они в центре.

— Понял! Где Рексоман?

— Пошёл с рыцарями наших вызволять, их там возле ворот в угол зажали. Всё, вперёд, выполняй приказ!

— Есть! — пальцы сами потянулись к виску отдать честь, и я мельком подумал, как же всё-таки сильна генная память поколений.

Я сделал приглашающий жест рукой, и бойцы мгновенно окружили меня.

— Будем прорываться к конюшням и потайному лазу! — проинструктировал я. — Идём каре. Макарыч, Агнешка — в центре со всеми стрелками. Остальные — за мной! Вопросы?

— Это все, кто остался? — Бруно кивнул в сторону дружинников.

— Возле ворот ещё отряд, за ними сотник с рыцарями пошёл!

Ещё вопросы?

Поскольку вопросов больше не было, я просто молча стал в строй, туда, где кольцо защитников было пореже. Слева и справа тут же встали мои бойцы.

Уже совсем стемнело, крупные звёзды пробивались сквозь дым, бесстрастно сверкая с небес. Я с тоской посмотрел вверх и подумал, что в это время собирался уже быть в реале. Иногда нужно и отдыхать. Но разве ж тут до отдыха! Дав себе слово, что при малейшем удобном случае я сразу выйду из игры и опустошу на кухне холодильник, я выставил перед собой кинжал и приготовился к бою.

Вскоре послышалась команда Мамая, и наше боевое построение пришло в движение. Передвигаясь по двору и передвигая вместе с собой островок относительной защищённости, мы вбирали в каре всех сражавшихся небольшими группами дружинников, попадающихся нам по дороге. Гандарийцы не переставали атаковать, хотя наше каре было им, конечно, не по зубам. К тому же, нападающие были разрознены. Похоже, они решили, что битва закончена и сейчас просто метались по двору и избам в поисках того, чем можно было бы поживиться. Если бы они знали, что мы прорываемся к потайному лазу, вероятно, отрезали бы нам путь и напали большими силами одновременно. Но должно же и нам хоть немного повезти!

В общем и в целом, битва действительно была уже закончена и полностью проиграна. Противнику удалось уничтожить пограничную заставу и заполучить богатые трофеи. Одной только амуниции столько, что у них телег не хватит вывезти. А может, хватит. Тут, похоже, организация блестящая.

Мы добрались до конюшен и остановились, чтобы дождаться Рексомана, рыцарей и вызволенных дружинников. Мамай разделил нас на две группы и первую немедленно отправил за пределы крепости с наказом организовать оборону точки выхода в лесу.

Вскоре показалась кучка бойцов, отбивающихся от наседающих на них гандарийцев. Те превосходили числом в несколько раз, но сделать все равно ничего не могли: рыцари не оставляли им ни единого шанса. Я различил могучую фигуру Персиваля, стройного Добрыню, высокого Рексомана. А четвёртого рыцаря я пока узнать не смог. Ладно, потом разгляжу.

— За мной! Подсобим нашим! — крикнул Мамай и понёсся навстречу гандарийцам.

Мы последовали его примеру. Через несколько минут всё было кончено — ни одного гандарийца с оружием в руках возле нас не осталось. Немногие уцелевшие сочли за лучшее спастись

бегством. Мудрое решение. Я вложил кинжал в ножны и вытер лоб. Тыльная сторона руки стала чёрной — вот это мы прокоптились!

— Эй, звеньевой! Я же говорила, что накидка тебе к лицу? — услышал я вдруг у себя за спиной.

Обернулся — и застыл от удивления. В длинной кольчуге, с надетыми поверх неё доспехами, в шлеме, со щитом и мечом в руках передо мной стояла Чарген. Радостная улыбка озаряла перепачканное сажей лицо.

— Так ты тоже рыцарь? — спросил я.

— Рыцарь, — улыбнулась она. — А что? Разочарован?

— Нет, почему… — возразил я. — Наоборот! А почему тогда на складе?

— Командовать не люблю, — пояснила она. — И подчиняться тоже. Вольная птица. А на складе я так, помогаю, когда просят.

Она вдруг поморщилась от боли, и я сразу вспомнил, что всего какой-то час назад, или даже меньше того, у неё из плеча торчала горящая стрела.

— Пустяки, — сказала она, проследив за моим взглядом. — До свадьбы заживёт.

— Смазать бы чем! — предложил я. — У нас лекарь вообще есть?

— Вообще есть! И ещё какой! — засмеялась она. — Как найдём, сразу смажем!

Я даже не знал, когда она выглядела привлекательней: возле костра, в платье, или сейчас, в полной боевой выкладке. Пожалуй, одинаково.

— Так, голуби, — деловито сказал, проходя мимо, Рексоман. — Уводите людей в лес, пока гандарийцы снова не нагрянули.

В лесу было темно и неуютно. И всё же после тесноты, сырости и плесени чёрного хода, прорытого под землёй, я был рад снова встать в полный рост, расправить плечи и глубоко вдохнуть пахнущий хвоей воздух. За моей спиной из потайного лаза появился Мельник. Не представляю, как ему удалось по нему протиснуться. Временами я был абсолютно уверен, что застрял окончательно и бесповоротно. Вслед за Мельником, склоняя на разные лады и гандарийцев, и тех, кто придумал этот лаз, показался Макарыч. Я сообщил ему, что выскочу на пару минут в реал, присел возле ближайшей сосенки, прислонившись к ней спиной, и с наслаждением снял с шеи кибер-остео.

Даже не знаю, сколько времени провёл на сей раз в игре. Короткие паузы на посещение туалета и глоток-другой воды — не считаются. Все тело ныло, страшно хотелось есть. Да, дела. Если пересекусь с родителями — долгого серьёзного разговора не

избежать. К счастью, на кухне никого не было, на плите стояла кастрюля с тёплым борщом. На столе ждала записка: «Сынок! Мы скучаем! Кушай супчик! Мама, папа». Я улыбнулся и подумал, что мне очень повезло с родителями. Потом налил большую тарелку борща, добавил сметаны, отломал ломтик хлеба и с аппетитом набросился на еду.

Я пока не слишком сильно разбирался в политике Смоленска, совсем не знал расстановки сил в регионе и потому не мог оценить последствия сегодняшнего нападения. Очень похоже, что процесс «отжатия» Смоленска, о котором так убеждённо рассказывал Анархист, уже начался. Застава — это форпост княжества, естественно, её надо уничтожить в первую очередь. Вопрос заключается, скорее, в том, какие шаги предпримут гандарийцы дальше. И ещё — что мы можем им реально противопоставить. Заставу они захватили без особого напряжения. Ладно, чего гадать. Скоро всё узнаю.

Я с тоской посмотрел на часы — время было уже позднее и спать хотелось невероятно. Набрав большую кружку воды и захватив пачку печенья, я вернулся в комнату и тщательно прикрыл за собой дверь. Нехорошо, если свет будет пробиваться в коридор. Пусть родители думают, что я уже сплю. Я посидел с минуту перед экраном компьютера, глядя на своих бойцов в двухмерном варианте. Отсюда они выглядели мультяшными и совсем ненастоящими. Если долго смотреть на игру вот так со стороны, она постепенно будет казаться всё более нереальной. Может, поэтому создатели назвали её Нереалией… Так, хватит! Так и заснуть можно. Я встряхнулся, с силой провёл рукой по лицу и снова одел кибер-остео.

Звено было уже в сборе. Все, кто остались — девять человек, вместе со мной. Не так уж и мало.

— Что, пересчитываешь? — ухмыльнулся Федя. — Могло быть хуже.

— Да, — поддержал Макарыч. — Ты молодец, командир, вовремя сориентировался там, возле костра.

— Если ты про Чарген, так это он ещё раньше сориентировался, — хохотнул Бруно.

— А что, она видная девушка, — грустно сказал Петя, вызвав новый взрыв смеха. — Я тоже был бы не против.

Я подождал немного, пока бойцы отшутились — людям нужна разрядка.

— Так, отставить разговоры, — с напускной строгостью сказал я. — Новости какие-нибудь есть?

— Тебя на совет ждут, — сказала Агнешка.

Вид у неё был настолько уставший, а голос такой тихий, что я

чуть было не отослал её сразу в реал отсыпаться. Но вначале надо узнать планы командования. Вдруг нам немедленно бежать куда-то надо. А впрочем… Кто его знает, насколько этот совет затянется. А люди будут ждать.

— До утра все свободны, — решительно сказал я. — Сбор тут же в девять часов. Прошу не опаздывать.

— Уверен, командир? — переспросил Макарыч.

— Посмотри на Агнешку, — ответил я ему. — Да и все мы сегодня устали. Подождут походы. Нам завтра силы понадобятся.

— А я не смогу в девять, — неожиданно заявил Мельник. — Мы с родителями на рынок идём.

— И я не смогу, — грустно сказала Агнешка. — Только после обеда. Выспаться хочу и позаниматься.

— Аналогично, — поддержал их Бруно.

Мне вдруг вспомнился Витин рассказ о том, как персы в отсутствии хозяев выполняют базовые команды командира при соответствующих настройках.

— Ладно, настраивайте своих персов на меня, как на командира. Если что, поведу их утром за собой гуськом. Знаешь как это делать, Макарыч?

— Хорошая мысль, — одобрил Макарыч. — Может пригодиться. Значит, настраиваем на Алекса, звеньевого. Уровень доступа — моторика. Для ввода пароля надо выйти в реал.

Я подождал, пока все закончат необходимую процедуру.

— Ну что, орлы, приятно было с вами бок о бок сражаться. Доброй вам ночи и до завтра.

— И тебе спок ночи, командир, — уважительно сказала Агнешка.

Теперь мне оставалось лишь развернуться и отправиться на поиски военного совета.

В темноте я несколько раз спотыкался о растянувшихся прямо на земле персов. Их хозяева уже, по всей видимости, сладко спали в реале. Что ни говори, а в положении рядового бойца всё-таки есть свои преимущества. Я бы тоже сейчас не отказался состыковаться с подушкой. А вместо этого должен идти на совет. С другой стороны, дико хочется знать, что к чему. Нет ничего ценнее информации, и нет сейчас важнее источника информации, чем рыцарский совет у Рексомана.

Наконец, я нашёл на небольшой полянке усевшихся кружком командиров. Никакого огня, конечно, не разжигали, чтобы не демаскировать наш временный лагерь. Тут были все рыцари и несколько звеньевых. Жаль, я надеялся, что звеньевых окажется больше.

— Пришёл наконец? — недовольно сказал Рексоман. —

Давай, садись. Время позднее.

Мамай подвинулся, чтобы я мог приземлиться рядом с ним. Лицо Чарген оказалось прямо напротив. Было оно уставшим и изможднным. Всё же у неё хватило сил, чтобы улыбнуться. Рядом с ней сидел Витя, он слегка кивнул мне. Здорово, что его не обнулили.

Кроме него я разглядел лица Семёна, Эсмеральды, рыжеволосого Артиуса, Икара и ещё одного звеньевого, имени которого я пока не запомнил.

— Кто повторит для Алекса вкратце то, о чём мы сейчас говорили? — спросил Рексоман.

— Ну, давай я повторю, — предложил Мамай. — Короче, гандарийцы нас подловили. Мы сегодня гостей не ждали. Патрули с завтрашнего утра хотели усилить, также и разведывательную операцию. Они нас тупо опередили.

— Это ещё вопрос, к кому относится «тупо», — встрял сотник. — Скорее всего, к нам.

— Дай договорить, — нарушая субординацию, сказал Мамай. — Те патрули, что у нас по обычной схеме в дозоре были, исчезли бесследно. Несколько наблюдателей на стационарных точках…

— На соснах, для обозрения, — вставил Витя.

— Да, на соснах, — кивнул Мамай, — тоже исчезли. Или их обнулили, или…

— Что? — не выдержал я.

— Будем пока считать, что их выследили и обнулили, — сказал Рексоман. — Точки менялись редко, теоретически могли засечь. Мы же не знаем, сколько они к операции готовились.

— Да всё время готовились! — в сердцах сказал Персиваль и стукнул кулаком по земле. — Прямо под носом!

— Воспользовались нашим праздником, взяли тёпленькими, — закончил Мамай. — Как они атаку начали — ты сам видел. А ещё натаскали хвороста к стенам и подожгли. Ворота тоже.

— Скажи спасибо, что у них бензина не было, — сказал Добрыня.

— Или напалма, — добавил Персиваль.

— Спасибо! — вместо Мамая ответил Рексоман. — Теперь возникают следующие вопросы. Во-первых, чего добивается противник, каковы его дальнейшие планы. Во-вторых, каковы будут наши действия как пограничной дружины.

На несколько секунд воцарилась тишина. Каждый обдумывал ситуацию, анализировал по-своему, прежде чем вынести соображения на суд друзей.

— Да на Смоленск они идут, ясен пень, — выразил общее мнение Персиваль. — А застава им в тылу ни к чему. Значит,

гасить надо заставу. Вот и все дела.

— Мне, конечно, так красиво не сказать, — вежливо заметил Добрыня. — Но Персиваль прав. Я так думаю, всё заранее спланировано было, никто не старался нас врасплох застать. Сами сглупили: надо было сразу же бдительность усилить, как только залежи амуниции у Шкипера нашли. А мы сутки валандались. Да ещё концерт устроили. Сами виноваты.

— Вины мы с себя не снимаем, — жёстко сказал Рексоман. — Точнее, с меня. И я перед князем Андреем отвечу.

— Ему не ответ нужен, — сказала молчавшая до сих пор Чарген. — Ему помощь нужна. И срочно.

— Мне кажется, я знаю, зачем Шкиперу гора оружия нужна была, — тихо сказал я. — И двести с лишним бойцов.

— Зачем? — спросил Семён.

— Это Шкипер должен был сегодня на заставу напасть, — убеждённо сказал я. — А может, и вчера. Для этого его и снаряжали. Гандарийцы, тем временем, уже у Смоленска были бы. А мы им карты спутали. Пришлось срочно планы менять и самим заставой заниматься.

— Похоже на правду, — поддержал меня Добрыня.

— По-моему, всё тут понятно, — сказала Эсмеральда. — Планировалось все давно. Накачали силами Шкипера. Подогнали армию. Вывод простой — завтра пойдут на Смоленск!

— И возьмут его голыми руками! — в сердцах воскликнул я.

— Не возьмут, — твёрдо сказал Рексоман.

— Это почему же? — с сомнением в голосе спросила Эсмеральда.

— В случае нападения на заставу регулярных войск противника, городские ворота в Смоленске сразу закрываются и объявляется осадное положение.

— А в городе ещё и ворота есть? — удивился я.

— И ворота, и стена, и даже ров с водой, — пояснила мне Чарген. — Между прочим, стена каменная.

Я вдруг вспомнил, что оба раза покидал Смоленск в «спящем» состоянии, то есть сам был в реале, пока перса транспортировали на заставу. Как видно, напрасно. Мне очень хотелось бы увидеть всё то, о чём сказала Чарген. Впрочем, похоже, такая возможность мне довольно скоро представится.

— Гандарийцы правильно сделали, что сначала на заставу напали, — неохотно признал Рексоман. — Я бы тоже так поступил на их месте. Понимали, что обнуляя пограничников, они автоматически рассекречивают свои планы. Первым делом обнулённые отправятся к воеводе и доложат о нападении со всеми подробностями. Но оставлять в тылу крупную

боеспособную единицу врага — было бы большой ошибкой.

— Ага, — согласился Персиваль. — Мы теперь точно не крупная, и не очень боеспособная единица.

— Ладно, побазарили, и хватит, — сказал сотник. — Помолчи, Персиваль. Сколько у нас людей, Семён?

— Полсотни, может, чуть больше, — доложил Семён. — Меньше половины основного состава. Точнее завтра сосчитаем, темно.

— Обидно! — сказал Икар. — Гандарийцы завтра на Смоленск попрут, а может, и ночью. Вряд ли они стены штурмовать станут — всё же силёнок маловато. А вот колечко вокруг города замкнут железно.

— А у нас будет ровно неделя, чтобы осаду снять. Время терять нельзя, — веско сказал Мамай.

— Значицца, так, — сказал Рексоман, хлопнув ладонями по коленям. — Завтра с утра выдвигаемся к городу. Близко не подходим, надо сначала разведку провести. Если гандарийцы всеми силами вдарили — это порядка тысячи человек.

— Ничего себе! — удивился я. — Так много?

— У них довольно крупное княжество, — сказала Чарген.

— Их может быть и больше, — заметил Мамай. — У Шкипера, вон, тоже раньше двухсот бойцов не было.

— Будем пока исходить из тысячи, — решил Рексоман. — Плюс банда Шкипера.

— А другие княжества не могли с гандарийцами вместе выступить? — спросил я.

— Пока такой сюжет рассматривать не будем, — сотник отвёл взгляд. — Это князю Андрею должно быть виднее, кто там с кем и против кого. Наше дело — военное. А потому сразу после совещания выйду в реал, разошлю сообщения командирам остальных застав. Пусть немедленно выдвигаются на соединение с нами. Всем надо собраться вместе.

— А сколько их, оставшихся? — спросил я.

— Наша Северная, — пояснил Витя. — Самая крупная. Потому что у нас самое опасное направление. Есть ещё Южная, Западная и Восточная.

— Если все вместе взять, это где-то триста человек, — сказал Рексоман. — С нами будет триста пятьдесят.

— И что сделаем против их войска? — спросил я.

— Знаешь, что такое партизанская война? — вместо ответа спросил Рексоман. — Кроме того, в городе княжеская дружина — это отборные войска, три сотни человек. Плюс городская стража — они тоже не лыком шиты. Это ещё сто человек. И гражданские — всегда можно призвать ополчение.

— Плюс наших сегодня туда добрая сотня через обнуление попала! — поддержала Рексомана Чарген.

— Можно ещё наёмников нанять, — высказалась Эсмеральда.

— На это деньги нужны, — задумчиво сказал сотник. — Не знаю, как там у Андрея с деньгами… В общем, за неделю мы должны снять осаду. Иначе игра проиграна. Всё понятно?

Вопрос, конечно же, был риторическим.

Забежав в избу, я первым делом нашёл свою кольчугу, натянул её, нахлобучил на голову шлем. Не думал, что он так быстро может мне пригодиться. Но защита от стрел будет хорошая. Повертел в руках подаренную Чарген алую накидку — пропадёт ведь, если тут оставлю, а жаль! Махнул рукой и нацепил её поверх кольчуги. Пока бойцы, следуя моему примеру, переоблачались, я мысленно их пересчитал. Звено почти в полном составе — не было только Саида и одного из тех троих, что до сих пор оставались для меня безымянными. Моё упущение. Я решил исправить это немедленно.

— Как зовут? — сначала я подошёл к вертлявому парню с растрёпанными волосами, небольшой бородкой и усами.

Кольчуга на нём была чёрного цвета. Наверное, выкрасил для фасону. А может, на огне коптил. Кто его знает.

— Ярл, — представился он.

— Что-то знакомое, — задумался я.

— Это, типа, мелкий барон в средних веках, — скромно пояснил Ярл. — В Англии.

— А чего кольчуга чёрная?

— Драконья сталь, — стрельнув глазами в сторону, сообщил боец. — Непробиваемая.

— Ага, непробиваемая, — передразнил его товарищ, невысокого роста брюнет с короткой стрижкой. — Не слушай его. Он немного т-того. Выдумщик.

Ярл демонстративно поджал губы и скрестил руки на груди.

— Так, а тебя самого как зовут? — спросил я.

— К-кольцем кличут, — слегка заикаясь, ответил боец.

Времени для подробного знакомства не было. Отложим на потом.

— Слушай мою команду, — я обвёл взглядом звено.

Все молча смотрели на меня с непривычно серьёзными лицами. Даже вечно ироничный Федя. Даже кокетливая Агнешка. Надо же, как быстро может все меняться в нашем мире. А уж в виртуальном — тем более.

— Ситуация всем ясна, не будем зря тратить время, — отрывисто сказал я. — После артподготовки обычно следует атака пехоты. Мы теперь в броне и вооружены, нам надо спешить

нашим на подмогу. Будем прорываться к избе сотника за дальнейшими указаниями, там наверняка штаб. Вопросы?

— Два вопроса, командир, — Макарыч переложил арбалет прикладом на левую руку.

— Давай.

— Что будем делать, если заставу придётся сдать?

— Уйдём в лес, а потом в Смоленск, — немного подумав, ответил я. — А второй вопрос?

— Зачем ты накидку нацепил? — лицо Макарыча было непроницаемым.

— Чарген подарила, — решил не юлить и не придумывать ничего я.

— Чарген? — удивлённо протянул Макарыч. — Что ж… Она зря не подарит. Тогда носи!

— Спасибо, — я мысленно перекрестился, сильно и резко выдохнул воздух. — За мной, ребята!

Сизый едкий дым стелился над землёй, запах гари забивал ноздри. Впереди полыхало зарево пожара. По-прежнему звонил колокол, но появился также и новый звук — ударов металла о металл. Где-то там уже вовсю шла драка. Я хотел скомандовать что-то типа «оружие к бою», но увидел, что мои бойцы и так ощетинились кинжалами и топориками. Потому мы просто молча неслись по направлению к избе Рексомана, не останавливаясь и стараясь ни на что не отвлекаться.

Один раз прямо навстречу нам выскочили два бойца в одинаковых длинных кольчугах, наколенниках и налокотниках. Довершали обмундирование рогатые шлемы. В руках каждый из бойцов держал длинный кинжал и небольшой круглый щит. Первый споткнулся и упал, сражённый наповал болтом из арбалета Макарыча. Второй получил сходу два удара топориком от Вакса, но оба пришлись на щит. Тогда в дело вступил Мельник, свалив противника прямым попаданием кистени по рогатому шлему.

— Это гандарийцы! — крикнул мне Макарыч. — Их дружина!

— Точно не Шкипер? — переспросил я.

— Да ты что, командир! — подбежал ко мне Федя. — Ты посмотри на амуницию! Это их регулярная армия!

— Ладно, разберёмся потом! — скомандовал я. — Вперёд!

Краем глаза я заметил, что бойцы подобрали у гандарийцев и деньги, и кинжалы, и щиты. Это правильно, зачем добру пропадать.

Пробиваться к штабу пришлось с боем — на него наседал целый отряд гандарийцев. Мы пришлись очень кстати, с разбегу врезавшись в их тылы, и заставив их воевать на два фронта.

Бойцы работали кинжалами с ожесточением, которого я вовсе не ожидал увидеть. Я вдруг с удивлением понял, что и для меня эти рогатые шлемы стали символом чего-то омерзительного. У нас в «Рыцарях» таких называли беспредельщиками. Ведь они спланировали циничную бойню! Как ещё можно было назвать их шоу с горящими стрелами, которыми они выкашивали людей во время отдыха. Все могу понять: да, это игра, да, военная, но все это подло выглядело, и за всем стояла какая-то необъяснимая хладнокровная жестокость. Ну что ж, жалости к беспредельщикам у меня не будет. За нами правда, а значит, мы должны победить. Это чувство наполнило незнакомой прежде силой мышцы, и рука с твёрдостью стального рычага наносила точные удары по рогатым захватчикам.

Рядом со мной споткнулся и упал, пронзённый кинжалом насквозь, Жека. Вскрикнул от боли и схватился за плечо Вакс. Кольц с Ярлом работали, как машины, и вокруг них уже собралась небольшая горка оставшейся после обнулённых гандарийцев амуниции. Время от времени возле уха свистели стрелы и болты — это Агнешка с Макарычем прицельно били по врагу с некоторого расстояния от схватки. Под нашим напором гандарийцы дрогнули и отступили по направлению к крепостной стене, освободив нам путь к избе сотника.

— За мной! — крикнул я и первым устремился в образовавшийся проход.

Державшие оборону дружинники расступились перед нами. На первый взгляд, защитников было не более нескольких десятков человек. Я сразу увидел Мамая — в полном боевом облачении, с перепачканным сажей и копотью лицом.

— Явился? — крикнул он. — Сколько с тобой?

— Всё звено! — крикнул в ответ я. — Почти!

— Молодец! — одобрительно кивнул Мамай. — Алекс, времени нет, надо собрать в кулак, что сможем. Потом вдарим в направлении конюшни, там потайной лаз. Готовность десять минут. Давай сюда стрелков, пойдём боевым каре, они в центре.

— Понял! Где Рексоман?

— Пошёл с рыцарями наших вызволять, их там возле ворот в угол зажали. Всё, вперёд, выполняй приказ!

— Есть! — пальцы сами потянулись к виску отдать честь, и я мельком подумал, как же всё-таки сильна генная память поколений.

Я сделал приглашающий жест рукой, и бойцы мгновенно окружили меня.

— Будем прорываться к конюшням и потайному лазу! — проинструктировал я. — Идём каре. Макарыч, Агнешка — в

центре со всеми стрелками. Остальные — за мной! Вопросы?

— Это все, кто остался? — Бруно кивнул в сторону дружинников.

— Возле ворот ещё отряд, за ними сотник с рыцарями пошёл! Ещё вопросы?

Поскольку вопросов больше не было, я просто молча стал в строй, туда, где кольцо защитников было пореже. Слева и справа тут же встали мои бойцы.

Уже совсем стемнело, крупные звёзды пробивались сквозь дым, бесстрастно сверкая с небес. Я с тоской посмотрел вверх и подумал, что в это время собирался уже быть в реале. Иногда нужно и отдыхать. Но разве ж тут до отдыха! Дав себе слово, что при малейшем удобном случае я сразу выйду из игры и опустошу на кухне холодильник, я выставил перед собой кинжал и приготовился к бою.

Вскоре послышалась команда Мамая, и наше боевое построение пришло в движение. Передвигаясь по двору и передвигая вместе с собой островок относительной защищённости, мы вбирали в каре всех сражавшихся небольшими группами дружинников, попадающихся нам по дороге. Гандарийцы не переставали атаковать, хотя наше каре было им, конечно, не по зубам. К тому же, нападающие были разрознены. Похоже, они решили, что битва закончена и сейчас просто метались по двору и избам в поисках того, чем можно было бы поживиться. Если бы они знали, что мы прорываемся к потайному лазу, вероятно, отрезали бы нам путь и напали большими силами одновременно. Но должно же и нам хоть немного повезти!

В общем и в целом, битва действительно была уже закончена и полностью проиграна. Противнику удалось уничтожить пограничную заставу и заполучить богатые трофеи. Одной только амуниции столько, что у них телег не хватит вывезти. А может, хватит. Тут, похоже, организация блестящая.

Мы добрались до конюшен и остановились, чтобы дождаться Рексомана, рыцарей и вызволенных дружинников. Мамай разделил нас на две группы и первую немедленно отправил за пределы крепости с наказом организовать оборону точки выхода в лесу.

Вскоре показалась кучка бойцов, отбивающихся от наседающих на них гандарийцев. Те превосходили числом в несколько раз, но сделать все равно ничего не могли: рыцари не оставляли им ни единого шанса. Я различил могучую фигуру Персиваля, стройного Добрыню, высокого Рексомана. А четвёртого рыцаря я пока узнать не смог. Ладно, потом разгляжу.

— За мной! Подсобим нашим! — крикнул Мамай и понёсся

навстречу гандарийцам.

Мы последовали его примеру. Через несколько минут всё было кончено — ни одного гандарийца с оружием в руках возле нас не осталось. Немногие уцелевшие сочли за лучшее спастись бегством. Мудрое решение. Я вложил кинжал в ножны и вытер лоб. Тыльная сторона руки стала чёрной — вот это мы прокоптились!

— Эй, звеньевой! Я же говорила, что накидка тебе к лицу? — услышал я вдруг у себя за спиной.

Обернулся — и застыл от удивления. В длинной кольчуге, с надетыми поверх неё доспехами, в шлеме, со щитом и мечом в руках передо мной стояла Чарген. Радостная улыбка озаряла перепачканное сажей лицо.

— Так ты тоже рыцарь? — спросил я.

— Рыцарь, — улыбнулась она. — А что? Разочарован?

— Нет, почему… — возразил я. — Наоборот! А почему тогда на складе?

— Командовать не люблю, — пояснила она. — И подчиняться тоже. Вольная птица. А на складе я так, помогаю, когда просят.

Она вдруг поморщилась от боли, и я сразу вспомнил, что всего какой-то час назад, или даже меньше того, у неё из плеча торчала горящая стрела.

— Пустяки, — сказала она, проследив за моим взглядом. — До свадьбы заживёт.

— Смазать бы чем! — предложил я. — У нас лекарь вообще есть?

— Вообще есть! И ещё какой! — засмеялась она. — Как найдём, сразу смажем!

Я даже не знал, когда она выглядела привлекательней: возле костра, в платье, или сейчас, в полной боевой выкладке. Пожалуй, одинаково.

— Так, голуби, — деловито сказал, проходя мимо, Рексоман. — Уводите людей в лес, пока гандарийцы снова не нагрянули.

В лесу было темно и неуютно. И всё же после тесноты, сырости и плесени чёрного хода, прорытого под землёй, я был рад снова встать в полный рост, расправить плечи и глубоко вдохнуть пахнущий хвоей воздух. За моей спиной из потайного лаза появился Мельник. Не представляю, как ему удалось по нему протиснуться. Временами я был абсолютно уверен, что застрял окончательно и бесповоротно. Вслед за Мельником, склоняя на разные лады и гандарийцев, и тех, кто придумал этот лаз, показался Макарыч. Я сообщил ему, что выскочу на пару минут в реал, присел возле ближайшей сосенки, прислонившись к ней спиной, и с наслаждением снял с шеи кибер-остео.

Даже не знаю, сколько времени провёл на сей раз в игре. Короткие паузы на посещение туалета и глоток-другой воды — не считаются. Все тело ныло, страшно хотелось есть. Да, дела. Если пересекусь с родителями — долгого серьёзного разговора не избежать. К счастью, на кухне никого не было, на плите стояла кастрюля с тёплым борщом. На столе ждала записка: «Сынок! Мы скучаем! Кушай супчик! Мама, папа». Я улыбнулся и подумал, что мне очень повезло с родителями. Потом налил большую тарелку борща, добавил сметаны, отломал ломтик хлеба и с аппетитом набросился на еду.

Я пока не слишком сильно разбирался в политике Смоленска, совсем не знал расстановки сил в регионе и потому не мог оценить последствия сегодняшнего нападения. Очень похоже, что процесс «отжатия» Смоленска, о котором так убеждённо рассказывал Анархист, уже начался. Застава — это форпост княжества, естественно, её надо уничтожить в первую очередь. Вопрос заключается, скорее, в том, какие шаги предпримут гандарийцы дальше. И ещё — что мы можем им реально противопоставить. Заставу они захватили без особого напряжения. Ладно, чего гадать. Скоро всё узнаю.

Я с тоской посмотрел на часы — время было уже позднее и спать хотелось невероятно. Набрав большую кружку воды и захватив пачку печенья, я вернулся в комнату и тщательно прикрыл за собой дверь. Нехорошо, если свет будет пробиваться в коридор. Пусть родители думают, что я уже сплю. Я посидел с минуту перед экраном компьютера, глядя на своих бойцов в двухмерном варианте. Отсюда они выглядели мультяшными и совсем ненастоящими. Если долго смотреть на игру вот так со стороны, она постепенно будет казаться всё более нереальной. Может, поэтому создатели назвали её Нереалией… Так, хватит! Так и заснуть можно. Я встряхнулся, с силой провёл рукой по лицу и снова одел кибер-остео.

Звено было уже в сборе. Все, кто остались — девять человек, вместе со мной. Не так уж и мало.

— Что, пересчитываешь? — ухмыльнулся Федя. — Могло быть хуже.

— Да, — поддержал Макарыч. — Ты молодец, командир, вовремя сориентировался там, возле костра.

— Если ты про Чарген, так это он ещё раньше сориентировался, — хохотнул Бруно.

— А что, она видная девушка, — грустно сказал Петя, вызвав новый взрыв смеха. — Я тоже был бы не против.

Я подождал немного, пока бойцы отшутились — людям нужна разрядка.

— Так, отставить разговоры, — с напускной строгостью сказал я. — Новости какие-нибудь есть?

— Тебя на совет ждут, — сказала Агнешка.

Вид у неё был настолько уставший, а голос такой тихий, что я чуть было не отослал её сразу в реал отсыпаться. Но вначале надо узнать планы командования. Вдруг нам немедленно бежать куда-то надо. А впрочем… Кто его знает, насколько этот совет затянется. А люди будут ждать.

— До утра все свободны, — решительно сказал я. — Сбор тут же в девять часов. Прошу не опаздывать.

— Уверен, командир? — переспросил Макарыч.

— Посмотри на Агнешку, — ответил я ему. — Да и все мы сегодня устали. Подождут походы. Нам завтра силы понадобятся.

— А я не смогу в девять, — неожиданно заявил Мельник. — Мы с родителями на рынок идём.

— И я не смогу, — грустно сказала Агнешка. — Только после обеда. Выспаться хочу и позаниматься.

— Аналогично, — поддержал их Бруно.

Мне вдруг вспомнился Витин рассказ о том, как персы в отсутствии хозяев выполняют базовые команды командира при соответствующих настройках.

— Ладно, настраивайте своих персов на меня, как на командира. Если что, поведу их утром за собой гуськом. Знаешь как это делать, Макарыч?

— Хорошая мысль, — одобрил Макарыч. — Может пригодиться. Значит, настраиваем на Алекса, звеньевого. Уровень доступа — моторика. Для ввода пароля надо выйти в реал.

Я подождал, пока все закончат необходимую процедуру.

— Ну что, орлы, приятно было с вами бок о бок сражаться. Доброй вам ночи и до завтра.

— И тебе спок ночи, командир, — уважительно сказала Агнешка.

Теперь мне оставалось лишь развернуться и отправиться на поиски военного совета.

В темноте я несколько раз спотыкался о растянувшихся прямо на земле персов. Их хозяева уже, по всей видимости, сладко спали в реале. Что ни говори, а в положении рядового бойца всё-таки есть свои преимущества. Я бы тоже сейчас не отказался состыковаться с подушкой. А вместо этого должен идти на совет. С другой стороны, дико хочется знать, что к чему. Нет ничего ценнее информации, и нет сейчас важнее источника информации, чем рыцарский совет у Рексомана.

Наконец, я нашёл на небольшой полянке усевшихся кружком командиров. Никакого огня, конечно, не разжигали, чтобы не

демаскировать наш временный лагерь. Тут были все рыцари и несколько звеньевых. Жаль, я надеялся, что звеньевых окажется больше.

— Пришёл наконец? — недовольно сказал Рексоман. — Давай, садись. Время позднее.

Мамай подвинулся, чтобы я мог приземлиться рядом с ним. Лицо Чарген оказалось прямо напротив. Было оно уставшим и измождённым. Всё же у неё хватило сил, чтобы улыбнуться. Рядом с ней сидел Витя, он слегка кивнул мне. Здорово, что его не обнулили.

Кроме него я разглядел лица Семёна, Эсмеральды, рыжеволосого Артиуса, Икара и ещё одного звеньевого, имени которого я пока не запомнил.

— Кто повторит для Алекса вкратце то, о чём мы сейчас говорили? — спросил Рексоман.

— Ну, давай я повторю, — предложил Мамай. — Короче, гандарийцы нас подловили. Мы сегодня гостей не ждали. Патрули с завтрашнего утра хотели усилить, также и разведывательную операцию. Они нас тупо опередили.

— Это ещё вопрос, к кому относится «тупо», — встрял сотник. — Скорее всего, к нам.

— Дай договорить, — нарушая субординацию, сказал Мамай. — Те патрули, что у нас по обычной схеме в дозоре были, исчезли бесследно. Несколько наблюдателей на стационарных точках…

— На соснах, для обозрения, — вставил Витя.

— Да, на соснах, — кивнул Мамай, — тоже исчезли. Или их обнулили, или…

— Что? — не выдержал я.

— Будем пока считать, что их выследили и обнулили, — сказал Рексоман. — Точки менялись редко, теоретически могли засечь. Мы же не знаем, сколько они к операции готовились.

— Да всё время готовились! — в сердцах сказал Персиваль и стукнул кулаком по земле. — Прямо под носом!

— Воспользовались нашим праздником, взяли тёпленькими, — закончил Мамай. — Как они атаку начали — ты сам видел. А ещё натаскали хвороста к стенам и подожгли. Ворота тоже.

— Скажи спасибо, что у них бензина не было, — сказал Добрыня.

— Или напалма, — добавил Персиваль.

— Спасибо! — вместо Мамая ответил Рексоман. — Теперь возникают следующие вопросы. Во-первых, чего добивается противник, каковы его дальнейшие планы. Во-вторых, каковы будут наши действия как пограничной дружины.

На несколько секунд воцарилась тишина. Каждый обдумывал

ситуацию, анализировал по-своему, прежде чем вынести соображения на суд друзей.

— Да на Смоленск они идут, ясен пень, — выразил общее мнение Персиваль. — А застава им в тылу ни к чему. Значит, гасить надо заставу. Вот и все дела.

— Мне, конечно, так красиво не сказать, — вежливо заметил Добрыня. — Но Персиваль прав. Я так думаю, всё заранее спланировано было, никто не старался нас врасплох застать. Сами сглупили: надо было сразу же бдительность усилить, как только залежи амуниции у Шкипера нашли. А мы сутки валандались. Да ещё концерт устроили. Сами виноваты.

— Вины мы с себя не снимаем, — жёстко сказал Рексоман. — Точнее, с меня. И я перед князем Андреем отвечу.

— Ему не ответ нужен, — сказала молчавшая до сих пор Чарген. — Ему помощь нужна. И срочно.

— Мне кажется, я знаю, зачем Шкиперу гора оружия нужна была, — тихо сказал я. — И двести с лишним бойцов.

— Зачем? — спросил Семён.

— Это Шкипер должен был сегодня на заставу напасть, — убеждённо сказал я. — А может, и вчера. Для этого его и снаряжали. Гандарийцы, тем временем, уже у Смоленска были бы. А мы им карты спутали. Пришлось срочно планы менять и самим заставой заниматься.

— Похоже на правду, — поддержал меня Добрыня.

— По-моему, всё тут понятно, — сказала Эсмеральда. — Планировалось все давно. Накачали силами Шкипера. Подогнали армию. Вывод простой — завтра пойдут на Смоленск!

— И возьмут его голыми руками! — в сердцах воскликнул я.

— Не возьмут, — твёрдо сказал Рексоман.

— Это почему же? — с сомнением в голосе спросила Эсмеральда.

— В случае нападения на заставу регулярных войск противника, городские ворота в Смоленске сразу закрываются и объявляется осадное положение.

— А в городе ещё и ворота есть? — удивился я.

— И ворота, и стена, и даже ров с водой, — пояснила мне Чарген. — Между прочим, стена каменная.

Я вдруг вспомнил, что оба раза покидал Смоленск в «спящем» состоянии, то есть сам был в реале, пока перса транспортировали на заставу. Как видно, напрасно. Мне очень хотелось бы увидеть всё то, о чём сказала Чарген. Впрочем, похоже, такая возможность мне довольно скоро представится.

— Гандарийцы правильно сделали, что сначала на заставу напали, — неохотно признал Рексоман. — Я бы тоже так поступил

на их месте. Понимали, что обнуляя погранцов, они автоматически рассекречивают свои планы. Первым делом обнулённые отправятся к воеводе и доложат о нападении со всеми подробностями. Но оставлять в тылу крупную боеспособную единицу врага — было бы большой ошибкой.

— Ага, — согласился Персиваль. — Мы теперь точно не крупная, и не очень боеспособная единица.

— Ладно, побазарили, и хватит, — сказал сотник. — Помолчи, Персиваль. Сколько у нас людей, Семён?

— Полсотни, может, чуть больше, — доложил Семён. — Меньше половины основного состава. Точнее завтра сосчитаем, темно.

— Обидно! — сказал Икар. — Гандарийцы завтра на Смоленск попрут, а может, и ночью. Вряд ли они стены штурмовать станут — всё же силёнок маловато. А вот колечко вокруг города замкнут железно.

— А у нас будет ровно неделя, чтобы осаду снять. Время терять нельзя, — веско сказал Мамай.

— Значицца, так, — сказал Рексоман, хлопнув ладонями по коленям. — Завтра с утра выдвигаемся к городу. Близко не подходим, надо сначала разведку провести. Если гандарийцы всеми силами вдарили — это порядка тысячи человек.

— Ничего себе! — удивился я. — Так много?

— У них довольно крупное княжество, — сказала Чарген.

— Их может быть и больше, — заметил Мамай. — У Шкипера, вон, тоже раньше двухсот бойцов не было.

— Будем пока исходить из тысячи, — решил Рексоман. — Плюс банда Шкипера.

— А другие княжества не могли с гандарийцами вместе выступить? — спросил я.

— Пока такой сюжет рассматривать не будем, — сотник отвёл взгляд. — Это князю Андрею должно быть виднее, кто там с кем и против кого. Наше дело — военное. А потому сразу после совещания выйду в реал, разошлю сообщения командирам остальных застав. Пусть немедленно выдвигаются на соединение с нами. Всем надо собраться вместе.

— А сколько их, оставшихся? — спросил я.

— Наша Северная, — пояснил Витя. — Самая крупная. Потому что у нас самое опасное направление. Есть ещё Южная, Западная и Восточная.

— Если все вместе взять, это где-то триста человек, — сказал Рексоман. — С нами будет триста пятьдесят.

— И что сделаем против их войска? — спросил я.

— Знаешь, что такое партизанская война? — вместо ответа

спросил Рексоман. — Кроме того, в городе княжеская дружина — это отборные войска, три сотни человек. Плюс городская стража — они тоже не лыком шиты. Это ещё сто человек. И гражданские — всегда можно призвать ополчение.

— Плюс наших сегодня туда добрая сотня через обнуление попала! — поддержала Рексомана Чарген.

— Можно ещё наёмников нанять, — высказалась Эсмеральда.

— На это деньги нужны, — задумчиво сказал сотник. — Не знаю, как там у Андрея с деньгами… В общем, за неделю мы должны снять осаду. Иначе игра проиграна. Всё понятно?

Вопрос, конечно же, был риторическим.

Глава десятая. Партизанская война

Спалось мне неважно. Снились какие-то ужастики. Из тех, что потом не запоминаются, но оставляют после пробуждения тяжёлое неприятное чувство. Плюс измождённость. Всё это я и чувствовал на следующее утро, когда вставал с постели под бодрый звон будильника. Подавив искушение заглянуть в компьютер, я всё же первым делом решил умыться и позавтракать как человек.

На кухне за столом сидел отец, перед ним стояла пустая тарелка со следами яичницы и чашка с дымящимся кофе. В руках он держал какой-то журнал.

— Ты чего не на работе? — спросил я, проверяя рукой, достаточно ли чайник горяч.

— И тебя с добрым утром, — ответил отец. — Сегодня воскресенье, вообще-то, тебе не сообщили?

Ёлки-палки, действительно воскресенье. Все дни уже с этой игрой смешались. Так значит, не спроста гандарийцы вчера вечером напали — им сегодня к Смоленску подступать, нужно максимальное число игроков он-лайн собрать. А это проще всего сделать именно в выходной день, когда и студенты, и школьники, и даже инженеры с продавцами в придачу отдыхают.

— А чего тогда не спишь? — снова спросил я.

— Выспался, — сообщил отец. — Делами хочу заняться. А вот ты чего вскочил? Только не говори, что ты и сегодня с ушами в компьютере весь день провести собираешься.

— Заскочу, конечно. Ненадолго, — соврал я, заливая растворимый кофе кипятком.

— Ты в курсе, что меня мать просила как-то повлиять на тебя, чтобы от компьютерной зависимости избавить?

— Так у меня же работа с компьютерами связана, — удивился я.

— Знаем мы твою работу, — спокойно сказал отец. — Как не заглянешь к тебе в комнату — сидишь в кресле в полной отключке, только руки и ноги подёргиваются. Между прочим, выглядит пугающе. Даже для меня. Про мать я вообще молчу.

— Ну, я же в виртуале! — намазывая хлеб маслом и накладывая поверх клубничное варенье, возразил я.

— Ты так говоришь, будто уйти в виртуал — это всё равно, что в футбол во дворе пойти поиграть.

— А что, нет? — удивился я.

— От футбола зависимость не возникает, — поучительным тоном сказал отец. — А от виртуала в два счёта.

— От футбола ещё какая зависимость, — сказал я. — Посмотри, вон, на наших олигархов. Каждый себе хочет по команде купить.

— Так это бизнес!

— Ну, и виртуал это бизнес, — согласился я. — Для кого-то.

— Ну вот, — подхватил отец. — И этот кто-то на тебе зарабатывает.

Мне почему-то сразу вспомнилось, как примерно то же самое говорил Мамай в таверне в самый первый мой вечер в Нереалии.

— Что вы все так из-за этого беспокоитесь! Все на ком-то зарабатывают, — сказал я.

— Неправда, — возразил отец. — Я вот на тебе не зарабатываю. И на друзьях тоже. И вообще, до девяносто первого года у нас в стране эксплуатация была запрещена.

— Так она и сейчас запрещена.

— Ну да, теперь мы свободны, — невесело улыбнулся отец. — Каждый волен жить, как получится. Волен умереть с голоду, жить на улице и так далее. А если хочешь регулярно кушать — должен продаться в рабство какой-нибудь фирме, желательно покрупнее и помощнее, с хорошими условиями и социальным пакетом, чтобы рабство было максимально комфортным.

Я осторожно сделал глоток. Хороший кофе, крепкий. Но очень горячий.

— Скучаешь по советским временам? — уточнил я.

— Дело не во временах, — взмахнул журналом отец. — Раньше думали, как сделать жизнь народу лучше. Идея была, понимаешь? Общая идея, и каждый чувствовал свою причастность к чему-то огромному.

— Ну да, комсомольские стройки и всё такое, — сказал я.

— И это тоже, — кивнул отец. — Люди знали — мы живём в своей стране, мы здесь — хозяева, если строим что-то — это для будущих поколений. Мы верили в это, трудились ради этой цели, потому что разделяли её всем сердцем. Ты был человек и личность, но при этом чувствовал себя частью огромного общества, народа.

— Ну а сейчас?

— А сейчас каждый сам по себе, — грустно сказал отец. — Есть бизнес, он нанимает людей, увеличивает свой капитал. Частный. Всё распродано, и за каждый шаг нужно платить. А отношение к тебе везде как к чужому. Как бы поживиться за твой счёт. Эгоизм победил. Каждый думает максимум на уровне своей семьи — о личном благосостоянии.

— И чем же это плохо? — я посмотрел на часы и решил, что успею сделать ещё бутербродик и заодно с отцом подольше

пообщаюсь.

— А тем это плохо, что уничтожает все настоящие, высшие межчеловеческие ценности, такие как дружба, взаимовыручка, милосердие, любовь, наконец! Вместо этого, во главе угла деньги — только деньги. Нас превращают в кассовые аппараты.

— Слушай, тебе бы в политику пойти, — сказал я. — Так убеждённо всё говоришь.

Отец замолчал, снова открыл журнал, посмотрел в него несколько мгновений, затем раздражённо бросил его на стол.

— Не верю в честную политику! Это такой же бизнес, как и всё остальное.

— Неправильно рассуждаешь, — не согласился я. — Если все будут на кухнях разговоры вести, и никто палец о палец не ударит, чтобы как раз честной политикой заняться — так ничего и не изменится.

— А что теперь можно изменить? Когда всё уже поделено, система работает на обогащение, и никто не захочет ни граммом поступиться, чтобы сделать общество хоть чуточку более справедливым.

— Вот чего я не понимаю, — сказал я, ставя пустую чашку в раковину, — так это то, почему взрослые разумные люди так любят красиво говорить, но ничего при этом не хотят делать и менять.

— А ты хочешь что-то делать? — спросил отец. — Менять?

— А меня всё устраивает, — пожал плечами я.

— Ты просто не знал ничего другого.

— Я просто принимаю наш мир и существующие обстоятельства, как данность. Чего зря языками болтать — только время тратить.

— Это то же самое безделье и нежелание напрягаться, — подытожил отец.

— Не то же самое, — возразил я. — Если меня больше не будет что-то устраивать, я это изменю.

— Какой ты быстрый! Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Думаешь, это так просто?

— Я сейчас ничего не думаю, — возразил я. — Появится потребность — подумаю. Увижу конкретную несправедливость — буду с ней воевать.

Отец скептически улыбнулся и покачал головой. Потом вздохнул и снова потянулся к журналу:

— Ладно. Иди в свой компьютер, воин. Матери скажу, что беседу провёл.

— Спасибо, пап! — довольно улыбнулся я.

Приятно, когда хотя бы твои родители принимают и любят

тебя таким, какой ты есть.

Утренний лес был наполнен свежестью и пением птиц. Я сидел, прислонившись спиной к стволу молодой сосенки. Солнце пробивалось сквозь крону деревьев и плясало непоседливыми лучами на устланной мхом лесной подложке. Что-то пощекотало руку, я опустил взгляд и увидел, как по предплечью взбирается деловитый рыжий муравей. Я тщательно рассмотрел его, в который раз удивляясь глубине прорисовки и детализации Нереалии. Шесть ножек, два усика, подвижное, будто на шарнирах, тельце. Я аккуратно сдул его на мох и резко поднялся. Пора за работу. Надо собирать бойцов и двигаться на Смоленск.

Переход занял намного больше времени, чем я предполагал вначале. Должно быть, тот факт, что шли мы в целях маскировки не по наезженной дороге, а по лесным тропам, значительно удлинил наш путь. Кроме того, мы не могли развить большую скорость, так как по пересечённой местности быстро двигаться было невозможно и даже опасно. Один из дружинников поскользнулся на влажном от утренней росы стволе поваленной ветром сосенки, упал в овражек и едва не обнулился. Если учесть, что большая часть отряда шла «на автомате», повинуясь лишь командам командиров, и под ноги не смотрела — это могло существенно сократить наш и без того небольшой состав. Так что темп было решено сократить, а тропинки выбирать пошире и поровнее. Отвлекаться на разговоры было особо некогда, так как мне очень хотелось, чтобы звено дошло до цели в целости и сохранности. Постоянная необходимость повторять «правее» и «левее» невероятно утомляла. Макарыч с Петей, шедшие рядом со мной, бросали на меня сочувствующие взгляды, но помочь ничем не могли. Хотя тот факт, что они сами смотрели на дорогу и не нуждались в поводыре, уже облегчал мне жизнь. К счастью, постепенно бойцы «возвращались» в своих персов, вот поднял голову Федя, вот почти синхронно «ожили» и заспорили о чём-то Ярл с Кольцем. Жизнь налаживалась, вот только усталость начинала давать о себе знать. Жаль, что моим собственным персом никто не может покомандовать. А может, Рексоман? Надо спросить его при случае.

Наконец мы остановились на довольно уютной полянке, окружённой толстыми стволами вековых деревьев. По цепочке бойцов пришла команда «привал». Я громко повторил команду для своих, а потом лёг прямо в траву на спину. Какое наслаждение! По синему небу лениво плыли причудливые кудрявые облака. По привычке, приобретённой ещё в детстве, я начал присматриваться к ним, пытаясь угадать, кого они напоминают. Вот это облако отдалённо похоже на крокодила. А

вот это — если применить немного фантазии — вылитый наш Персиваль со спины.

— Вставай, Алекс, — вдруг раздалось у меня над ухом. — Мы, к сожалению, не в отпуске.

Я нехотя приподнялся на локтях. Рядом со мной на корточках сидел Мамай.

— В чём дело? — удивился я. — Дальше идём?

— Да, — Мамай посмотрел куда-то в сторону, потом снова на меня. — Твоё звено придано мне в разведку, не забыл ещё?

— Так разведка же отменилась! — непонимающе ответил я.

— Разведка в деревню отменилась, теперь будет разведка в сторону Смоленска. И не надо лишних вопросов. Как нужно отвечать командиру?

— Мы не в армии, — проворчал я, поднимаясь на ноги.

— А вот тут ты ошибаешься, — Мамай тоже поднялся. — Ты же в дружину нанялся, а не в роту одуванчиков.

Мои бойцы сидели неподалёку и с интересом прислушивались к нашему разговору.

— Всем звеном пойдём? — спросил я.

— Всем звеном, но двумя группами. Мы с тобой идём вперёд, с нами ещё пару человек. Остальные идут сзади на расстоянии, страхуют на случай контакта с противником. Сам реши, кто в какой группе будет, ты их командир, тебе виднее, — Мамай достал из кармана и развернул небольшую карту. — А пока давай привяжемся к местности. Мы сейчас примерно здесь. Именно это место Рексоман указал остальным сотникам, как точку сбора. А Смоленск вот здесь. Вот досюда ещё идёт лес. А тут — большое голое пространство, поля там. За ними — луг, речка, ну и, собственно, крепостная стена.

Я внимательно следил за его пальцем, прикидывая обстановку.

— Значит, на полях, по идее, пшеница колосится, — продолжил Мамай. — Это хорошо, сможем скрытно подойти. Но есть одно «но». Точнее, два.

— Каких?

— Пшеницу могли уже и скосить. А могли и спалить. Ты с их методами уже познакомился.

— Вы извините, конечно, что встреваю, — громко сказал Макарыч. — А только мы бы унюхали, если бы они что-то палили.

— Ну, в общем, мы должны всё разведать, — закончил Мамай.

Я подумал и решил посоветоваться с бойцами.

— Что скажете, народ? Кто впереди пойдёт, кто сзади?

— Я впереди пойду! — сказала ещё совсем недавно

отсутствовавшая Агнешка. — Прикрывать вас буду.

— И я пойду! — сказал Ярл и резко чиркнул по воздуху кинжалом так, что раздался лёгкий свист.

— Да все мы готовы пойти, — подытожил Макарыч. — Тебе решать, командир.

— Значицца, так, — решил я. — Впереди с нами пойдут Макарыч с Агнешкой. Все остальные — во второй группе, на расстоянии. Вы должны нас видеть и страховать, если нарвёмся на отряд гандарийцев. Если же нет — вы так и остаётесь всё время во втором эшелоне. Мы остановились — вы остановились. Мы пошли — вы пошли. Старшим будет Петя. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не было.

Пшеницу не спалили. И не скосили. Выйдя из леса, мы первым делом увидели жёлтое колышущееся море. Ветерок играл тяжёлыми колосьями, нагибая их то в одну, то в другую сторону.

— Вот уж чудо из чудес, — растроганно сказал Макарыч, обнимая колосок ладонью.

— А его кушать можно! — воскликнула Агнешка и стала показывать, как извлечь из колоска семена. — Только заусеницы не ешьте, они в желудке застревают! Опасно!

Мне тоже захотелось попробовать на вкус спелую пшеницу, но Мамай строго одёрнул:

— Мы не на прогулке здесь! После войны будем пшеницу пробовать.

— А ведь её косить надо! — сказал я, вдыхая вкусный, слегка прелый запах злаков.

— Теперь некому косить — ворота закрыты, горожане все внутри, — ответил Мамай.

— А селяне? Тут же есть деревни? — спросила Агнешка.

— В Нереалии слухи распространяются со скоростью света, — покачал головой Мамай. — Уже не только селяне — весь сервер знает, что на Смоленск напали. Никто ничего косить в такой обстановке не станет.

— Пропадёт… — с сожалением сказал Макарыч.

— Если оперативно осаду снимем — не пропадёт, — отрезал Мамай. — Давайте-ка дальше двигаться.

— Как пойдём? — спросила Агнешка. — Напрямую? Или в обход?

— Пойдём напрямую, — ответил Мамай. — с полкилометра. А дальше — ползком.

— Серьёзно? — удивился я.

— Серьёзней не бывает, — хмуро подтвердил Мамай. — Думаешь, мне хочется по-пластунски передвигаться? Но скоро уже Смоленск виден будет, а перед ним пустое пространство, где

гандарийцы вполне быть могут. Ты же не хочешь снова в гостях у деда Тимофея оказаться?

— Нет, не хочу, — согласился я.

— То-то я смотрю, ты доспехи на поляне оставил, — ухмыльнулся Макарыч. — Заранее ведь знал, что ползти придётся.

— Естественно, знал, — сказал Мамай. — Ты тоже мог бы догадаться, когда я про пшеницу сказал. Мы не на прогулке. Ладно, кончай базар, как говорит наш сотник. Вперёд.

Звуки шуршания и поскрипывания, когда ты ползёшь, не из самых приятных. Время от времени на земле попадались камушки, извлекавшие из кольчуги не самые мелодичные ноты. Хорошо хоть, не я сам ползу, а всего лишь мой перс. Ощущения, конечно, очень похожие — но, что ни говори, это намного легче и приятнее. Впереди перед глазами мелькали грязные подошвы сапог Мамая, сзади раздавался приглушённый матерок Макарыча. К счастью, ползти пришлось не очень долго. В какой-то момент Мамай остановился, замер на земле и рукой поманил меня к себе. Я подполз к нему поближе и увидел, как он осторожно раздвинул заканчивающуюся здесь стену пшеницы.

Перед нашими взорами раскинулись обширные луга, за ними речка, а за речкой, на её высоком берегу — красивая зубчатая крепостная стена, перемежающаяся смотровыми башнями. Дальше виднелись крыши домов, колокольни и купола церквей. Совсем уж далеко видна была ещё одна стена, меньшего диаметра — и за ней остроконечная крыша ратуши. Вот он, Смоленск, как на ладони.

— Вот это да! — протянул я.

— Сюда посмотри, — потребовал Мамай, показывая рукой налево.

Я проследил за его взглядом и увидел, как вдалеке вдоль берега реки движется цепочка бойцов в длинных кольчугах. Гандарийцы.

— Заканчивают охват, — шепнул мне Мамай. — Сейчас замкнут кольцо.

Я глянул вправо и увидел, как им навстречу движется такая же цепочка бойцов.

— Какие будут наши действия? — спросил я.

— Пока понаблюдаем. Заодно посчитаем.

Мы насчитали в общей сложности пятьдесят восемь человек. Негусто. Неужели они такими силами осаду собираются держать? Пусть даже мы видим сейчас лишь один из участков.

— Что-то маловато их для охватывающего кольца, — подтвердил мои сомнения Мамай. — Не понимаю…

Макарыч с Агнешкой подползли поближе, осмотрелись и сделали те же выводы.

— Видишь, фигурки на стене появились? — толкнул меня Мамай.

Я присмотрелся — действительно, на крепостной стене, почти неразличимые с такого расстояния, перемещались стражники.

— Ну, по крайней мере, в городе не сидят сложа руки, — заметил я.

— Ладно, посмотрели, и хватит, — решил Мамай и начал разворачиваться. — Дальше идти смысла нет, да и рискованно слишком. Будем возвращаться.

Но не успели мы проползти и пятидесяти метров, как столкнулись нос к носу с Бруно, ползшим нам навстречу.

— Ты что тут делаешь! — возмутился я.

— Ты приказ помнишь? — холодно осведомился Мамай.

— Петя приказал ползти к вам! — сказал Бруно. — Пшеничное поле отрезали от леса!

— В смысле, отрезали? — не понял я.

— Гандарийцы. В большом количестве. Растянулись цепью.

— Так вот почему у них вдоль реки цепочка такая реденькая была! — задумчиво сказал Мамай. — Они два кольца делают.

— Как бы они сейчас не начали кольца сжимать, — сказал практичный Макарыч.

— Что будем делать, командир? — спросил появившийся вслед за Бруно Петя.

Я вопросительно посмотрел на Мамая.

— Ждать, пока они начнут сжимать, мы не будем, — твёрдо сказал он. — Подождём, пока перед нами никого не будет, и рванём в лес.

— А если всё время кто-то будет? — поинтересовался Бруно.

— Тогда возьмём языка, и рванём в лес, — сказал Мамай. — Языка, кстати, в любом случае желательно взять.

Ветерок донёс до нас слабый вкусный запах свежей выпечки.

— Откуда это булками пахнет? — Агнешка несколько раз с наслаждением втянула в себя воздух.

Мамай вдруг напрягся, и быстро сказал:

— Всё-таки подожгли, гады. Хотят обезопасить себя, чтоб им в спину внезапно никто не ударил. Все за мной!

Он быстро пополз вперёд, по направлению к лесу. Мы поспешили за ним — никому не улыбалась перспектива поджариться на этом поле, как пирожкам в духовке.

Никогда не думал, что пшеница может так быстро гореть. Возможно, причиной был лёгкий ветерок, который помогал

распространяться огню. А может, перед этим просто слишком долго стояли жаркие дни без единой капли дождя. А только очень скоро вокруг стало в прямом смысле слова жарко. Кроме того, от едкого дыма становилось всё труднее дышать. Треск огня становился всё громче, пока не заглушил все остальные звуки. Стало ясно, что ползком мы пересечь поле не успеем. Посылать кого-то вперёд, чтобы высмотрел место побезлюднее для броска в лес тоже уже не оставалось времени. А значит, оставалось лишь бежать напролом, наплевав на маскировку.

Мамай приказал передать по цепочке, что по его сигналу все должны с оружием наизготовку нестись вперёд — если надо, через пламя.

— Но мы же приведём их за собой в лагерь! — сказал я ему.

— Не приведём, — ответил он, сжимая рукоять меча. — Сделаем крюк в другую сторону. Не бойся. А что в лесу партизаны будут — они и так знают, потому территорию и выжигают.

Вы когда-нибудь пробовали бежать сквозь огонь? Это по-настоящему страшно. Мы неслись словно на крыльях, спеша выскочить из западни, в которую так некстати угодили. При этом старались не поднимать лишнего шума, и потому неслись молча, ощетинившись оружием. Я бежал сразу за Мамаем, и мне было отлично видно, как между горящим полем и лесом остановился и рассыпается в боевой порядок небольшой отряд гандарийцев. Наверное, они были немало удивлены увидеть несущихся прямо на них сквозь огонь смоленских дружинников.

Вот тогда Мамай закричал. Высоко подняв меч, он нацелился прямо в центр построения противника. Мы подхватили клич, и не сбавляя темпа врезались в группу гандарийцев. Без устали работая кинжалом, я краем глаза успевал отмечать, как метко стреляли Агнешка с Макарычем — они обнуляли гандарийцев почти без осечек. Те никак не ожидали подобного напора, да и отряд, судя по всему, попался не из сильнейших — очень скоро мы стали брать над ними верх.

— Одного оставьте! — крикнул Мамай, отбиваясь мечом сразу от двоих гандарийцев.

Я так увлёкся боем, что пропустил один из выпадов соперника, что едва не стоило мне жизни перса — удар явно был нацелен в шею, но попал кинжал, к счастью, в ключицу, пробив стальные колечки кольчуги. Тем не менее, я сразу почувствовал горячую струйку крови, затекающую под рубаху. Ощущение новое и совсем не из приятных. Гнев удесятерил силы, и я буквально прижал врага к стволу дерева, выбив оружие из его рук и приставив к горлу лезвие кинжала. Лишь увидев, как испуганно расширились зрачки гандарийца, и как он судорожно глотнул,

коснувшись кадыком острого лезвия, я немного остыл.

— Пошевелишься — обнулю! — каким-то чужим, грубым голосом сообщил я ему, и медленно отвёл кинжал в сторону.

Возможно, обнуление было бы не худшим вариантом для гандарийца, но в этот момент все его внимание было сосредоточено на остром кончике путешествующего рядом с его лицом кинжала, так что он лишь испуганно моргнул и слегка кивнул.

— Пакуйте этого! — я кивнул подбежавшим Ярлу с Кольцем, а сам в изнеможении сел на траву, прислонившись к дереву спиной. Голоса друзей доносились как будто из глубокого колодца, перед глазами шли разноцветные круги.

— Командир, ты ранен, — сказал Ярл, заводя руки гандарийца за спину и затягивая ремнём от штанов.

— Я знаю, — вяло сказал я, чувствуя, как меня неимоверно начинает клонить в сон.

— Ёлки з-зелёные! — воскликнул Кольц, приседая передо мной на колени и стягивая с себя рубаху. — Ему к-кровь надо остановить!

— Что тут у вас? — громко спросил подбежавший Мамай.

— Звеньевого ранило! — с лёгкой паникой в голосе доложил Кольц, одновременно с силой вдавливая мне в плечо свою рубаху.

— Кольчугу ему сними сначала! — приказал Мамай. — Потом рубаху разорви и перевяжи! Быстро! Нам надо уходить!

Уже закрывая глаза, я увидел плюхнувшуюся рядом со мной Агнешку, сразу выхватившую у Кольца рубаху и резким движением кинжала отрезавшую от неё широкую полосу. А потом вокруг потемнело, и я очнулся в кресле у себя дома.

Спалось мне неважно. Снились какие-то ужастики. Из тех, что потом не запоминаются, но оставляют после пробуждения тяжёлое неприятное чувство. Плюс изможднность. Всё это я и чувствовал на следующее утро, когда вставал с постели под бодрый звон будильника. Подавив искушение заглянуть в компьютер, я всё же первым делом решил умыться и позавтракать как человек.

На кухне за столом сидел отец, перед ним стояла пустая тарелка со следами яичницы и чашка с дымящимся кофе. В руках он держал какой-то журнал.

— Ты чего не на работе? — спросил я, проверяя рукой, достаточно ли чайник горяч.

— И тебя с добрым утром, — ответил отец. — Сегодня воскресенье, вообще-то, тебе не сообщили?

Ёлки-палки, действительно воскресенье. Все дни уже с этой игрой смешались. Так значит, не спроста гандарийцы вчера

вечером напали — им сегодня к Смоленску подступать, нужно максимальное число игроков он-лайн собрать. А это проще всего сделать именно в выходной день, когда и студенты, и школьники, и даже инженеры с продавцами в придачу отдыхают.

— А чего тогда не спишь? — снова спросил я.

— Выспался, — сообщил отец. — Делами хочу заняться. А вот ты чего вскочил? Только не говори, что ты и сегодня с ушами в компьютере весь день провести собираешься.

— Заскочу, конечно. Ненадолго, — соврал я, заливая растворимый кофе кипятком.

— Ты в курсе, что меня мать просила как-то повлиять на тебя, чтобы от компьютерной зависимости избавить?

— Так у меня же работа с компьютерами связана, — удивился я.

— Знаем мы твою работу, — спокойно сказал отец. — Как не заглянешь к тебе в комнату — сидишь в кресле в полной отключке, только руки и ноги подёргиваются. Между прочим, выглядит пугающе. Даже для меня. Про мать я вообще молчу.

— Ну, я же в виртуале! — намазывая хлеб маслом и накладывая поверх клубничное варенье, возразил я.

— Ты так говоришь, будто уйти в виртуал — это всё равно, что в футбол во дворе пойти поиграть.

— А что, нет? — удивился я.

— От футбола зависимость не возникает, — поучительным тоном сказал отец. — А от виртуала в два счёта.

— От футбола ещё какая зависимость, — сказал я. — Посмотри, вон, на наших олигархов. Каждый себе хочет по команде купить.

— Так это бизнес!

— Ну, и виртуал это бизнес, — согласился я. — Для кого-то.

— Ну вот, — подхватил отец. — И этот кто-то на тебе зарабатывает.

Мне почему-то сразу вспомнилось, как примерно то же самое говорил Мамай в таверне в самый первый мой вечер в Нереалии.

— Что вы все так из-за этого беспокоитесь! Все на ком-то зарабатывают, — сказал я.

— Неправда, — возразил отец. — Я вот на тебе не зарабатываю. И на друзьях тоже. И вообще, до девяносто первого года у нас в стране эксплуатация была запрещена.

— Так она и сейчас запрещена.

— Ну да, теперь мы свободны, — невесело улыбнулся отец. — Каждый волен жить, как получится. Волен умереть с голоду, жить на улице и так далее. А если хочешь регулярно кушать — должен продаться в рабство какой-нибудь фирме, желательно покрупнее

и помощнее, с хорошими условиями и социальным пакетом, чтобы рабство было максимально комфортным.

Я осторожно сделал глоток. Хороший кофе, крепкий. Но очень горячий.

— Скучаешь по советским временам? — уточнил я.

— Дело не во временах, — взмахнул журналом отец. — Раньше думали, как сделать жизнь народу лучше. Идея была, понимаешь? Общая идея, и каждый чувствовал свою причастность к чему-то огромному.

— Ну да, комсомольские стройки и всё такое, — сказал я.

— И это тоже, — кивнул отец. — Люди знали — мы живём в своей стране, мы здесь — хозяева, если строим что-то — это для будущих поколений. Мы верили в это, трудились ради этой цели, потому что разделяли её всем сердцем. Ты был человек и личность, но при этом чувствовал себя частью огромного общества, народа.

— Ну а сейчас?

— А сейчас каждый сам по себе, — грустно сказал отец. — Есть бизнес, он нанимает людей, увеличивает свой капитал. Частный. Всё распродано, и за каждый шаг нужно платить. А отношение к тебе везде как к чужому. Как бы поживиться за твой счёт. Эгоизм победил. Каждый думает максимум на уровне своей семьи — о личном благосостоянии.

— И чем же это плохо? — я посмотрел на часы и решил, что успею сделать ещё бутерброд и заодно с отцом подольше пообщаюсь.

— А тем это плохо, что уничтожает все настоящие, высшие межчеловеческие ценности, такие как дружба, взаимовыручка, милосердие, любовь, наконец! Вместо этого, во главе угла деньги — только деньги. Нас превращают в кассовые аппараты.

— Слушай, тебе бы в политику пойти, — сказал я. — Так убеждённо всё говоришь.

Отец замолчал, снова открыл журнал, посмотрел в него несколько мгновений, затем раздражённо бросил его на стол.

— Не верю в честную политику! Это такой же бизнес, как и всё остальное.

— Неправильно рассуждаешь, — не согласился я. — Если все будут на кухнях разговоры вести, и никто палец о палец не ударит, чтобы как раз честной политикой заняться — так ничего и не изменится.

— А что теперь можно изменить? Когда всё уже поделено, система работает на обогащение, и никто не захочет ни граммом поступиться, чтобы сделать общество хоть чуточку более справедливым.

— Вот чего я не понимаю, — сказал я, ставя пустую чашку в раковину, — так это то, почему взрослые разумные люди так любят красиво говорить, но ничего при этом не хотят делать и менять.

— А ты хочешь что-то делать? — спросил отец. — Менять?

— А меня всё устраивает, — пожал плечами я.

— Ты просто не знал ничего другого.

— Я просто принимаю наш мир и существующие обстоятельства, как данность. Чего зря языками болтать — только время тратить.

— Это то же самое безделье и нежелание напрягаться, — подытожил отец.

— Не то же самое, — возразил я. — Если меня больше не будет что-то устраивать, я это изменю.

— Какой ты быстрый! Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Думаешь, это так просто?

— Я сейчас ничего не думаю, — возразил я. — Появится потребность — подумаю. Увижу конкретную несправедливость — буду с ней воевать.

Отец скептически улыбнулся и покачал головой. Потом вздохнул и снова потянулся к журналу:

— Ладно. Иди в свой компьютер, воин. Матери скажу, что беседу провёл.

— Спасибо, пап! — довольно улыбнулся я.

Приятно, когда хотя бы твои родители принимают и любят тебя таким, какой ты есть.

Утренний лес был наполнен свежестью и пением птиц. Я сидел, прислонившись спиной к стволу молодой сосенки. Солнце пробивалось сквозь крону деревьев и плясало непоседливыми лучами на устланной мхом лесной подложке. Что-то пощекотало руку, я опустил взгляд и увидел, как по предплечью взбирается деловитый рыжий муравей. Я тщательно рассмотрел его, в который раз удивляясь глубине прорисовки и детализации Нереалии. Шесть ножек, два усика, подвижное, будто на шарнирах, тельце. Я аккуратно сдул его на мох и резко поднялся. Пора за работу. Надо собирать бойцов и двигаться на Смоленск.

Переход занял намного больше времени, чем я предполагал вначале. Должно быть, тот факт, что шли мы в целях маскировки не по наезженной дороге, а по лесным тропам, значительно удлинил наш путь. Кроме того, мы не могли развить большую скорость, так как по пересечённой местности быстро двигаться было невозможно и даже опасно. Один из дружинников поскользнулся на влажном от утренней росы стволе поваленной ветром сосенки, упал в овражек и едва не обнулился. Если учесть,

что большая часть отряда шла «на автомате», повинуясь лишь командам командиров, и под ноги не смотрела — это могло существенно сократить наш и без того небольшой состав. Так что темп было решено сократить, а тропинки выбирать пошире и поровнее. Отвлекаться на разговоры было особо некогда, так как мне очень хотелось, чтобы звено дошло до цели в целости и сохранности. Постоянная необходимость повторять «правее» и «левее» невероятно утомляла. Макарыч с Петей, шедшие рядом со мной, бросали на меня сочувствующие взгляды, но помочь ничем не могли. Хотя тот факт, что они сами смотрели на дорогу и не нуждались в поводыре, уже облегчал мне жизнь. К счастью, постепенно бойцы «возвращались» в своих персов, вот поднял голову Федя, вот почти синхронно «ожили» и заспорили о чём-то Ярл с Кольцем. Жизнь налаживалась, вот только усталость начинала давать о себе знать. Жаль, что моим собственным персом никто не может покомандовать. А может, Рексоман? Надо спросить его при случае.

Наконец мы остановились на довольно уютной полянке, окружённой толстыми стволами вековых деревьев. По цепочке бойцов пришла команда «привал». Я громко повторил команду для своих, а потом лёг прямо в траву на спину. Какое наслаждение! По синему небу лениво плыли причудливые кудрявые облака. По привычке, приобретённой ещё в детстве, я начал присматриваться к ним, пытаясь угадать, кого они напоминают. Вот это облако отдалённо похоже на крокодила. А вот это — если применить немного фантазии — вылитый наш Персиваль со спины.

— Вставай, Алекс, — вдруг раздалось у меня над ухом. — Мы, к сожалению, не в отпуске.

Я нехотя приподнялся на локтях. Рядом со мной на корточках сидел Мамай.

— В чём дело? — удивился я. — Дальше идём?

— Да, — Мамай посмотрел куда-то в сторону, потом снова на меня. — Твоё звено придано мне в разведку, не забыл ещё?

— Так разведка же отменилась! — непонимающе ответил я.

— Разведка в деревню отменилась, теперь будет разведка в сторону Смоленска. И не надо лишних вопросов. Как нужно отвечать командиру?

— Мы не в армии, — проворчал я, поднимаясь на ноги.

— А вот тут ты ошибаешься, — Мамай тоже поднялся. — Ты же в дружину нанялся, а не в роту одуванчиков.

Мои бойцы сидели неподалёку и с интересом прислушивались к нашему разговору.

— Всем звеном пойдём? — спросил я.

— Всем звеном, но двумя группами. Мы с тобой идём вперёд, с нами ещё пару человек. Остальные идут сзади на расстоянии, страхуют на случай контакта с противником. Сам реши, кто в какой группе будет, ты их командир, тебе виднее, — Мамай достал из кармана и развернул небольшую карту. — А пока давай привяжемся к местности. Мы сейчас примерно здесь. Именно это место Рексоман указал остальным сотникам, как точку сбора. А Смоленск вот здесь. Вот досюда ещё идёт лес. А тут — большое голое пространство, поля там. За ними — луг, речка, ну и, собственно, крепостная стена.

Я внимательно следил за его пальцем, прикидывая обстановку.

— Значит, на полях, по идее, пшеница колосится, — продолжил Мамай. — Это хорошо, сможем скрытно подойти. Но есть одно «но». Точнее, два.

— Каких?

— Пшеницу могли уже и скосить. А могли и спалить. Ты с их методами уже познакомился.

— Вы извините, конечно, что встреваю, — громко сказал Макарыч. — А только мы бы унюхали, если бы они что-то палили.

— Ну, в общем, мы должны всё разведать, — закончил Мамай.

Я подумал и решил посоветоваться с бойцами.

— Что скажете, народ? Кто впереди пойдёт, кто сзади?

— Я впереди пойду! — сказала ещё совсем недавно отсутствовавшая Агнешка. — Прикрывать вас буду.

— И я пойду! — сказал Ярл и резко чиркнул по воздуху кинжалом так, что раздался лёгкий свист.

— Да все мы готовы пойти, — подытожил Макарыч. — Тебе решать, командир.

— Значицца, так, — решил я. — Впереди с нами пойдут Макарыч с Агнешкой. Все остальные — во второй группе, на расстоянии. Вы должны нас видеть и страховать, если нарвёмся на отряд гандарийцев. Если же нет — вы так и остаётесь всё время во втором эшелоне. Мы остановились — вы остановились. Мы пошли — вы пошли. Старшим будет Петя. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не было.

Пшеницу не спалили. И не скосили. Выйдя из леса, мы первым делом увидели жёлтое колышущееся море. Ветерок играл тяжёлыми колосьями, нагибая их то в одну, то в другую сторону.

— Вот уж чудо из чудес, — растроганно сказал Макарыч, обнимая колосок ладонью.

— А его кушать можно! — воскликнула Агнешка и стала показывать, как извлечь из колоска семена. — Только заусеницы

не ешьте, они в желудке застревают! Опасно!

Мне тоже захотелось попробовать на вкус спелую пшеницу, но Мамай строго одёрнул:

— Мы не на прогулке здесь! После войны будем пшеницу пробовать.

— А ведь её косить надо! — сказал я, вдыхая вкусный, слегка прелый запах злаков.

— Теперь некому косить — ворота закрыты, горожане все внутри, — ответил Мамай.

— А селяне? Тут же есть деревни? — спросила Агнешка.

— В Нереалии слухи распространяются со скоростью света, — покачал головой Мамай. — Уже не только селяне — весь сервер знает, что на Смоленск напали. Никто ничего косить в такой обстановке не станет.

— Пропадёт… — с сожалением сказал Макарыч.

— Если оперативно осаду снимем — не пропадёт, — отрезал Мамай. — Давайте-ка дальше двигаться.

— Как пойдём? — спросила Агнешка. — Напрямую? Или в обход?

— Пойдём напрямую, — ответил Мамай. — с полкилометра. А дальше — ползком.

— Серьёзно? — удивился я.

— Серьёзней не бывает, — хмуро подтвердил Мамай. — Думаешь, мне хочется по-пластунски передвигаться? Но скоро уже Смоленск виден будет, а перед ним пустое пространство, где гандарийцы вполне быть могут. Ты же не хочешь снова в гостях у деда Тимофея оказаться?

— Нет, не хочу, — согласился я.

— То-то я смотрю, ты доспехи на поляне оставил, — ухмыльнулся Макарыч. — Заранее ведь знал, что ползти придётся.

— Естественно, знал, — сказал Мамай. — Ты тоже мог бы догадаться, когда я про пшеницу сказал. Мы не на прогулке. Ладно, кончай базар, как говорит наш сотник. Вперёд.

Звуки шуршания и поскрипывания, когда ты ползёшь, не из самых приятных. Время от времени на земле попадались камушки, извлекавшие из кольчуги не самые мелодичные ноты. Хорошо хоть, не я сам ползу, а всего лишь мой перс. Ощущения, конечно, очень похожие — но, что ни говори, это намного легче и приятнее. Впереди перед глазами мелькали грязные подошвы сапог Мамая, сзади раздавался приглушённый матерок Макарыча. К счастью, ползти пришлось не очень долго. В какой-то момент Мамай остановился, замер на земле и рукой поманил меня к себе. Я подполз к нему поближе и увидел, как он осторожно раздвинул

заканчивающуюся здесь стену пшеницы.

Перед нашими взорами раскинулись обширные луга, за ними речка, а за речкой, на её высоком берегу — красивая зубчатая крепостная стена, перемежающаяся смотровыми башнями. Дальше виднелись крыши домов, колокольни и купола церквей. Совсем уж далеко видна была ещё одна стена, меньшего диаметра — и за ней остроконечная крыша ратуши. Вот он, Смоленск, как на ладони.

— Вот это да! — протянул я.

— Сюда посмотри, — потребовал Мамай, показывая рукой налево.

Я проследил за его взглядом и увидел, как вдалеке вдоль берега реки движется цепочка бойцов в длинных кольчугах. Гандарийцы.

— Заканчивают охват, — шепнул мне Мамай. — Сейчас замкнут кольцо.

Я глянул вправо и увидел, как им навстречу движется такая же цепочка бойцов.

— Какие будут наши действия? — спросил я.

— Пока понаблюдаем. Заодно посчитаем.

Мы насчитали в общей сложности пятьдесят восемь человек. Негусто. Неужели они такими силами осаду собираются держать? Пусть даже мы видим сейчас лишь один из участков.

— Что-то маловато их для охватывающего кольца, — подтвердил мои сомнения Мамай. — Не понимаю…

Макарыч с Агнешкой подползли поближе, осмотрелись и сделали те же выводы.

— Видишь, фигурки на стене появились? — толкнул меня Мамай.

Я присмотрелся — действительно, на крепостной стене, почти неразличимые с такого расстояния, перемещались стражники.

— Ну, по крайней мере, в городе не сидят сложа руки, — заметил я.

— Ладно, посмотрели, и хватит, — решил Мамай и начал разворачиваться. — Дальше идти смысла нет, да и рискованно слишком. Будем возвращаться.

Но не успели мы проползти и пятидесяти метров, как столкнулись нос к носу с Бруно, ползшим нам навстречу.

— Ты что тут делаешь! — возмутился я.

— Ты приказ помнишь? — холодно осведомился Мамай.

— Петя приказал ползти к вам! — сказал Бруно. — Пшеничное поле отрезали от леса!

— В смысле, отрезали? — не понял я.

— Гандарийцы. В большом количестве. Растянулись цепью.

— Так вот почему у них вдоль реки цепочка такая реденькая была! — задумчиво сказал Мамай. — Они два кольца делают.

— Как бы они сейчас не начали кольца сжимать, — сказал практичный Макарыч.

— Что будем делать, командир? — спросил появившийся вслед за Бруно Петя.

Я вопросительно посмотрел на Мамая.

— Ждать, пока они начнут сжимать, мы не будем, — твёрдо сказал он. — Подождём, пока перед нами никого не будет, и рванём в лес.

— А если всё время кто-то будет? — поинтересовался Бруно.

— Тогда возьмём языка, и рванём в лес, — сказал Мамай. — Языка, кстати, в любом случае желательно взять.

Ветерок донёс до нас слабый вкусный запах свежей выпечки.

— Откуда это булками пахнет? — Агнешка несколько раз с наслаждением втянула в себя воздух.

Мамай вдруг напрягся, и быстро сказал:

— Всё-таки подожгли, гады. Хотят обезопасить себя, чтоб им в спину внезапно никто не ударил. Все за мной!

Он быстро пополз вперёд, по направлению к лесу. Мы поспешили за ним — никому не улыбалась перспектива поджариться на этом поле, как пирожкам в духовке.

Никогда не думал, что пшеница может так быстро гореть. Возможно, причиной был лёгкий ветерок, который помогал распространяться огню. А может, перед этим просто слишком долго стояли жаркие дни без единой капли дождя. А только очень скоро вокруг стало в прямом смысле слова жарко. Кроме того, от едкого дыма становилось всё труднее дышать. Треск огня становился всё громче, пока не заглушил все остальные звуки. Стало ясно, что ползком мы пересечь поле не успеем. Посылать кого-то вперёд, чтобы высмотрел место побезлюднее для броска в лес тоже уже не оставалось времени. А значит, оставалось лишь бежать напролом, наплевав на маскировку.

Мамай приказал передать по цепочке, что по его сигналу все должны с оружием наизготовку нестись вперёд — если надо, через пламя.

— Но мы же приведём их за собой в лагерь! — сказал я ему.

— Не приведём, — ответил он, сжимая рукоять меча. — Сделаем крюк в другую сторону. Не бойся. А что в лесу партизаны будут — они и так знают, потому территорию и выжигают.

Вы когда-нибудь пробовали бежать сквозь огонь? Это по-настоящему страшно. Мы неслись словно на крыльях, спеша выскочить из западни, в которую так некстати угодили. При этом

старались не поднимать лишнего шума, и потому неслись молча, ощетинившись оружием. Я бежал сразу за Мамаем, и мне было отлично видно, как между горящим полем и лесом остановился и рассыпается в боевой порядок небольшой отряд гандарийцев. Наверное, они были немало удивлены увидеть несущихся прямо на них сквозь огонь смоленских дружинников.

Вот тогда Мамай закричал. Высоко подняв меч, он нацелился прямо в центр построения противника. Мы подхватили клич, и не сбавляя темпа врезались в группу гандарийцев. Без устали работая кинжалом, я краем глаза успевал отмечать, как метко стреляли Агнешка с Макарычем — они обнуляли гандарийцев почти без осечек. Те никак не ожидали подобного напора, да и отряд, судя по всему, попался не из сильнейших — очень скоро мы стали брать над ними верх.

— Одного оставьте! — крикнул Мамай, отбиваясь мечом сразу от двоих гандарийцев.

Я так увлёкся боем, что пропустил один из выпадов соперника, что едва не стоило мне жизни перса — удар явно был нацелен в шею, но попал кинжал, к счастью, в ключицу, пробив стальные колечки кольчуги. Тем не менее, я сразу почувствовал горячую струйку крови, затекающую под рубаху. Ощущение новое и совсем не из приятных. Гнев удесятерил силы, и я буквально прижал врага к стволу дерева, выбив оружие из его рук и приставив к горлу лезвие кинжала. Лишь увидев, как испуганно расширились зрачки гандарийца, и как он судорожно глотнул, коснувшись кадыком острого лезвия, я немного остыл.

— Пошевелишься — обнулю! — каким-то чужим, грубым голосом сообщил я ему, и медленно отвёл кинжал в сторону.

Возможно, обнуление было бы не худшим вариантом для гандарийца, но в этот момент все его внимание было сосредоточено на остром кончике путешествующего рядом с его лицом кинжала, так что он лишь испуганно моргнул и слегка кивнул.

— Пакуйте этого! — я кивнул подбежавшим Ярлу с Кольцем, а сам в изнеможении сел на траву, прислонившись к дереву спиной. Голоса друзей доносились как будто из глубокого колодца, перед глазами шли разноцветные круги.

— Командир, ты ранен, — сказал Ярл, заводя руки гандарийца за спину и затягивая ремнём от штанов.

— Я знаю, — вяло сказал я, чувствуя, как меня неимоверно начинает клонить в сон.

— Ёлки з-зелёные! — воскликнул Кольц, приседая передо мной на колени и стягивая с себя рубаху. — Ему к-кровь надо остановить!

— Что тут у вас? — громко спросил подбежавший Мамай.

— Звеньевого ранило! — с лёгкой паникой в голосе доложил Кольц, одновременно с силой вдавливая мне в плечо свою рубаху.

— Кольчугу ему сними сначала! — приказал Мамай. — Потом рубаху разорви и перевяжи! Быстро! Нам надо уходить!

Уже закрывая глаза, я увидел плюхнувшуюся рядом со мной Агнешку, сразу выхватившую у Кольца рубаху и резким движением кинжала отрезавшую от неё широкую полосу. А потом вокруг потемнело, и я очнулся в кресле у себя дома.